

63.3(54)
и-97

**УЗБЕКИСТАН В ПЕРИОД
КОЛОНИАЛИЗМА И
СОВЕТСКОГО
ТОТАЛИТАРИЗМА**

33(59)
16-97

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ УЗБЕКИСТАНА
ИМ. МИРЗО УЛУГБЕКА**

УЗБЕКИСТАН В ПЕРИОД КОЛОНИАЛИЗМА И СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА

*Учебное пособие для магистрантов
по специальности 5А 120301 История Узбекистана*

Издательство Национального общества философов Узбекистана
Ташкент 2018

УДК
ББК 63.3(5Ў)
И 97

Ишанходжаева, Замира Райимовна.

Узбекистан в период колониализма и советского тоталитаризма
З.Р. Ишанходжаева. – Ташкент: O‘zbekiston faylasuflari milliy jamiyati nashriyoti, 2018. 264 с.

УДК
ББК 63.3(5Ў)

В учебном пособии рассматриваются вопросы истории колониальной политики Российской империи и советской власти в Узбекистане со второй половины XIX–XX веков, генетика советской репрессивной политики и особенности её выражения в Узбекистане. Пособие подготовлено с учётом последних достижений исторической науки Узбекистана, на основе неопубликованных ранее материалов из фондов исторических архивов, материалов газет прошлых лет, воспоминаний очевидцев исторических событий того периода, зарубежной литературы и интернет-ресурсов. Ключевые вопросы истории изучаемого периода даны в сопоставлении с аналогичными тенденциями в истории других государств мира, что позволяет анализировать важнейшие проблемы истории Узбекистана в тесной взаимосвязи с мировой историей.

Учебное пособие предназначено для магистрантов по специальности 5А 120301 История Узбекистана, преподавателей истории высших учебных заведений, а также для студентов бакалавриата исторических факультетов и для всех, кто интересуется историей своей Родины.

Автор-составитель:

доктор исторических наук Замира Райимовна Ишанходжаева.

Ответственный редактор:

Доктор исторических наук, профессор Р.Х. Муртазаева.

Рецензенты:

Доктор исторических наук Б.В. Хасанов

Доктор исторических наук Х.Э. Юнусова

ISBN 978-9943-5489-4-7

© Издательство национального общества философов Узбекистана, 2018.

ВВЕДЕНИЕ

Вступление Узбекистана на путь суверенного развития вызвало острый общественный интерес к осмыслению объективной истории страны, истоков длительной борьбы народов края за свободу и независимость, к истории формирования идеологии национально-освободительного движения как фактора, подготовившего современный прорыв к государственной независимости. В течение советских десятилетий многие страницы истории узбекского народа были либо преданы забвению, либо умышленно фальсифицированы.

Ныне на новом этапе развития Узбекистана, в условиях кардинальных перемен появилась возможность для восстановления исторической правды, назрела потребность в решительном пересмотре былых установок об истории Узбекистана в условиях колониальной политики Российской империи и советской тоталитарной системы. Как показывает исторический опыт, одним из самых сложных и драматических периодов в истории нашей Родины был период с середины XIX и до 90-х годов XX века.

Историками страны за последние годы изучены многие аспекты социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов этого периода. Существующие сегодня исторические знания позволяют воссоздавать реальную, хотя и не абсолютную картину исторического прошлого изучаемого периода. Это позволило объективно освещать и изучать историю Узбекистана с новых концептуально-методологических позиций, что, в свою очередь, предполагает преподавание исторических предметов для студентов бакалавриата и магистратуры на новом качественном уровне, с учётом интеграции науки и образования, с широким использованием инновационных, а также информационных технологий в учебном процессе.

Данное учебное пособие освещает историю воздействия колониальной политики Российской империи и советской власти на жизнь Узбекистана, историю национально-освободительного движения против колониальной системы, его отдельных общественно-политических течений, особенностей культурной жизни, репрессивной политики советской власти, трагических и сложных процессов в истории Узбекистана на протяжении второй половины XIX–XX веков.

ТЕМА 1. КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЕЁ ОСОБЕННОСТИ

План:

1. Политика Российской Империи в области администрации и управления.
2. Экономическая политика Российской империи в Средней Азии.
3. Бухарский эмират и Хивинское ханство в условиях колониальной зависимости.
4. Переселенческая политика Российской империи в Туркестане и её особенности.

1. Политика Российской Империи в области администрации и управления

На рубеже XIX–XX вв. мир вступал в новую эпоху. Естественнаучная революция, открытие электрона и радиоактивности, появление квантовой механики и теории относительности изменили картину мира, сделав её более сложной. Практическое значение для человека имел переход от пара и угля к электрической энергии и нефти. Изменялись производственные процессы и жизнь людей. Развитие общества и рост грамотности населения предполагал как политическое, так и культурное развитие. Но, тем не менее, к концу XIX века 55% всей суши составляли колонии, которые были приобщены к мировой цивилизации насильственным путём, т.е. захвачены. Исчерпание свободных, не захваченных земель, отсутствие каких либо мировых координирующих центров – все это способствовало усилению агрессивности внешней политики стран, росту милитаризма в т.ч. и в России. Заручившись поддержкой Германии и Австрии, Российская империя начинает завоевательные войны в Туркестанском крае. Уже в 1868 г. вассалами становятся кокандский хан, бухарский эмир, в 1873 г. – хивинский хан.

Сразу же после завоевания Ташкента перед правительством Российской империи встал вопрос об организации выгодного для неё управления на новой территории. Край, в котором ещё шла война, был подчинён, в отличие от прочих областей России, не Министерству внутренних дел, а военному министерству, в ведении которого он оставался вплоть до октября 1917 года. Царская власть рассматривала Среднюю Азию как неприятельскую территорию, а административный аппарат, управлявший ею, как вооруженный лагерь среди враждебного населения. Полную аналогию в этом отношении мы находим и в ряде колоний западноевропейских держав того времени, например, во французской колонии – Алжире. Форма управления Туркестанским краем как колонией законодательно была оформлена в 1886 г. «Положением об управлении Туркестанским краем». В административном отношении Туркестанское генерал-губернаторство, как была названа завоёванная территория, делилось на пять областей: Семиреченскую (с 1897 г.), Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую и Закаспийскую (с 1899 г.). Каждая из этих областей делилась в свою очередь на уезды.

Нынешняя территория Ташкентского вилоята соответствует примерно Ташкентскому уезду Сырдарьинской области, территории нынешних Ферганского, Андижанского и Наманганского вилоятов, расположенных в Ферганской долине, – центральной части тогдашней Ферганской области; территория Самаркандской области, за исключением районов, входящих ныне в состав Таджикистана (Ходжент, Ура-Тюбе, Пенджикент, Магча и другие) и Казахстана (северная часть Джизакского уезда), соответствует Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства. Что касается территории нынешних Бухарского, Кашкадарьинского и Сурхандарьинского вилоятов, то они составляли основную часть Бухарского эмирата, а территории Хорезмского вилоята и Каракалпакии входили в состав Хивинского ханства и Амударьинского отдела, включённого в Сырдарьинскую область (участки Шураханский и Чимбайский).

При организации управления Средней Азией царское правительство стремилось создать аппарат, обеспечивающий прочное обладание колонией с её многочисленным населением. Эта цель достигалась образованием сильного военного аппарата, которому были подчинены все стороны управления. Однако опасение народных восстаний заставляло правительство искать одновременно иные средства и пути. Отсюда стремление использовать господствующие классы местного населения, чтобы через них организовать низовое управление на, якобы, «народных» условно-выборных началах, которые бы не слишком нарушили исторически сложившиеся в стране порядки. Так выработалось своеобразное сочетание военной администрации с «выборной» низовой администрацией, получившее официальное название «военно-народного управления».

Права и обязанности Туркестанского генерал-губернатора определялись так называемой «Золотой грамотой», т. е. царским указом 1867 г. на имя генерал-губернатора фон-Кауфмана. В силу этого указа генерал-губернатор получил необычайно широкие полномочия, которые давали ему право «вести в случае нужды войну и заключать мир с соседними владениями» и решать всякие «политические, пограничные и торговые дела, отправлять в сопредельные владения доверенных лиц для ведения переговоров и подписывать трактаты, условия и постановления, касающиеся пользы обоюдных подданных». В заключение указ Александра II гласил: «Обещаем императорским словом нашим за нас и преемников наших за благо принять всё то, что в силу сего означенным уполномоченным нашим заключено и подписано будет». Таким образом, генерал-губернатор вполне оправдывал данное ему местным населением прозвище «ярим-подшо», т. е. «полуцарь». При генерал-губернаторе действовали его помощники и совет в составе 7–10 человек из военных и гражданских чиновников края.

Областями управляли военные губернаторы и областные правления. Амударьинским отделом заведовал особый начальник, подчинённый военному губернатору Сырдарьинской области. Уездами управляли уездные начальники. В руках

военной администрации сосредоточилось, таким образом, общее руководство всей жизнью страны.

В непосредственном подчинении у военных властей находился низовой аппарат, основанный на началах так называемой «выборности», но фактически состоявший из представителей состоятельных классов населения, на которых и опиралась военная администрация.

На местах действовала власть выборных администраторов и судей. Формально «народное избрание», фактически же — откуп и подкуп — обеспечивали этим «выборным» подлинную власть.

В лице «народных избранников», поддерживаемых уездным начальником и военным губернатором, царская власть получила неоплачиваемую из центра, низовую администрацию. Элементарные потребности местного населения в суде и управлении, потребности царской казны по сбору податей и налогов разрешались при её участии очень просто. При незнании русского военно-административного аппарата местного языка, обычаев и нравов, «народная администрация» была долгое время необходимым проводником всей системы мероприятий царских властей. По мере расслоения дехканства в узбекском кишлаке вырастал местный землевладелец и купец. Пользуясь своим экономическим влиянием, новые землевладельцы в кишлаке фактически захватили в свои руки низовой административный аппарат, который, оставаясь по виду послушным орудием в руках царской уездной и областной администрации, почти полновластно распоряжался на местах. Андижанское восстание 1898 г. раскрыло этот факт в полной мере.

К началу XX в. старое «военно-народное управление» не удовлетворяло требований царской администрации; местные волостные управители вырастали в крупных баев и землевладельцев. Но опиравшееся на них в прошлом царское правительство не собиралось делить с ними власть на местах. Ревизор Туркестанского края сенатор Пален в 1909—1910 гг. решительно настаивал на ликвидации выборного «народного

управления» и на замене его царской администрацией по правительственному назначению; взамен выборных волостных управителей Пален предлагал назначить участковых комиссаров, своего рода земских начальников. Тем не менее, политическая традиция оказалась очень прочной: система так называемого «народного» управления просуществовала 50 лет и была отменена только в 1917 г. Для казны, с финансовой точки зрения, эта система была самой дешёвой из числа всех возможных, а политически — наиболее надёжной.

Ревизия сенатора Палена дала толчок к обсуждению вопроса о реформе низового административного аппарата на специальных областных совещаниях 1910 г. при военных губернаторах. Государственная дума разрешила этот вопрос путем механического переноса на Туркестанский край соответствующих статей русского положения о крестьянах 1861 г.

В 1910 г. и в последующие годы, вплоть до Октябрьского переворота обсуждался вопрос о введении земства, выборных земских учреждений. В «Туркестанских Ведомостях» печатались статьи о том, что «...русская власть ставит перед собой цель «обрусить» местные народы и «научить их самоуправляться». Однако взамен выборного земства со времени революции 1905 г. в стране систематически сохранялось положение о чрезвычайной или усиленной охране. Власть военного министерства не претерпела серьёзных ограничений, но, тем не менее, рядом с генерал-губернатором возникали, по мере надобности, десятки правительственных учреждений и канцелярий других ведомств, не только военных, но и гражданских. Ведомственная чересполосица крайне осложняла всю административную систему.

Вся система царского управления в Средней Азии, основанная на военном произволе царской администрации и на подкупности местных, так называемых народных властей, открывала широкий простор административным злоупотреблениям. Возникшие в 1902 г. дела нескольких чиновников «приподняли лишь небольшой уголок завесы, за которой скрывалась масса

возмутительной грязи». По свидетельству самих русских администраторов, нигде, по-видимому, административная разнузданность и злоупотребления в Туркестане не достигали таких грандиозных размеров, как в Андижанском уезде в девяностых годах. Система злоупотреблений была особенно велика в царской полиции.

Однако злоупотребления не ограничивались мелкой полицейской средой. В них участвовали высшие представители царской администрации вплоть до генерал-губернатора.

Из ссудных касс, организованных по уездам ещё Кауфманом, предполагалось выдавать ссуды узбекам-дехканам и скотоводам-казахам и киргизам, оседавшим во вновь заведённых земледельческих хозяйствах. Но «главными киргизами», по выражению Терентьева, т.е. главными заемщиками из ссудных сумм выступили военный губернатор Сырдарьинской области и его помощник.

Начальник Ходжентского уезда немецкий барон Нольде систематически собирал в свою пользу по 2 рубля 50 коп. с каждого двора и с каждой кибитки. «Нужен и нам хлеб», — говорил он довольно откровенно, собрав, таким образом, свыше 90000 рублей золотом.

Методы жестокой военно-феодальной эксплуатации были созданы не в Средней Азии: они были перенесены из центра, из практики царской администрации.

2. Экономическая политика Российской империи в Средней Азии

В своей колониальной политике царское правительство руководствовалось двумя целями: укрепить свою власть в Средней Азии и использовать её экономические возможности в интересах правящих кругов метрополии. Для этого надо было сломить силу местных господствующих слоёв, а также всячески затормозить хозяйственное и культурное развитие края и искусственно поддерживать существовавшие здесь рыночные отношения. Такие цели и преследовала, в первую очередь, экономическая политика царского правительства.

В первые же годы после завоевания царское правительство провело ряд мер в области аграрного законодательства. Важнейшими из них были:

- объявление всех земель Туркестана принадлежащими казне, передача земель осёдлому местному населению в наследственное общинно-подворное владение, а кочевому населению — в бессрочное общественное пользование с соблюдением существовавших ранее обычаев землепользования.

- В оседлых районах земля закреплялась за теми, кто фактически её обрабатывал. В соответствии с такой установкой судебным органам дано было указание при разборе земельных споров брать в основу не документы на владение, оформленные казиями, а фактическое пользование землей. Поскольку основная часть местной земельной аристократии до завоевания Средней Азии царским правительством сдавала свои земли издольщикам в аренду, эти земли переходили теперь в наследственное пользование арендаторов.

Столь необычайно «демократический» характер аграрной политики империи в первые годы после завоевания Средней Азии объяснялся, во-первых, незаинтересованностью царского правительства в этот период в земельных фондах Средней Азии для нужд колонизации, а во-вторых, желанием добиться в борьбе с местной аристократией нейтрального отношения к себе широких масс местного населения; этим правительство прикрывало реакционную в целом сущность своей колониальной политики.

- Вакфы в большинстве случаев были оставлены в прежнем состоянии; однако допускалось изъятие в казну и вакуфных земель.

- Бывшие частновладельческие мульковые привилегированные земли были обложены таким же налогом, как и прочие земли, и признаны не частновладельческими, а казенными, предоставленными землевладельцам в наследственное владение и пользование.

- Вне городской черты отвод земель для русского населения был запрещён, кроме специальных переселенческих фондов.

• Покупка земли у местного населения европейцами, и в частности русскими, была полностью запрещена. Запрет сохранял силу почти до конца восьмидесятых годов XIX века; в девяностых годах XIX века покупка хотя и была разрешена, но была обусловлена выполнением такого количества правовых актов, что практически до самого октября 1917 г. почти не имела места. Юридическая неопределённость земельных прав местного населения (владение «по обычаю», согласно Положению 1886 г.), крайняя трудность нотариального оформления этих прав (необходимость выдела из сельского общества и производства землемерных работ), запрещение продажи за долги, установленное циркуляром Туркестанского генерал-губернатора 1912 г., — всё это замедляло рыночную мобилизацию земельной собственности среди оседлого населения.

Закрепление в потомственное владение земель за оседлым населением лишь юридически оформляло существовавшее и до завоевания обычное право в отношении земель «подшо». Таким образом, до октябрьского переворота 1917 г. основная часть земель коренного населения не была закреплена за ним в частную собственность. Ревизия сенатора Палена, проведённая в Туркестанском крае в 1909 г., установила, что в трёх областях края (Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской) право частной собственности распространилось лишь на 19,7 тыс. десятин, или менее чем на 1 % всей посевной площади в этих областях.

Более того, после завоевания площадь частной земельной собственности резко сократилась: приравняв «мульковые» земли к землям «подшо», царское правительство ликвидировало даже ту юридически оформленную частную собственность, которая существовала ещё до завоевания. Закрепив земли оседлого населения, согласно Положению 1900 г., за сельскими обществами и селениями, царское правительство ввело круговую поруку при сборе налогов. Таким образом, в новой, введённой царским правительством, системе обложения податной единицей являлось уже селение или сельское общество, а не отдельный двор, как это было раньше.

Круговая порука ещё более замедляла и затрудняла рыночное развитие местного землевладения. Все это в значительной мере содействовало сохранению старых феодальных отношений, огромному развитию в среднеазиатской деревне ростовщичества и вело к упадку сельского хозяйства Туркестанского края.

В кочевых районах царское правительство, начиная с XX в., систематически стремилось вытеснить коренное население с его земель, использовать эти земли для нужд русской колонизации. В большинстве районов Туркестана кочевым скотоводством до октября 1917 г. занималось менее 5% самостоятельного населения; лишь в Джизакском уезде и Амударьинском отделе число кочевников доходило до 17 и 21%. Поэтому для основных районов Туркестанского края (не считая Хивы и Бухары) эта политика царского правительства не оказала существенного влияния на развитие народного хозяйства страны, что не снижает её пагубного значения в жизни кочевого населения Туркестана.

В области водного хозяйства экономическая политика правительства целиком была подчинена интересам имущей верхушки, захватившей в свои руки все водные ресурсы.

Как и до завоевания, жители одного или нескольких селений объединялись в специальные общины для организации водопользования. По-прежнему непосредственное руководство распределением воды между отдельными членами такого коллектива принадлежало особым должностным лицам — мирабам, избираемым населением. Мирабы определяли количество воды и порядок пользования ею для каждого хозяйства. Водопользованием ряда коллективов, расположенных по одному магистральному каналу (арыку), ведали арык-аксакалы, назначаемые царскими властями. Они определяли очередность пользования водой для отдельных коллективов и устанавливали нормы отпуска им воды. В основу водохозяйственной политики царского правительства в Средней Азии был положен принцип сохранения существовавших «по обычаю» до завоевания норм водопользования. Однако при отсутствии у администрации определённых правил в

водном хозяйстве до 1917 г. царил произвол местных властей и чиновников.

Политика Российской империи в сфере промышленности в Средней Азии имела целью охранять интересы русского капитала и его монопольного положения в колонии, поэтому царское правительство всячески тормозило развитие в колонии обрабатывающей промышленности, которая могла бы в дальнейшем конкурировать с промышленностью метрополии (кроме первичной обработки хлопка и другого, преимущественно сельскохозяйственного сырья).

Принимались меры к недопущению в Среднюю Азию иностранных капиталов, а также капиталов, принадлежавших евреям, даже в том случае, если последние являлись подданными России. Допускался лишь ввоз капиталов из сопредельных стран Востока: Афганистана, Западного Китая и т. д. Эта политика нарушала местные хозяйственные интересы колонии. Кокандский биржевой комитет и Туркестанское сельскохозяйственное общество еще в 1908 г. докладывали ревизору – сенатору Палену о необходимости привлечения в Среднюю Азию иностранного капитала. Того же добивался в 1910 г. Совет съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства и возбуждал соответствующие ходатайства перед министрами: военным, финансов, торговли и промышленности. Но русская буржуазия берегла колонию для эксплуатации её своим капиталом, всячески противостояла вхождению в Среднюю Азию иностранного капитала, который поэтому с трудом, но просачивался в Туркестанский край.

В целом экономическая политика царской России в Средней Азии, особенно в начале XX в., ставила себе задачу превратить Туркестанский край в колониальный рынок сбыта не востребованной на мировом рынке промышленной и сельскохозяйственной продукции и в источник получения промышленного сырья, а именно хлопка, в интересах метрополии.

В этих целях правительство Российской империи осуществило ряд тарифных и налоговых мероприятий,

направленных на развитие хлопководства в Средней Азии. Главный управляющий землеустройством и земледелием царской администрации Кривошеин в приложении к «всеподданнейшему» докладу о поездке в Туркестанский край в 1912 г. писал: «Каждый пуд туркестанской пшеницы — конкуренция русской и сибирской пшенице; каждый лишний пуд туркестанского хлопка — конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой хлеб, но освободить в нем орошённые земли для хлопка». Тем самым были заложены истоки формирования монокультуры хлопчатника в Узбекистане, что в дальнейшем привело к одностороннему развитию экономики и всем вытекающим из этого проблемам, включая и экологические.

Высокие таможенные тарифы на ввозимый из-за границы хлопок способствовали росту цен на хлопок на внутреннем рынке. Уравнение налогового обложения посевов хлопчатника с обложением менее доходных зерновых посевов в тех же районах Средней Азии способствовало снижению расходов на производство хлопка. Оба эти мероприятия значительно повышали доходность хлопководства. Ряд агротехнических мероприятий правительства Российской империи также содействовал развитию хлопкового хозяйства Туркестанского края в интересах метрополии.

В целях усиления колонизации края, царское правительство приступило к строительству железных дорог. Почти 90% всей железнодорожной сети Туркестанского края было построено по инициативе и на средства казны, как, например, две основные магистрали, соединявшие метрополию с новой колонией: Закаспийская железная дорога, позднее переименованная в Среднеазиатскую, и Ташкентская железная дорога. Первая, строительство которой началось ещё в середине восьмидесятых годов, была в основном закончена в 1899 г., когда она была доведена до городов Ташкент и Андижан; вторая была открыта для нормальной эксплуатации в 1906 г. Проводя железные дороги в Средней Азии, царское правительство исходило преимущественно из своих стратегических соображений;

однако железные дороги в дальнейшем явились важным фактором вовлечения народного хозяйства среднеазиатских колоний Российской империи в сферу влияния рыночных отношений. Как видим, развитие экономики края носило колонизационный характер и было нацелено на вывоз природных богатств, хлопка, шерсти, каракуля, шёлка и др.

3. Бухарский эмират и Хивинское ханство в условиях колониальной зависимости

В результате поражения бухарских войск в 1868 г. Бухарское ханство стало вассальным государством Российской империи, последующие отношения между Бухарой и царской Россией определились двумя договорами: первым, предварительным, от 11 мая 1868 г., после окончания военных действий, и вторым — от 28 сентября 1873 г. В дальнейшем соглашения между Бухарой и царским Петербургом заключались только по отдельным ведомственным вопросам и всегда, по-существу, основывались на договорах 1868 и 1873 гг.

Вследствие завоевания Бухары Российской империей страна подпала под воздействие рыночных отношений, что привело к известным изменениям в экономической, социальной и политической жизни ханства.

Территориальное уменьшение пределов Бухарского ханства в силу договора от 11 мая 1868 г. было вскоре компенсировано присоединением к Бухаре таких областей, как Хиссарское, Кулябское, Шахрисабзское и Китабское владения, а также горных областей Каратегин и Дарваз, полного обладания которыми издавна, но безуспешно, добивались бухарские эмиры.

Таким образом, к середине девяностых годов XIX века Бухарское ханство окончательно стабилизировалось в своих границах, занимая площадь в 200 тыс. кв. километров с населением, приблизительно, в 2,5–3 миллиона человек.

Захват царскими властями источников орошения земель эмирата являлся в их руках могущественным средством экономического и политического подчинения Бухары. В первые

десятилетия после завоевания Российской империей Бухарского эмирата внутренняя жизнь последнего продолжала идти по старому руслу. Но с 80-х годов, в связи с проникновением русского капитала, в эмирате ускорилось развитие рыночных отношений. Это, со своей стороны, способствовало более прочному подчинению Бухарского ханства царизму, что проявилось в доведении до Ашгабада (Асхабада) в 1885 г. Закаспийской железной дороги. Её естественным продолжением явился дальнейший железнодорожный путь через Чарджоу и Бухару до Самарканда, законченный в 1888 г.

Дорога прошла по главной оси ханства, по плодороднейшей долине Зерафшана, являющейся центром всей страны. Через эту долину в Бухару шёл импорт товаров из других стран и экспорт местных продуктов. До проведения железной дороги весь товарообмен веками проходил при посредстве караванов, ходивших из Бухары в Оренбург, Самарканд и Ташкент; через Балх караваны двигались в Кабул и Герат, а из Герата – в Кандагар и Мешхед, и вся торговля ханства сосредотачивалась главным образом в руках купцов г. Бухары. Теперь железнодорожный путь непосредственно соединил Бухару с Москвой и Нижним Новгородом. Влияние дороги, пересекавшей Бухару с запада на восток, прежде всего стало сказываться на населении долины Зерафшана; население же всей Восточной Бухары в отношении товарообмена оставалось в прежних условиях.

Проведение железной дороги через бухарские владения усилило влияние русской империи на самые разнообразные стороны жизни ханства, что нарушало так называемый суверенитет Бухары даже в области территориальной, и отдавало её в полную политическую и экономическую зависимость от царской России. В 1885 г. в Бухаре было учреждено «Российское императорское политическое агентство». Это название должно было как бы показать эмиру бухарскому, что в глазах царской России он был выше, чем вассал, но ниже независимого владетеля, потому что политическое агентство было выше чем генеральное консульство, но оно не являлось и посольством в самостоятельном и суверенном государстве. Политический

агент являлся в Бухаре официальным представителем царской России. Через него происходили все сношения Петербурга и Ташкента с бухарским правительством по самым разнообразным вопросам. О результатах этих сношений, а равно о директивах русского Министерства иностранных дел политический агент обязан был осведомлять туркестанского генерал-губернатора; и вообще при решении тех или иных принципиальных вопросов он должен был действовать в полном контакте с последним. Этим создавалась двойственность подчинения политического агента, являвшаяся иногда источником больших недоразумений между ним и высшей туркестанской администрацией, с одной стороны, и Петербургом и Ташкентом, с другой. Вместе с тем, политическому агенту присваивались консульские функции, т. е. охрана личных, имущественных и торговых интересов русских подданных, проживавших в эмирате. Постепенно функции политического агентства осложнились делами, не предусматривавшимися никакими статьями консульского устава.

С проведением через Бухару железнодорожного пути возник целый ряд русских поселений на территории Бухары. Устройство железнодорожных станций потребовало отвода так называемой «железнодорожной полосы отчуждения». Одновременно стали возникать русские поселения при железнодорожных станциях и речных пристанях. Поэтому в 1888 г., тотчас же по окончании постройки железной дороги до Самарканда, были утверждены правила об устройстве таких поселений в Бухарском ханстве, на основании «дружественного соглашения» туркестанского генерал-губернатора с бухарским эмиром, соглашения политического агента с бухарским правительством (пункт 4).

Из первоначальных русских поселений возникли небольшие города со своими бюджетами, школами, больницами и прочими учреждениями общественно-городского характера. Они жили собственной жизнью, совершенно обособленной от соседних бухарских городов и кишлаков. Высший административный и хозяйственный надзор за этими поселениями принадлежал политическому агенту в Бухаре, ведавшему ими на правах

губернатора, и в этом отношении подчинявшемуся туркестанскому генерал-губернатору. Самыми значительными из этих городских поселений были: Новая Бухара (ныне Каган), Чарджуй (Чарджоу), Керки и Патта-Кесар; пограничное положение последних двух на Амударье, подле самого Афганистана, создавало самые широкие перспективы для развития этих городов и превращения их впоследствии в крупные торговые и промышленные центры. Керки и отчасти Патта-Кесар были теми конечными пунктами, где происходил крупнейший товарообмен Российской империи с Афганистаном и северо-западной Индией. Перед Первой мировой войной общий оборот всех торговых фирм г. Керки достиг 22 млн. рублей в год, а обороты имевшегося там отделения Русско-Азиатского банка выразились (за 1912 г.) суммой почти в 76 млн. рублей. Важное торговое значение г. Керки заставило некоторых частных предпринимателей в 1910–1911 гг. выступить с проектом железнодорожной линии Керки – Кунград (в Хивинском ханстве). В последнем пункте эта дорога, пройдя через богатый Хивинский оазис, должна была сомкнуться с общей сетью железнодорожных путей европейской России.

Соседство Бухары с Афганистаном и напряжённые отношения между Англией и царской Россией, в силу которых Афганистан был совершенно закрыт для русских подданных, побудило туркестанские власти ещё в 1883 г. поставить близ бухарского города Керки 14-й Туркестанский линейный батальон. В 1897 г. к урочищу Термез была передвинута одна казачья сотня, а через три года, в 1900 г., по настоянию царского правительства, эмир отвёл 9 тыс. десятин неорошённой земли по нижнему течению реки Сурхандарья для русского пограничного укрепления. Вместе с гарнизоном Чарджуя эти русские военные аванпосты явились не только сторожевой охраной на афганской границе на случай непредвиденных обстоятельств (как и гарнизоны на русско-бухарской границе в Каттакургане, Самарканде и др.), но они были той силой, которая сдерживала проявление народного недовольства

против бухарского правительства, мешала развитию сепаратистских стремлений в бывших полунезависимых владениях Восточной Бухары, обеспечивала бухарским эмирам повиновение подданных и, вместе с тем, позволяла царскому правительству осуществлять мероприятия, которые низводили эмират на положение колониальной окраины империи.

Последствием вовлечения Бухары в сферу хозяйственной и государственной жизни Российской империи было включение в 1895 г. в русскую таможенную черту. В Бухару доставлялись караванными путями всякие товары из Афганистана и отчасти из Индии и Ирана. На рынках Бухары можно было встретить индийскую кисею, египетский сахар, свечи из Рангуна (Бирма), имбирное варенье из Шанхая и прочие товары Востока и Запада, вплоть до швейцарского сгущенного молока и шелковых дамских шалей с острова Мальты. Бухарские товары, следовавшие в Россию, и русские — в Бухару, просматривались на русских таможах Самарканда, Мерва и Ашгабада. Под давлением министра финансов Витте, эмир в бытность свою в 1892 г. в Петербурге подписал соглашение о перенесении русской таможенной черты на пограничную линию Бухары и Афганистана. Соглашение это окончательно лишало ханство самостоятельности в торговой политике и превращало Бухару, по существу, во внутренний русский рынок. Открытие царских таможен началось с 1 января 1895 г., и с этого времени вся бухарско-афганская пограничная линия от г. Керки до Дарваза включительно, была занята постами пограничной стражи особой Амударьинской бригады. Это привело к сильному увеличению торговых связей между Бухарой и Россией. Начался усиленный ввоз из России мануфактуры разнообразных сортов, сахара-рафинада, керосина, посуды, железных изделий и пр. Из Бухары в Россию шёл хлопок, шерсть, каракуль, шёлк, сушёные фрукты и т. п. Открытие в 1905 г. Оренбургской железной дороги, связавшей Бухару наиболее коротким путём с центром Европейской России, окончательно втянуло эмират в российский торговый

оборот и полностью подчинило его экономическому влиянию царской России.

Одним из средств экономического проникновения русских капиталистов в Бухару являлись концессии. Незадолго до начала Первой мировой войны, царское правительство пыталось создать систему русских земельных концессий в самом центре ханства. Одной из первых и наиболее крупных концессий являлось акционерное общество «Ширабад», основателем которого был военный инженер Ананьев.

Постоянное вмешательство царской России во внешние и внутренние дела Бухарского эмирата привело к тому, что оно постепенно превратилось в страну, целиком находившуюся под властью царской России. Во всём, что касалось внутренней политики, методов управления ханством, власть эмира по существу не подверглась никаким ограничениям.

Чеканка эмиром монеты, провозглашение его имени на общественной пятничной молитве и содержание собственной армии придавали ему, внешне, вид независимого владельца. Армия эмира носила декоративный характер, и хотя её численность и достигала 10–11 тыс. человек различных видов оружия, но она не представляла серьёзной военной силы и не имела реального значения, вызывая лишь излишние, обременительные для населения, расходы. Командированные в 1881 г. в Бухару, по просьбе эмира Музаффара, русские офицеры обучили бухарские воинские части русскому военному строю, сформировали новые воинские части и ввели русскую команду. Тем не менее, боеспособность бухарской армии несколько не повысилась, только личный конвой эмира и состоявшая при ней конная батарея были хорошо вооружены, имели воинскую выправку и были обмундированы по типу терского казачьего войска.

В Петербурге, из политических соображений, царь уделял эмирской армии внимание. Эмиру для его армии по его просьбе дарились винтовки — несколько тысяч, орудийные конные батареи с боевыми припасами. Представления туркестанского генерал-губернатора об отклонении просьбы

эмира относительно отпуска ему оружия не принимались во внимание, так как эмир при посещении Петербурга всегда лично добивался от царя соответствующего указа как в этом, так и в других делах.

Таким образом, царское правительство России, в целях укрепления своего господства над населением Бухары, всячески оберегало интересы эмиров и способствовало сохранению в ханстве устаревших порядков землевладения, подавляя всякое движение, направленное против эмирской власти.

Последствием внедрения администрацией рыночных отношений явилось углубление в бухарских кишлаках процесса дифференциации населения. В то время как рост потребностей вызывал общее подорожание жизни, продукты земледелия не повышались в цене в той же пропорции. Бросалась в глаза резкая разница в ценах в Западной Бухаре (со столичным городом Бухарой) и в Восточной Бухаре. За половину столетия, прошедшего от завоевания Российской империей до 1914 года, цены на хлеб повысились в среднем на 100%, в то время как другие товары подорожали на 400–600%.

Так же, как и на территории Туркестанского края, в результате проникновения в ханство русских капиталов и русских товаров сильно пострадали ремесленники. Более или менее устойчиво держались лишь такие производства, продукция которых не встречала конкуренции, вроде гончарной посуды, плотницких и столярных, ювелирных изделий ювелирных и пр., так как такие изделия по-прежнему не ввозились в ханство. Московские ситцы продавались в Бухаре, в среднем, по 11 коп. за аршин (на копейку дешевле, чем в Европейской России) и с успехом конкурировали с бухарскими хлопчатобумажными тканями; дешёвые резиновые галоши (2 р. 25 коп.) забивали сбыт кустарных кожаных галош (кауш), стоивших 5–6 руб., и т. п. Вследствие этого ремесленники разорялись и вынуждены были менять свою исконную профессию на другую. Это было связано с большими затруднениями, ибо все цехи занимались ремеслами потомственно, из поколения в поколение, благодаря чему

приобретались традиционные навыки и профессиональные приёмы.

От подчинения Бухары Российской империи, несомненно, больше всего выиграла местная торговая знать. Некоторые бухарские купцы заняли видное место в коммерческих предприятиях, особенно по торговле каракулем. Из среды бухарских евреев вышли крупные промышленные предприниматели Вадьяевы (владельцы 11 собственных и 20 арендованных хлопкоочистительных заводов), Пинхасовы и др. Эта новая бухарская буржуазия относилась отрицательно к устаревшим порядкам и к возглавлявшему их эмиру. Именно из недр бухарского купечества вышли деятели, считавшие необходимым провести в ханстве ряд реформ, которые прежде всего способствовали бы развитию торговли.

Народное движение, проявившее себя в январе 1910 г., независимо от его религиозной оболочки, объективно было направлено против произвола феодальных властей Бухары. Вместе с тем оно показало, что эмирский режим мог держаться только опираясь на штыки царских войск. Подводя итоги январским событиям, официальные «Туркестанские ведомости» справедливо заключали: «За полное спокойствие можно ручаться только пока в Бухаре находятся наши войска».

События 1910 г. свидетельствовали о начавшемся в Бухаре движении трудящегося населения против феодального гнёта, проходившем пока под религиозным флагом. Борьба эта неизбежно должна была привести к борьбе с царизмом и насаждаемым им режимом колониального угнетения.

Политика империи в отношении Бухары, сводившаяся к покровительству землевладельческой верхушке, резко противоречила интересам широких народных масс, искусственно задерживала развитие в стране производительных сил и культуры.

Отношения Хивинского ханства с царской Россией были несколько иного характера, чем с Бухарой, ввиду того, что все ханство было занято русскими войсками. Эта предпосылка была положена в основу «Условий мира с Хивой», предложенных

командующим войсками, действующими против Хивы, Кауфманом и принятых хивинским Сейид-Мухаммед-Рахим-Бахадыр-ханом. В декларативной части мирных условий генерал Кауфман заявлял, что он «29 мая сего (1873) года вступил в г. Хиву и овладел всем ханством»; но что «присоединение вновь покоренной страны к Российской империи»... «не входит в виды царского правительства», поэтому он предложил удалившемуся тогда к туркменам законному владельцу ханства (Мухаммед-Рахим-хану) вернуться в столицу для принятия «утраченной власти и прежних прав». Вследствие этого приглашения хан прибыл в лагерь русских войск под Хивой и выразил полную готовность исполнить все требования и принять те условия, которые будут ему предложены командующим войсками. Таким образом, определялась полная капитуляция хивинского хана перед победителем, занявшим территорию его государства. По первому пункту условий мира хан признавал себя покорным слугою императора всероссийского. Он отказывался от всяких непосредственных дружеских отношений с соседними владельцами и ханами и от заключения с ними каких-либо торговых и других договоров, и обязался не предпринимать без ведома и разрешения высшей русской власти в Средней Азии никаких военных действий. Иначе говоря, хивинский хан становился вполне зависимым вассалом русского царя. Из этого вытекали и последующие пункты мирного договора, определившие эту полную зависимость: отторжение от ханства правобережных, по Амударье, земель «во владение России со всеми проживающими и кочующими там народами» (пункт 3); свободное и исключительное плавание по Амударье русских судов с устройством на реке собственных пристаней (пункты 5–6); устройство русских торговых факторий на левом берегу реки, на территории ханства (пункт 7); открытие «всех вообще городов и селений Хивинского ханства» для русской торговли с освобождением русских купцов от уплаты «всяких торговых повинностей» и с правом «беспошлинного провоза своих товаров через хивинские владения» (пункты 8–10); предоставление права русским подданным «иметь в ханстве недвижимое

имущество, обложение которого поземельной податью должно осуществляться по соглашению с высшей властью в Средней Азии», т.е. с туркестанским генерал-губернатором (пункт 12); преимущественное право русских подданных перед хивинцами при разборе взаимных жалоб и претензий, причём «жалобы и претензии хивинцев на русских подданных, в том даже случае, если последние находятся внутри пределов ханства», должны были передаваться «ближайшему русскому начальству на рассмотрение и удовлетворение» (пункты 14–15); поимка и выдача преступников русских подданных, которые будут скрываться в пределах ханства (пункт 16); «освобождение всех невольников в ханстве» и «уничтожение на вечные времена рабства и торговыми людьми» (пункт 17).

С этого времени для Хивинского ханства наступила новая эпоха, в его внутреннюю жизнь вводились новые правовые и экономические отношения, во многом отличные от тех, которые сложились в соседнем Бухарском ханстве.

Покорение Хивы Российской империей несло за собой и территориальные изменения, оказавшие значительное влияние на ханство и на его экономику. Отторжение от Хивы всех земель по правому берегу Амударьи, т. е. северной части ханства, со всеми проживающими и кочующими там народами, прибавляло к русским владениям в Средней Азии территорию в 76 000 кв. километров. Территория ханства после утраты этих земель составляла всего 62237,2 кв. километра. Согласно пункту 3 «Условий мира» царской России с Хивой от 12 августа 1873 г., участки земли на оккупированной территории, составляющие «собственность хана и жалованные им для пользования сановниками ханства», отходили в собственность русского правительства без удовлетворения каких бы то ни было претензий со стороны прежних владельцев; хану предоставлялось право вознаградить их за убытки землями на левом берегу. Иначе говоря, это должно было произойти за счет стеснения в землеводопользовании населения левобережной территории хивинского ханства. Из отошедших к царской России земель в 1874 г. был образован так называемый

Амударьинский отдел в составе двух частей (приставств) (Нукусского и Чимбайского), вошедших в Сырдарьинскую область. Во главе отдела был поставлен особый начальник, пользовавшийся несколько большими правами, чем уездные начальники Туркестанского генерал-губернаторства. Таким образом, начальник Амударьинского отдела совмещал в себе функции начальника уезда и дипломатического представителя генерал-губернатора при хивинском хане. Если петербургским сферам требовалось что-либо предложить хивинскому хану, то это делалось через туркестанского генерал-губернатора, а последний поручал начальнику Амударьинского отдела осведомить об этом хана. В г. Кунграте была поставлена казачья полусотня для поддержания порядка, ибо в этот пограничный город стекалось для торговли множество казахов и каракалпаков, ставших теперь русскими подданными.

После заключения мирного договора с хивинским ханом туркестанские войска начали сниматься со своих лагерей и переправляться на правый берег Амударьи; оренбургский и кавказский отряды также были отпущены обратно.

Ханы пытались провести некоторые мероприятия, направленные на улучшение финансового положения ханства. Бессилие ханского правительства против туркмен побуждало его обращаться за помощью к царскому правительству, которое и брало на себя роль карателя, расправляясь с подданными хана. Особенно сильное восстание туркмен произошло в 1913 г. Возглавил восстание Мухаммед-Курбан-сардар, более известный под прозвищем Джунаид-хан, из родовой группы джунаид, кочевавшей в Ташаузском округе, — на границе культурной полосы и песков; он выдвинулся в качестве предводителя в мелких набегах против оседлого узбекского населения. Собрав значительное количество туркменской вольницы, Джунаид-хан двинулся с ней в 1913 г. в пределы культурной полосы Хивинского ханства. Хан вынужден был послать на подавление восставших пехоту и кавалерию. Восставшие туркмены возвели укрепления близ древнего города Измухшира, приспособив к обороне русло пересохшего

канала. Только при помощи русской артиллерии ханским войскам удалось подавить восстание.

Стремление крупных землевладельцев к восстановлению политической независимости Хивинского ханства было обречено на неудачу, так как объективные условия этому не благоприятствовали. Российский протекторат способствовал укреплению экономических отношений с Россией, а это, со своей стороны, укрепляло политические и культурные связи с ней. Проведение Закаспийской военной железной дороги в 80-х годах не коснулось непосредственно Хивинского ханства; тем не менее, оно способствовало оживлению торговой деятельности ханства.

С целью большей эксплуатации Туркестанского края в интересах метрополии с 1887 г., по инициативе московских фабрикантов, в Хиву были ввезены семена американского хлопчатника. Хотя американский хлопчатник и не вытеснил местные сорта, тем не менее, перед Первой мировой войной уже около двух третей хивинских хлопковых полей было занято американским хлопчатником. Чистая доходность с хивинского танапа, засеянного американским хлопком, и орошавшегося самотечной водой, выражалась в 40 рублей; если орошение было чигирное, то доходность снижалась до 25 руб. При культуре же местного хлопка доходность в первом случае составляла 23 руб. 90 коп., а во втором – 17 руб. 65 коп., т.е. была ниже на 40%.

В связи с развитием хлопководства в Хиве возникали паровые хлопкоочистительные заводы с механическими двигателями; перед Первой мировой войной их насчитывалось свыше 10. Часть очищенного хлопка в количестве нескольких десятков тысяч пудов оставалась в ханстве для местного потребления, а главная масса хлопка, приблизительно 700 тыс. пудов в год, направлялась в метрополию. С другой стороны, выгодный сбыт семян люцерны в Северо-Американские Соединённые Штаты, где люцерна употребляется как зелёное удобрение, вызвал расширение в ханстве посевов люцерны. Получила значительное развитие и добыча соли (в районе Питнака) и

каменной (в 40 км. от Кунграта); ежегодная добыча её в 1914–1915 гг. составляла, в среднем, 500 тыс. пудов. Соль также являлась предметом вывоза, главным образом в казахские и туркменские степи.

Приток русского капитала и известное оживление производительных сил страны и её торговли повлекли за собою неизбежное устройство в хивинских городах ряда таких учреждений, которых они до того не знали. Так, в Новом Ургенче (одном из наиболее важных торговых центров ханства) появились оптовые склады русских торговых фирм и транспортные конторы, почтово-телеграфные отделения, казначейство. Из хлопкоочистительных заводов заслуживал внимания по своему оборудованию завод Большой Ярославской мануфактуры.

Удалённость ханства от экономических центров Российской империи мешала наплыву в него предпринимателей и не вызвала особого желания у царского правительства насаждать там русские поселения и создавать свои правительственные учреждения, как это имело место в Бухаре. Вследствие этого общее число русских подданных, проживавших в Хивинском ханстве, по сравнению с Бухарским, было незначительно: по данным переписи 1897 г., в Хиве числилось 3.951 чел. русских, проживавших в основном в Новом Ургенче и отчасти в других городах. В силу своей малочисленности русские подданные не имели на территории ханства мировых судей, как в бухарских поселениях, а обращались со своими жалобами и претензиями к мировым судьям Амударьинского отдела. Дети их также обучались в школах Амударьинского отдела. Помимо этой незначительной, и в большей или меньшей степени случайной, группы русского населения в Хивинском ханстве постоянно проживали уральские казаки-староверы и немцы-меннониты.

Проникновение в Хивинское ханство русского капитала не могло не оказать влияния на устройство государственного аппарата. Обязанности по управлению ханством были распределены Мухаммад Рахимханом между несколькими

приближёнными членами ханского совета, который продолжал существовать, хотя и с более узкими функциями. Общее течение народной жизни в ханстве и его экономическое состояние оставались почти такими же, какими были при русском проникновении в Хиву в 1873 г., и население не испытывало такого интенсивного воздействия новых порядков и русского капитала, как в Бухаре.

Таким образом, несмотря на проникновение на территорию Бухарского эмирата и в меньшей степени — Хивинского ханства русского капитала, крупноземлевладельческий строй обоих ханств за период царского протектората не подвергся сколько-нибудь серьёзному изменению. Крупные землевладельцы, в особенности их верхушка, опираясь на постоянную поддержку царского правительства, продолжала держать трудящееся население в тяжёлых условиях. Царское правительство не только поощряло в собственных интересах систему произвола местных владетелей, но и активно поддерживало власть эмиров и ханов и не допускало никаких мероприятий по улучшению быта населения, видя в порабощении феодалами народных масс средство удержать их в повиновении. С другой стороны, царизм оказывал содействие русскому капиталу в деле экономической эксплуатации ханств. Таким образом, трудящееся население ханств оказывалось под двойным гнётом собственных и русских эксплуататоров.

Революционные события 1905 г. не получили широкого отклика в обоих ханствах. Хивинское ханство на всём протяжении царского протектората находилось под тяжёлым двойным гнетом Российской империи, которая всячески искусственно консервировала патриархальные устои, Хива оставалась наиболее отсталой в экономическом и политическом отношениях частью колониальной Средней Азии.

4. Переселенческая политика и её особенности

В основе формирования сложного этнического состава населения Узбекистана лежит длительный исторический процесс, в результате которого здесь сложились крупные

народности, вставшие на путь формирования наций в конце XIX начале XX столетий, а также различные этнические группы. В конце XIX века территория нынешнего Узбекистана входила в состав Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи, Бухарского эмирата, Хивинского ханства. Наиболее полную картину о составе населения даёт Первая всеобщая перепись населения Российской империи, проведённая на территории Туркестанского края зимой 1897 года. По данным этой переписи, из 5,3 млн. человек, проживающих в Туркестанском крае, узбеки составляли 35,77 проц., казахи и кыргызы — 44,36 проц., таджики — 6,73 проц., туркмены — 4,98 проц., русские — 3,75 проц., каракалпаки — 2,26 проц., другие нации — 2,15 проц. Забегая вперёд, отметим, что во второй половине XIX — начале XX века идёт активное образование восточнославянской диаспоры (русские, белорусы, украинцы), обусловленное переселенческой политикой Российской империи после завоевания ею края. После образования Туркестанского генерал-губернаторства начался второй этап переселения части русского населения на территорию Туркестанского края — он охватывает 1867—1881 гг. Объективные и социально-экономические обстоятельства в Туркестане, существенные различия между переселенческими правилами 1881 г. и 1886 г. предопределили заметные перемены во всём деле переселения и устройства части русского населения на территории этой колонии, можно считать, что период с июля 1881 г. по июнь 1886 г. составил новый этап переселенческого процесса в Туркестанском генерал-губернаторстве. Принятие новых переселенческих правил 10 июня 1903 г. позволило выделить 1886—1903 гг. в качестве ещё одного этапа в переселенческой политике царизма. Следующий и последний этапы в переселенческом движении составили 1903—1917 гг. В марте 1916 г. было одобрено положение о разрешении свободного переселения, а в 1910 г. издан закон об изъятии излишков земли у коренного населения, которые ускорили углубление кризиса во всей Центральной Азии.

Заселение русским населением Средней Азии является продолжением процесса колонизации Сибири и довольно тесно с ним связано. Когда оружие Российской империи открыло дорогу в Среднюю Азию, туда хлынула волна «вольных» колонистов. Крестьяне-переселенцы шли непосредственно за войсками вглубь Азии, в т. ч. и в Туркестанский край.

Отмена крепостного права в 1861 г. формально открывала русским крестьянам свободу передвижения, а малоземелье, явившееся результатом реформы, проведённой руками помещиков, заставляло ограбленных крестьян искать новые, лучшие хозяйственные условия.

Поворотным моментом в колонизационной политике империи явился закон 13 июля 1889 г., предоставлявший некоторые льготы и материальную помощь крестьянам, переселявшимся с законного разрешения, и облегчавший им выход из общины.

Принципы колонизационной политики империи в Средней Азии были те же, что были установлены для всего переселенческого дела, однако имелись некоторые особенности, объясняющиеся местными условиями.

Недавно завоёванная территория, на которой приходилось подавлять постоянные вспышки сопротивления, требовала более осторожного подхода, чем давно уже присоединённая к России и малонаселённая Сибирь; приходилось также считаться с наличием в Средней Азии оседлого земледельческого населения, освоившего уже в далеком прошлом пригодную к обработке землю — и богарную, и искусственно орошённую. Поэтому боязнь восстаний долгое время определяла переселенческую политику империи в Средней Азии.

Вопрос осложнялся тем, что использование неосвоенных местными жителями земель было возможно лишь при условии больших и дорого стоивших предварительных работ по орошению. При отсутствии же свободных орошаемых земель русская администрация края считала, что русской колонизации (особенно в Фергане) «следует положить решительные преграды... дабы не возбудить против русских туземное

население Ферганы, и без того находящееся в состоянии хронического брожения...». «Русского переселения сюда ни в коем случае быть не может», — писал еще в 1907 г. ферганский военный губернатор, представлявший точку зрения местной туркестанской администрации.

Указанные условия задерживали ход русского переселения в Средней Азии. Правительственная колонизация началась здесь сравнительно поздно, если не считать нескольких казачьих поселков, которые из стратегических соображений стали создаваться в конце сороковых годов XIX в. в низовьях Сырдарьи. Первое селение русских крестьян было основано в 1875 г. в Аулиеатинском уезде по инициативе генерал-губернатора Кауфмана, но через десять лет, к концу 1885 г., русских крестьянских селений, заселённых с официального разрешения властей, было все ещё только восемь (из них шесть в Аулиеатинском уезде и два в Кураминском), с населением в 2170 человек обоего пола. Заселение производилось на основании правил, выработанных генерал-губернатором. Только в 1886 г. «Положением об управлении Туркестанским краем» были установлены в законодательном порядке правила «водворения» в Туркестане на «свободных государственных землях» переселенцев, в первую очередь «запасных нижних чинов» Туркестанского военного округа. Однако закон не объясняет, что надо было подразумевать под «свободными государственными землями». На основании того же «Положения», земли, обрабатываемые местным осёдлым населением Туркестана, закреплялись за их владельцами, а степные пространства, объявленные государственными, отдавались в пользование кочевников. Дело шло, таким образом, почти исключительно об отводе русским крестьянам вновь орошаемых земель, т. е. отсрочивалось на неопределённое будущее. Поэтому правила 1886 г. оставались мёртвой буквой. Фактически переселение происходило часто без ведома начальства. За 15 лет, с 1875 по 1890 гг., в Туркестане образовалось всего 19 поселений и водворилось 1300 семейств.

В 1891–1892 гг., в связи с голодом, постигшим Россию, в Туркестан хлынула масса переселенцев из поражённых неурожаем местностей. Только за эти два года в крае возникло 25 новых поселений, и русское крестьянское население увеличилось сразу почти вдвое. Администрация края оказалась совершенно неподготовленной к такому наплыву и, вследствие отсутствия переселенческих участков, крестьяне стали самовольно устраиваться на новых местах, где и как умели. Начались столкновения с местным населением, как из-за захвата переселенцами принадлежавших жителям земель, так и из-за пользования оросительными сооружениями. Андижанское восстание 1898 г. напугало администрацию и побудило её принять меры к дальнейшему ограничению наплыва переселенцев. Генерал-губернатор барон Вревский издал приказ, запрещающий водворение крестьян в Туркестанский край впредь до приведения в известность пригодных для заселения земель, и одновременно просил министра внутренних дел запретить пропуск через Астрахань и порты Каспийского моря лиц, не имеющих официального разрешения на переселение в Туркестан. Но никакие преграды не могли остановить стихийного притока переселенцев, вызванного общими тяжёлыми условиями, в которых находилось крестьянство Российской империи.

Аграрный кризис и рост революционного движения среди крестьянского населения Европейской России побуждали царское правительство всё же организовать в широких масштабах выселение крестьян в колонии. В Сибири к этому времени фонд земель, пригодных для немедленного переселения, истощался. Переселение в Туркестан приобретало поэтому «особое значение с точки зрения землеустройства внутренних губерний», так как Туркестан являлся «одной из многих местностей», куда, как указывал сенатор Пален, «могут быть направлены излишки населения из черноземной полосы, где малоземелье особенно чувствовалось». Ввиду этого правительство, вопреки желанию туркестанских властей, начинало «настойчиво двигать» колонизацию Средней

Азии. 10 июля 1903 г. были изданы правила добровольного переселения «сельских обывателей» и мещан на казённые земли в Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областях. Однако средств на переселенческое дело ассигновано не было, не был подготовлен и необходимый земельный фонд; «впредь до разрешения вопроса о назначении казенных земель, искусственно орошённых за счет государственного казначейства, предлагалось довольствоваться всё теми же «свободными государственными землями». В 1905 г. под непосредственным влиянием начинавшегося в русской деревне революционного движения, была организована «Переселенческая партия», имевшая задачей выявить на месте колонизационный фонд и приступить к устройству переселенцев. В 1906 г. она была преобразована в «Сырдарьинский переселенческий район». Образование района усилило наплыв крестьян из России, тем более, что само Переселенческое управление, исходя из общих правительственных установок, способствовало расширению добровольной колонизации. Через Ташкент ежегодно проходило до 8 тысяч человек, преимущественно бедняков-крестьян, которым нечего было терять на родине. Переселенцы, обманутые обещаниями правительства, преодолев с величайшими лишениями трудный путь, попадали на новых местах в самое тяжёлое положение, не находя здесь земли для поселения. Начались захваты территорий, принадлежавших кочевникам. Возбуждённое состояние новых пришельцев заставило Переселенческую партию торопиться с отводом для них участков. За отсутствием «свободных» земель стали отводить и такие, которые находились во владении коренных жителей края, если земли эти казались чиновникам «излишними». Это не могло не вызвать раздражение законных владельцев.

С мнением военного начальства края, напуганного ростом национально-освободительного движения в Средней Азии, приходилось считаться и центральному правительству. В соответствии с законом от 6 июня 1904 г., вопрос о допущении переселенцев в Туркестан должен был разрешаться с согласия

военного министра. В том же году туркестанский генерал-губернатор добился от министра внутренних дел распоряжения начальникам ряда губерний о принятии «всевозможных мер к предотвращению переселенческого движения» в Среднюю Азию. Под давлением туркестанской администрации Туркестанский край в 1907 г. был даже объявлен совершенно закрытым для переселения.

В 1907 г. с наступлением реакции в Российской Империи наметился резкий поворот в правительственной переселенческой политике в Средней Азии. Это был уже упомянутый «новый курс», находившийся в непосредственной связи с реакционной социальной политикой Столыпина, направленной на укрепление в деревне кулачества. Правительство отказывалось от разрешения аграрного вопроса путём выселения из центральных областей малоимущего крестьянства на окраины, отлично учитывая классовую опасность этой политики.

Аграрное движение в России с 1907 г. пошло на убыль, поэтому правительство уже не было заинтересовано в продолжении политики выселения нуждавшихся в земле крестьян, которая давала окраине, «как показал опыт, наиболее слабые элементы русского крестьянства и мещанства». На место бедняка-переселенца правительство выдвигало кулака. В Средней Азии ориентация на «крепкого» русского «мужичка» приобретала для империи особую важность, как средство «укрепления русского господства», а также русификации и удержания в повиновении населения Туркестанского края. Прежняя пассивная политика, проводившаяся местным военным начальством, теперь сменилась решительным наступлением, — колонизация была «предназначена служить» упрочению связи между империей и недавно присоединённой территорией. Целью колонизации признавалось укрепление внешних границ государства и русификация края. К этим политическим соображениям присоединились и соображения экономические: использование пока ещё мёртвых, но плодороднейших, при условии их орошения, пространств под хлопок и другие культуры.

Новые задачи изменили и весь характер правительственной деятельности. В то время как раньше правительство стремилось отправить в Среднюю Азию беспокойную и опасную бедноту, теперь дело шло о создании в колонии экономически крепкого и политически благонадёжного русского населения. «Политическое преобладание русской народности, — писал царский министр Кривошеин, — должно быть закреплено хозяйственной её силой. Надо дать русским переселенцам бесспорное земельное богатство». Итак, экономическое порабощение местного населения русскими кулаками должно было обеспечить упрочение царского владычества в Туркестане. В этих целях в Голодную степь решено было допускать только лиц, обладающих имуществом не менее чем на 1000 рублей. Ту же цель создания «крепкого» кулацкого землевладения преследовала раздача земель участникам Первой мировой войны. В полном соответствии с аграрными мероприятиями Столыпина в России, средством укрепления кулацких элементов в Средней Азии должно было служить хуторское хозяйство. «Необходимо приложение интенсивного труда искусного и опытного колониста, не связанного в своей хозяйственной деятельности общинными порядками», — писал Пален.

Новый курс способствовал дальнейшему усилению наплыва переселенцев в Туркестанский край. В 1912 г. в Сырдарьинскую область прибыло 10 374 человека. Перед правительством очень остро встал вопрос о щедром обеспечении переселенцев землёй.

В оседлых районах определить свободную наличность государственного земельного фонда можно было лишь по окончании работ по отмежеванию земель, принадлежавших местному земледельческому населению. Площадь земель, пригодных для земледелия, оставшаяся после отмежевания, была ничтожна. Об этом беспрестанно напоминала туркестанская администрация. С другой стороны, порядок, установленный для Степного края (Казахстана), согласно которому разрешалось отводить излишки земель кочевников под русские поселения, не был распространён на Туркестанский

край, и вся территория, занятая кочевьями казахов и киргизов, была предоставлена законом без всяких ограничений во владение кочевников. Таким образом, количество земли, подлежащей заселению русскими колонистами, было ничтожно. Итак, разрешить проблему колонизации, как она понималась правительством, царизм не мог без нарушения интересов и прав народов Средней Азии. После Андижанского восстания царское правительство конфисковало всю территорию селений, жители которых принимали участие в нем, и основало на ней селение Русское. Применялись и другие способы экспроприации земель у местного населения. Владельцы принуждались к, якобы, добровольному отказу от принадлежавшей им земли или к продаже её за бесценок. Отказы и продажи приняли массовый характер в девяностых годах, ввиду непомерного повышения поземельного обложения. В одном Маргеланском уезде Ферганской области таким образом было изъято 11,5 тыс. десятин. В Джалалкудукской волости на отказных землях было образовано 3 поселка, в Андижанском уезде – 2, в Ошском – 1. Однако, все эти скрытые формы экспроприации не могли удовлетворить потребности поселенцев в земле и были опасны, поскольку они возбуждали недовольство жителей. Оставалось прибегать к соглашению с владельцами земли и добиваться их согласия на отвод её на арендных условиях. Система аренды широко применялась в кочевых районах. Формально арендные сделки на земле кочевников были незаконны, так как юридически кочевники не были собственниками государственных земель, на которых они кочевали, и обладали только правом пользования ими. Администрация пыталась даже запретить аренду казахских и киргизских земель, но запрещение обходили путем отдачи земель из доли урожая (это называлось у русских крестьян «уртачить» от слова «уртак» — товарищ). «Незаконная хищническая аренда» земель кочевников оставалась, по выражению Палена, «основой благосостояния поселенцев». Существовала, наконец, и возможность приобретать землю путём её покупки, и этот порядок поощрялся администрацией,

видевшей в крестьянах — собственниках земли наиболее надёжный элемент.

Все эти случайные мероприятия не разрешали колониационного вопроса в целом, и устройство переселенцев в Средней Азии, при отсутствии достаточного земельного фонда, не могло принять больших размеров. Этим и объясняется упорное стремление местной администрации прекратить всеми доступными ей средствами приток переселенцев в Туркестан. Подлежащими устройству считались только те колонисты, которые прибыли в Среднюю Азию «легально», т. е. с соответствующего разрешения. Но в край, считавшийся закрытым для переселения, просачивалось огромное число «самовольцев», о которых всё-таки приходилось заботиться. В Сырдарьинской области в 1906—1909 гг. из 2000 человек оставались неустроенными больше половины (1174). Часть оставшихся за бортом возвращалась в Россию, но большинство «самовольцев» устраивалось в конце концов собственными силами на землях, захваченных у местных жителей (главным образом у кочевников — казахов и киргизов). Захваты стали таким распространённым явлением, что пришлось поставить вопрос об их легализации путём компенсации ущерба, нанесённого владельцам. В 1907 г. была образована комиссия для выяснения захваченных в Фергане земель и установления убытков. В 1908 г. правительство ассигновало значительную сумму на оплату территории, занятой тремя самовольными поселками в Ферганской области, с тем, чтобы крестьяне-поселенцы вернули эти деньги в течение 10 лет.

Расширить территорию под колонизацию правительство могло лишь путем искусственного орошения безводных земель, но, помимо связанных с таким предприятием больших расходов, использование орошаемых земель под переселение встречало возражения со стороны русской буржуазии, заинтересованной в развитии на этих землях хлопководства силами «туземного» населения, специализировавшегося на культуре хлопка. Точку зрения буржуазии энергично поддержало Министерство финансов.

Все указанные мероприятия, связанные со значительными расходами, не позволяли широко поставить переселенческое дело в Средней Азии и ещё менее — развернуть с достаточной энергией политику «нового курса». Царское правительство не остановилось перед открытым ограблением местного населения путём указанной экспроприации у него годных для колонизации земель, не считаясь с тем, что, присоединяя Туркестанский край, оно обещало местному населению сохранить все его обычные права, в том числе и права на ту землю, которой оно пользовалось. 19 декабря 1910 г. был утверждён одобренный Государственной думой и Государственным советом закон, уполномочивавший Главное управление земледелием и землеустройством изымать из пользования кочевников Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей «излишки» земель для устройства переселенцев. Кочевникам рекомендовалось «потесниться, ибо вопрос об изъятии излишних для них земель твёрдо решён правительством». Практика экспроприации земель, фактически уже производившаяся со времени образования переселенческого района, теперь была узаконена и получила дальнейшее развитие. Началась вакханалия захвата казахских и киргизских земель. Излишки определялись «на-глаз». В общую площадь «удобной земли» включались болота и заросли камыша, каменистые предгорья и т. д. Не принимался во внимание факт перехода части кочевников к осёдлому образу жизни, и зарождавшиеся очаги оседлости беспощадно разорялись. Под переселенческие участки отводились лучшие земли с усадьбами и пашнями, фруктовые сады, сенокосные угодья, земли, орошённые трудами их владельцев, и предгорья, питаемые горными водами; смещались не только кибитки, но и каменные здания, мельницы, мечети. Переселенцев селили даже на неотмежёванных землях; не прекращались и самовольные захваты земли. Владельцы обращались с жалобами в Петербург, но получали в ответ предупреждение, что всякое их сопротивление работам Переселенческой партии будет подавлено военной силой. Местная администрация,

предвидя то, что кочевники, выселенные с «насиженных мест», «начнут бунтовать», пыталась протестовать против деятельности Переселенческого управления, но должна была уступить давлению из Петербурга. Недостаточно покладистые администраторы устранялись и заменялись лицами, готовыми действовать в соответствии с «видами правительства».

Бюрократические приёмы, к которым прибегало Главное управление земледелия и землеустройства при отводе земель под колонизацию, встречали в русских буржуазных кругах резкую критику, поскольку такие приёмы нарушали интересы хлопководства и трактовались ими как «откровенное грабительство». Буржуазия метрополии настаивала на предоставлении простора частной предприимчивости в деле вытеснения кочевников из районов, пригодных для земледелия, иначе говоря, считала русификацию края вполне целесообразной, но предпочитала способы экономического принуждения.

Последствия колонизаторской деятельности правительства дали себя очень скоро знать в экономическом разорении кочевников. За время с 1902 до 1913 годы казахское население Средней Азии, наиболее пострадавшее от политики империи, сократилось на 8,9%.

В конечном итоге, колонизаторская политика империи, руководимая узкими интересами господствующих классов метрополии и игнорировавшая совершенно потребности колонизируемого края и его населения, потерпела неудачу. Итоги русской колонизации были ничтожны. По данным 1911 г., русское население Туркестана в целом, считая даже подвергшиеся наиболее усиленной колонизации районы, которые в настоящее время отошли к соседним республикам, составляло лишь 3,7% всего населения. Для отдельных областей Узбекистана процент был ещё ниже: в Самаркандской, включая Ходжентский уезд (в настоящее время входит в Таджикистан), — 2,4, в Ферганской — 1,67. Но и эти незначительные результаты были достигнуты ценою разорения местного населения и

искусственного обострения отношений между народами Узбекистана и колонистами из России.

Впоследствии даже царская администрация была вынуждена признать, что основной «причиной» восстания 1916 г. было «изъятие за последние 10 лет в государственный фонд около 2 миллионов десятин, иногда со значительным смещением хозяйств и, как следствие, земельное стеснение киргизов сокращение кочевков, особенно с изъятием в казну огромных лесных площадей».

Таким образом, за 35 с лишним лет в Туркестанском крае и в примыкающих к нему районах возникло 154 русских поселения, в т. ч. и в Ходжентском и Ошском уездах, ныне не входящих в состав Узбекистана.

Социальный состав территории представлял следующую картину. Большинство (86,3%) переселенцев из Европейской России являлось выходцами из Украины и отчасти из других южных губерний, для которых климатические условия Средней Азии были менее необычными, чем для крестьян северных губерний. Некоторое число составляли переселенцы из Южной Сибири, где к началу XX в. уже ощущался недостаток пригодных для поселения земель.

Крестьянская масса, шедшая в Среднюю Азию, не была однородной. В девяностых годах XIX в. и в начале XX в. переселялась преимущественно беднота, «выжатая» с родины голодом и безземельем. По обследованию, проведённому в 1907 г., из 1002 семей, шедших через Сырдарьинский переселенческий пункт, 752 семьи (т. е. три четверти) не имели вовсе денег, и только 126 семей (или 12,6%) имели каждая около 50 руб. и более.

Однако уже и тогда среди переселенцев оказывались чуждые бедноте классовые элементы. «Вместе с переселенцами-хлеборобами, — писал ферганский военный губернатор в 1907 г., — набрело много разных неудачников, как-то: уволенные с полицейской службы, бывшие лесные объездчики и запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда». В частности, запасные, уволенные из туркестанских

поиск, которых военное начальство в первую очередь стремилось обеспечить землей, были, как указывает один из исследователей края, в большинстве вовсе «не земледельцы, а люди, давно порвавшие связь с землей и занимающиеся городскими промыслами». Некоторые из колонистов спекулировали своими наделами, сдавали их в аренду казахам или перепродавали свои права на землю безземельным переселенцам, а сами фактически жили в городах, вели торговлю, а на своей наделённой земле имели дачи летнего пребывания и т. д. Кулацкий элемент среди колонистов усилился после 1907 г., в связи с «новым курсом» (Столыпинские реформы).

Пока переселенцев в Туркестанском крае было мало, они были хорошо обеспечены землёй. Размеры наделов переселенцев значительно превышали наделы местных жителей (обычно не более 3 десятин). Как общее правило, поливная земля отводилась в подворное пользование, а остальная — в общинное. На обзаведение выдавалась небольшая денежная ссуда на семью, но на «общепользные нужды» поселка казна тратила ничтожные суммы. В частности, на школьное строительство, по отзыву официального отчета 1900 г., «ни одному переселенческому селению до сих пор не было выдано ссуд из переселенческих кредитов».

Снабжая столь щедро переселенцев землёй, правительство преследовало две основные цели: во-первых, создание крепкого крестьянского населения в Средней Азии, призванного служить здесь опорой самодержавию, а с другой, в сугубо колониционных целях — хозяйственное развитие края, в частности, расширение посевов хлеба и ценных культур. В последнем отношении результаты не оправдали предположений царского правительства. В большинстве случаев, переселенцы вели хищническую эксплуатацию своих наделов, в связи с чем земля быстро истощалась. «Засевая свою пахотную землю несколько лет подряд, без чередования культивируемых растений, — писал один чиновник Переселенческого управления в 1911 г., — крестьяне не применяют удобрений, а для восстановления плодородия земли прибегают лишь к обращению пахотной

земли в залежь. Урожайность стала прогрессивно и заметно падать». По мере истощения земли переселенцы захватывали новые казахские и киргизские земли. Крестьянин царской России, лишённый специальных агрономических знаний, не мог сразу приспособиться к новым для него условиям хозяйства в чужой стране. Он приходил в Среднюю Азию со своими старыми, унаследованными от отцов, навыками и не сразу переходил к местным ценным культурам. Правительство не организовало никакой агрономической помощи. В 1911 г. дело ограничивалось двумя показательными хозяйствами, устроенными в районе поливных земель (в Голодной степи) и в богарном районе, в казённом Капланбекском имении (Ташкентский уезд), и опытным участком в Зирабулакской степи. Так же мало заботилось правительство царской России и об общем развитии образования среди переселенцев, начальные школы имелись далеко не во всех селениях. Гораздо больше внимания уделяла администрация о постройке церквей, так как православной церкви придавалось большое политическое значение.

Кулаки подвергали «самой наглой эксплуатации» казахов и киргизов, согнанных ими с их стародавних угодий, и в значительной степени способствовали обострению отношений между русскими переселенцами и коренным населением. В частности, уральцы, захватив в свои руки рыбные промыслы на Амударье, закабалили и разорили всё окрестное население, опутав его долговыми обязательствами. Чтобы обеспечить себе земли, необходимые для человеческого существования, народы Туркестана должны были «...сбросить с плеч кулаков-колонизаторов...».

Национально-освободительное движение, охватившее в 1916 г. Среднюю Азию, подвело итог отрицательным результатам колонизаторской политики империи, в основе которой лежало натравливание одних народов на другие.

Главная масса русских, прибывших в Среднюю Азию, оседала в городах. Усиленная городская колонизация вызывалась двумя причинами: сосредоточением в городских

центрах царской администрации и развитием в крае местной промышленности и торговли. Как общее правило, русские городские поселения основывались военным начальством рядом с уже существовавшими городами. Поэтому все большие города резко делились на две части: на «русскую», или «европейскую», и на «туземную», или «азиатскую», как выражались царские колонизаторы. Такой порядок, при котором незначительное по численности русское население селилось отдельно от численно превосходящего его местного населения, но в непосредственной с ним близости, был выгоден как для торговых интересов, так и для стратегических и политических соображений. Только в Фергане, ввиду нездорового в климатическом отношении положения бывшей её столицы Коканда, в 1877 г. был специально основан как административный центр город Новый Маргелан, позднее переименованный в Скобелев (ныне г. Фергана).

Русское население городов численно было значительно меньше местного. В русской части Ташкента, основанной в 1865 г., было к 1911 г. около 54000 жителей, что при общей численности городского населения в 234 289 человек составляло менее одной его четверти. В Самарканде русские составляли приблизительно одну пятую городского населения, в Андижане — немного более одной шестой, в Коканде из 113 тысяч человек было только 4 тысячи русских, в Старом Маргелане из 46 800 — 15000, в Намангане из 74000—1900 и т. д. Только в Новом Маргелане русские составляли большинство. Условия возникновения русских городов в период военной оккупации края наложили отпечаток на социальный состав русского населения. Наиболее значительную часть его составляли, особенно в первые годы, люди, занятые на военной или гражданской службе. В 1868 г. военнотруженики и чиновники составляли около 40%, в 1885 г. — приблизительно 21%. В царском Ташкенте были сосредоточены все центральные учреждения Туркестанского края: административные, военные, финансовые и прочие. Кроме генерал-губернатора с его канцелярией и штатом, в Ташкенте пребывал губернатор Сырдарьинской области, и находилось его управление.

Военный собор, несколько церквей, пригородный женский монастырь представляли официальную церковь. В меньшем размере то же самое наблюдалось и в других русских городах. Очень скоро, однако, города сделались средоточием торговых и промышленных предприятий; военно-административные центры, какими города были первоначально, стали очень быстро обрастать населением, занятым на этих предприятиях. К началу XX в. торгово-промышленное значение «русских городов» сильно возросло: в Ташкенте в 1910 г. насчитывалось 53 фабрично-заводских предприятий, в Самарканде, кроме хлопкоочистительных заводов, было 17 заводов винодельных и 13 чаеразвесочных складов больших московских фирм; важнейшим торговым центром Ферганы и складочным пунктом в торговле с Китаем был Коканд, являвшийся вместе с тем центром хлопкоочистительной промышленности (20 заводов). Таким образом, проводимая царским правительством в Туркестанском крае колонизационная политика постепенно привела к тяготению всей экономики края к экономике метрополии.

Вопросы и задания.

1. Проанализируйте колониальную политику Российской Империи в области администрации и управления.

2. Перечислите особенности экономической политики Российской Империи в Средней Азии.

3. В чём заключались основные цели Российской Империи в области религии и просвещения?

4. В чём сущность «военно-народного управления» Туркестаном?

6. Проанализируйте сущность основных статей «Положения об управлении Туркестанским краем».

7. С какой целью было создано «Российское императорское политическое агентство»?

8. Перечислите основные принципы колонизационной политики России во второй половине XIX и начале XX вв.

9. Какими путями осуществлялась колонизационная политика империи в Средней Азии до 1906 г?

10. В чём сущность «нового курса» в колонизационной политике Российской империи?

Ключевые слова

Колониальный период. Туркестанский край. Туркестанское генерал-губернаторство. «Военно-народное управление». «Золотая грамота» 1867 г. Генерал-губернатор. Ревизия сенатора Палена. Метрополия. Новометодные школы. Закаспийская железная дорога. «Российское императорское политическое агентство». Политический агент. Русские поселения. Таможенная реформа. Денежная реформа. Земельные концессии. Финансовые реформы. Русская колонизация. Административный аппарат. Экономическая политика империи. Организация управления «Положением об управлении Туркестанским краем». Религия и просвещение. Колониальная система власти. «Народный судья». Мактаб. Медресе. Русско-туземные школы. Политика русификации. Протекторат. Переселенческая политика. Колонизационная политика. «Самовольцы». Аграрное движение. Аграрный кризис. Туркестанский отдел Русского географического общества.

Тесты.

1. Каким документом определялись права и обязанности Туркестанского генерал-губернатора?

А) «Золотой грамотой» царя от 1867 года

Б) Указом Туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана от 1869 года

В) Указами Оренбургского генерал-губернаторства

Г) Права и обязанности Туркестанского генерал-губернаторства не определялись какими-либо документами

2. Укажите две основные цели царского правительства, которыми оно руководствовалось в своей колониальной политике в Средней Азии.

1. Укрепить свою власть в Средней Азии; 2. Сломить силу местных господствующих классов; 3. Использовать экономические возможности Средней Азии в интересах правящих классов царского правительства; 4. Развитие промышленности, науки и техники в крае; 5. Ликвидация феодализма в крае.

А) 1, 4 Б) 1, 3 В) 2, 5 Г) 3, 4

3. Укажите год проведения ревизии сенатора Палена в Туркестане.

А) 1901 год Б) 1905 год В) 1909 год Г) 1914 год

4. Как по-другому называлась Закаспийская железная дорога, строительство которой завершилось в 1899 году?

А) Оренбургской Б) Кавказской В) Казахстанской Г) Среднеазиатской

5. Как назывался суд у кочевого народа края по адату (обычное право)?

А) суд биев Б) суд шариата В) суд мустауфи Г) суд дивана

6. С какого года казии получили название «народных судей»?

А) с 1865 года Б) с 1867 года В) с 1886 года Г) с 1917 года

7. Кому принадлежит следующая фраза: «Развитие народного образования в крае должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической жизни населения, его гражданственности и солидарности, его слиянии с основами русской государственной жизни».

А) царю Александру II Б) генерал-губернатору фон Кауфману

В) генералу Черняеву Г) генерал-губернатору Розенбаху

8. Сколько квадратных километров оставалось во владениях Бухарского ханства к середине девяностых годов XIX века?

А) 150 тыс. кв. км Б) 200 тыс. кв. км В) 250 тыс. кв. км Г) 300 тыс. кв. км

9. Какой нормативно-правовой акт окончательно лишил ханство самостоятельности в торговой политике и превращал Бухару, по существу, во внутренний русский рынок?

А) соглашение о перенесении русской таможенной черты на пограничную линию Бухары и Афганистана от 1892 года

Б) договор между Царской Россией и Бухарским эмиратом от 11 мая 1868 года

В) Положение по управлению края от 1886 года

Г) Декреты Государственной Думы от 1907 года

10. В каком году из отошедших к царской России земель Хивинского ханства был образован так называемый Амударьинский отдел, состоящий из двух частей – Нукусской и Чимбайской, вошедший в Сырдарьинскую область?

А) в 1873 году Б) в 1874 году В) в 1876 году Г) в 1886 году

Рекомендуемая литература.

1. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. В кн.: Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. – Ташкент, Узбекистан, 1999. 7. – с. 128–152.

2. Мирзиёев Ш. М. Буюк келажагимизни мард ва олижаноб халқимиз билан бирга қурамиз. –Т.: Ўзбекистон, 2017.

3. История Узбекистана. Учебник для ВУЗов. Ташкент: «Fan va texnologiya» – 2011.

4. Ўзбекистоннинг янги тарихи. –Т. 1. Туркистон Чор Россия мустамлакачилиги даврида. – Т., «Шарк», 2000.

5. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Т. 2. Ўзбекистон Совет мустамлакачилиги даврида. – Т., «Шарк», 2000.

6. Абдурахимова Н.А., Рустомова Г.К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. – Т., Университет, 1999.

7. Исхаков Ф.Б. Национальная политика империи в Туркестане. (1867–1917 гг). – Т., «Фан», 1997.

8. Исхаков Ф.Б. Центральная Азия и Россия в XVIII – нач. XX вв. – «OzDAVMATVUOTLITI»; – Т.; 2009.

ТЕМА 2. ЭКСПЛУАТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ ТУРКЕСТАНА В ИНТЕРЕСАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

План:

1. Экономика Туркестана и её эксплуатация в интересах метрополии.
2. Географические и естественнонаучные исследования.

1. Экономика Туркестана и её эксплуатация в интересах метрополии

В истории экономики Туркестана в изучаемое время можно выделить два, значительно отличающихся друг от друга, периода.

Первый период характеризуется господством в метрополии промышленного капитала и охватывает отрезок времени, примерно, с 1865 г. до конца 90-х годов. Второй период (с 90-х годов до 1917 г.) характеризуется господством финансового капитала.

Для первого периода характерно то, что капитал метрополии воздерживался от активного вмешательства в производственные процессы колониального Туркестана, который в этот период являлся в равной степени и рынком сбыта для промышленной продукции метрополии, и источником сырья для неё. При этом нельзя выделить какой-либо вид сырья, который в эти годы играл бы ведущую роль в среднеазиатском экспорте. Из Туркестана в Россию вывозились шерсть, сухие фрукты, шёлк-сырец, кожи и местные сорта хлопка. Американский хлопок начинают вывозить только с конца восьмидесятых годов, поскольку лишь в 1885 г. посевы американского хлопчатника вообще начинают занимать относительно заметное место в общей посевной площади под хлопок.

Из метрополии ввозилось: текстиль (по преимуществу хлопчатобумажные и в меньшей степени шерстяные ткани), металлические изделия, нефтяные продукты, сахар, спиртные напитки, галантерея, посуда и другие предметы широкого

потребления. В этот первый период была мало развита специализация сельскохозяйственных районов в отношении технических культур, отличающихся более резко выраженным товарным хозяйством. Отсутствие (до середины восьмидесятых годов) железнодорожной связи с Россией являлось существенным препятствием для развития товарооборота метрополии с колонией.

Русский промышленный капитал сам почти не оперировал на среднеазиатских рынках, скупая и реализуя продукцию при посредстве торгового капитала. Русские купцы-оптовики, кредитуюсь в метрополии у крупных промышленных фирм на год под векселя, продавали их продукцию в Средней Азии по ценам несколько выше существовавших на оптовых складах России. Уплата за товары, продаваемые местным купцам, производилась частями после каждого базарного дня, но с начислением каждый раз в пользу оптовика значительных процентов на оставшуюся сумму долга. На деньги, полученные от продажи продукции в Туркестане, оптовые фирмы покупали шерсть, кожи, хлопок, сухие фрукты и т. д. для вывоза в европейскую Россию. Ввоз капитала из метрополии в этот период был относительно мал. Существенную роль в экономических связях Средней Азии с метрополией играли торговые сделки, заключающиеся на крупнейших ярмарках России.⁸ Особенно большую роль в этом отношении играла Нижегородская (Макарьевская) ярмарка. Местный капитал был почти полностью вытеснен русским капиталом из крупной оптовой торговли промышленными изделиями метрополии, а также хлопком. Зато в отношении вывоза прочих видов сырья местный капитал играл довольно значительную роль. Мелкооптовая торговля внутри страны и розничная торговля почти целиком находились в руках местного купечества. Купечество Туркестана вело оптово-розничную торговлю и в Казахских степях, и в Каракалпакии.

При отсутствии железных дорог ввоз промышленных товаров из метрополии был до конца восьмидесятых годов XIX века ещё не очень велик, однако он возрастал в течение

всего рассматриваемого периода. Благодаря дороговизне транспорта стоимость ввозимой из России промышленной продукции была сравнительно высока, но всё же и при таких ценах она могла конкурировать с продукцией местного ремесленного производства. Результатом этой конкуренции явилось постепенное свертывание ряда кустарных промыслов Туркестана и, в первую очередь, сокращение производства ремесленных текстильных изделий, металлических изделий и некоторых предметов широкого потребления.

В этот период происходил сравнительно быстрый рост городского населения Туркестана. С 1880 по 1897 г. численность городского населения в Ферганской области возросла почти в два раза, примерно в два раза увеличилось городское население в Ташкентском уезде и Зарафшанском округе. Однако рост городского населения был связан, в первую очередь, с усилением торгово-транспортного и административного значения городов. Влияние в этом процессе медленно развивавшейся промышленности было ещё относительно невелико.

Для сельского хозяйства в первый период было характерно господство продовольственных культур и относительная, не выраженная специализация сельскохозяйственных районов. Товарность сельского хозяйства была сравнительно невысока; только пастбищное овцеводческое хозяйство имело довольно высокую товарность.

Единый внутренний рынок в этот период только складывался, и сама торговля далеко ещё не полностью отделилась от производства. Не только в сельских местностях, но отчасти и в городах господствовала базарная торговля, которая была некоторым подспорьем при земледельческих и ремесленных занятиях и редко — основным занятием продавца. Лавки, в капиталистическом понятии этого слова, имелись лишь в немногих, сравнительно крупных городах. Каждый базар обслуживал обычно лишь относительно небольшое количество окрестных селений. Ярмарок, обслуживавших всю страну, не было.

В сельскохозяйственном производстве продолжала господствовать примитивная техника, унаследованная ещё с времён, предшествовавших завоеванию. Примитивный, отсталый характер имело и водное хозяйство.

Господствующей формой присвоения прибавочного продукта в сельском хозяйстве оставалась аренда, главным образом аренда издольная. Издольщиком-чайрикёром являлся обычно малоземельный или (что реже встречалось в этот период) безземельный дехканин.

Промышленное производство в этот период было представлено в основном мелким ремесленным производством, действовавшим зачастую лишь в течение определенного сезона и обслуживавшим бытовые потребности местного населения, отвечая его вкусам и соответствуя традиционному укладу жизни.

Эти производства, имевшие мелкие и мельчайшие размеры, специализированные на изготовлении самого ограниченного ассортимента, обслуживались в основном самостоятельными мастерами-одиночками, работавшими с помощью членов своей семьи. Наёмный труд применялся в незначительных размерах. Наёмные мастера (хальфа) жили в доме хозяина, пользовались его орудиями и станками и получали от него, кроме платы, пищу и жилище. Количество хальфа на тех предприятиях, которые применяли наёмный труд, было очень невелико — не больше 3—5 человек. Хальфа отличались от подмастерьев средневековой Европы тем, что они являлись законченными мастерами, иногда очень высокой квалификации, вступившие уже в цех и принявшие посвящение, но не имевшие средств, необходимых для того, чтобы начать собственное производство.

Сравнительно более крупными предприятиями были предприятия пищевой промышленности (мукомольной, винокуренной, пивоваренной и т. д.). Принадлежали они, главным образом, русским предпринимателям. В отчёте начальника Зарафшанского округа за 1884 г. по этому поводу говорилось: «Русские купцы единственно занимаются винокурением, пивоварением и виноделием». Как исключение

в отчёте упоминается одна русская фирма, устроившая мукомольную мельницу и круподёрку (с водяным двигателем). Почти вся их продукция шла на местный рынок, не выходя даже за пределы данной области. В том же отчёте сообщается: «Все произведения имеют исключительно местный сбыт и только в ограниченном количестве вывозятся шёлковые и хлопчатобумажные произведения».

После того как изделия русских фабрик хлынули в Ташкент, произошло повсеместное вытеснение многих местных ремесленных изделий привозными русскими товарами. Таким образом, с одной стороны, местные ремесленные изделия не могли выдержать конкуренции с изделиями русской промышленности, с другой — ремесленников разоряла зависимость от скупщика. Отсутствие достаточного количества крупных промышленных предприятий приводило к тому, что разорённые ремесленники не могли быть поглощены промышленностью. Всё это значительно ухудшало их экономическое положение.

Разумеется, экономическое положение городского населения было не везде одинаково. Оно было хуже в крупных торговых центрах, лежавших на важнейших торговых путях, и лучше в глухих горных районах, где конкуренция товаров из метрополии ощущалась значительно слабее.

Конец XIX в. ознаменовался в народном хозяйстве Туркестанского края ускорением процесса накопления капитала, которое происходило как в сфере торгово-ростовщических операций, так и в сельском хозяйстве. Это создавало предпосылки для развития рыночных отношений в кишлаке при сохранении, однако, относительного и абсолютного господства в нём старых методов производства.

К концу первого периода значительно возросло количество крупных капиталистических промышленных предприятий, главным образом, в связи с развитием хлопкоочистительной и маслособойной отраслей.

В конце восьмидесятых — начале девяностых годов XIX века в Туркестане появились и первые кредитные

предприятия. Первоначально возникали конторы и отделения Государственного банка, а затем начала расти сеть частных кредитных учреждений.

Второй период в экономической жизни Туркестана протекал в условиях возрастания роли в народном хозяйстве России финансового капитала. Он ознаменовался более быстрыми темпами развития капиталистических отношений, укреплением и ростом экономических связей народного хозяйства Средней Азии с метрополией. В торговых связях с Россией на первый план начал выдвигаться вывоз хлопкового сырья и ввоз значительного количества хлеба. Ввоз хлеба, соответствовавший интересам русских помещиков, был вызван образованием в Туркестане специализированных сельскохозяйственных, главным образом хлопковых, районов, увеличением городского населения, ростом сельского пролетариата и безземельного дехканства, и был облегчен благодаря соединению России со Средней Азией железнодорожной сетью.

Структура и объём экономических связей Средней Азии с метрополией в изучаемый период характеризуется следующими цифрами, относящимися к 1914 г. Весь ввоз из России в Среднюю Азию составлял около 243,6 млн. рублей, из которых около 40% приходилось на ввоз текстиля, около 15% на долю пищевых продуктов (сахар и прочее, не считая хлеба), около 7% — на долю хлебных грузов, 7% — на продукцию деревообрабатывающей промышленности, 11% — на продукцию металлообработки, 6% — на продукцию химической промышленности, около 5% — на топливные грузы. Все прочие продукты, вместе взятые, составляли менее 10% ввоза. Вывоз в метрополию из Средней Азии приносил 269 млн. рублей, из которых на долю текстильного сырья приходилось около 213,5 млн. рублей, или 80%. Из других грузов по своему удельному весу выделялись грузы пищевые (сухие фрукты и т. д.) и кожевенные.

Кроме торговли с Россией, Средняя Азия вела торговлю и с сопредельными странами: Китаем, Ираном и Афганистаном. Из торговых изделий, шедших из-за границы в Среднюю

Азию, следует отметить кисею (из неё изготовлялись чалмы), привозившуюся из Индии через Афганистан и Бухару.

Существенным моментом во взаимоотношениях Узбекистана и России во второй период явилось активное непосредственное вмешательство финансового капитала метрополии в экономическую жизнь колонии, главным образом путем системы целевого кредитования банками её народного хозяйства. Экспорт капиталов из России в Туркестан направлялся, по преимуществу, в сферу торгового обращения, в значительно меньшей степени — в промышленность и транспорт. Так, из 313 млн. рублей, вложенных метрополией с 1913 по 1915 г. в народное хозяйство Средней Азии, около 60% падало на кредитную сеть, около 25% было вложено в железные дороги, около 10% — в хлопко-маслобойную промышленность и 5% — в горно-топливную промышленность. Если не считать 2—3 млн. рублей, вложенных по линии бюджета в ирригацию, то непосредственных вложений в сельское хозяйство почти не было. Всё финансирование сельского хозяйства происходило через банки непосредственно или при посредстве хлопкозаготовительных фирм и хлопкоочистительных заводов. Таким образом, основная часть капиталовложений метрополии в народное хозяйство Узбекистана шла не непосредственно в производство, а в сферу обращения.

Одной из важнейших задач, которую преследовал русский финансовый капитал метрополии, являлось превращение Туркестанского края в хлопковую базу русской текстильной промышленности. Местные сорта хлопка (гуза) высевались в Средней Азии уже в течение сотен лет до завоевания. Однако эти сорта отличались низким качеством (короткое и грубое волокно); лишь в немногих районах хлопок играл в сельском хозяйстве преобладающую роль. Характера же монокультуры среднеазиатский хлопок в XIX в. пока не имел нигде.

По ориентировочному подсчёту, годовой сбор местных сортов хлопка в Средней Азии в начале восьмидесятых годов составлял до 3 млн. пудов, из которых около 700 тыс. пудов вывозилось в Россию. Лишь после внедрения в 1831 г. русскими

предпринимателями американских сортов хлопчатника и постройки Закаспийской железной дороги началось превращение Средней Азии в сырьевую базу для русской текстильной промышленности. Массовое распространение посевов американского хлопчатника происходило лишь с самого конца XIX в. С 1889 до 1916 г. посевная площадь под американским хлопчатником (без Хивы и Бухары) увеличилась в 7 раз (с 50 тыс. десятин в 1889 г. до 110 тыс. десятин в 1895 г.; в 1901 г. — 210 тыс. десятин, в 1911 г. — 267 тыс. десятин, в 1914 г. — 300 тыс. десятин и в 1916 г. почти 343 тыс. десятин).

Большинство авторов, писавших о развитии хлопководства в Туркестане, ставило это явление в прямую связь с хлопковым кризисом, вызванным гражданской войной в США в шестидесятых годах XIX в. Влияние этого фактора, несомненно, имело место и послужило известным толчком к усиленному развитию в крае хлопководства. Рост хлопковых площадей в Туркестане, начавшийся в конце восьмидесятых годов, был вызван, прежде всего, стремительным ростом текстильной промышленности метрополии.

По данным Министерства торговли и промышленности, относящимся к 1900 г., на долю текстильной промышленности приходилось 27,3% всей промышленной продукции России, причём в текстильной промышленности этого периода хлопчатобумажная отрасль занимала первое место, давая около 70% всей стоимости продукции. С 1890 по 1899 г. стоимость текстильной продукции выросла на 107 %, а с 1900 по 1913 г. — более, чем на 150%. В XX в. в больших размерах растёт вывоз русских хлопчатобумажных изделий за границу: в Китай, Иран и другие страны. Бурный рост русской хлопчатобумажной промышленности неизбежно должен был острить вопрос о создании для неё собственной сырьевой базы. В этом же нуждался и русский финансовый капитал, господствовавший в хлопчатобумажной промышленности. Создание хлопковой базы было необходимо и для царского правительства, которое было заинтересовано в росте

собственного хлопководства по стратегическим и финансовым соображениям. Правительство с тревогой отмечало усиление утечки золота и валюты за границу для закупки хлопка, грозившее нарушить устойчивость только что проведённой денежной реформы.

Железнодорожное строительство, повышение таможенных пошлин на импортный хлопок, а также значительные льготы в налоговом обложении посевов хлопчатника в Средней Азии ускоряли рост хлопководства, в чём и была заинтересована метрополия. В период с 1864 по 1878 г. ввоз хлопка в Россию совершенно не облагался таможенной пошлиной, а с 1879 по 1886 г. — облагался лишь в размере 40–50 коп. с пуда. В 1887 г. пошлина была увеличена до 1 руб. — 1 руб. 75 коп., и непрерывно повышаясь в дальнейшем, к 1903 г. достигла 5 руб. 25 коп. с пуда. Не меньшее значение имели для роста хлопководства и налоговые льготы. Согласно Положениям 1886 и 1900 гг., обложение доходов от полеводства в Средней Азии производилось путём исчисления валового дохода не со всех культур, а лишь с ведущих для данного селения. В 1900 г. было установлено, что земли, занятые посевами американского хлопчатника, облагаются налогом в одинаковом размере с посевами других поливных культур, кроме риса. Между тем валовая доходность хлопчатника в основных хлопковых районах была иногда в несколько раз выше доходности других поливных культур. Поэтому земледельческие хозяйства были заинтересованы в дальнейшем расширении посевной площади хлопка. Толчком для перехода к хлопководству являлась также возможность свободного получения под хлопок кредита и известная устойчивость спроса на хлопок по сравнительно высоким ценам.

За счёт быстрого роста среднеазиатского хлопководства значительно укрепились позиции русской текстильной промышленности на мировом рынке. Еще в 1900 г. среднеазиатский хлопок обеспечивал только 24% потребности русской промышленности, а перед началом Первой мировой войны он удовлетворял её уже почти на 50%. Такое повышение

удельного веса отечественного сырья было достигнуто при одновременном бурном росте хлопчатобумажной промышленности России в этот период.

Господствующая роль хлопка в хозяйстве Туркестанского края видна также из данных о стоимости валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в 1913 г. Хлопководство составляло 40% всей стоимости, зерновые культуры — примерно 37%, животноводство — 15,8%, садоводство — около 3%, виноградарство — около 3%, прочие отрасли сельского хозяйства — 1,2%. Удельный вес хлопка в товарной продукции сельского хозяйства был ещё выше. Из стоимости валовой продукции ценовой промышленности в 1913 г. на долю хлопкоочистительной промышленности приходилось свыше 80%.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., хлопчатник в отдельных уездах, расположенных на территории современного Узбекистана (без территории вассальных ханств), занимал следующие поливные посевные площади: по Андижанскому уезду — 35%, Кокандскому — 35%, Скобелевскому — 31 %, Наманганскому — 25%, Амударьинскому отделу (Шураханский участок) — 18%, Каттакурганскому уезду — 18%, Ташкентскому — 17%, Самаркандскому — 8%, Джизакскому — 3%.

Из приведённых данных видно, что хлопковая специализация в ряде районов Ферганской области, а отчасти и в Ташкентском уезде, зашла достаточно далеко. Особенно интенсивно процесс хлопковой специализации протекал в отдельных волостях. В некоторых волостях Андижанского уезда отношение посевов хлопчатника к общей поливной посевной площади составляло в 1917 г. более 50%.

В Фергане буквально каждый клочок пригодной для хлопководства земли был использован под хлопок.

Общее представление о значении отдельных районов Средней Азии в снабжении русской промышленности хлопком в 1913 г. дают следующие цифры: Ферганская область давала более 62% всего хлопка, отправленного в Россию из Средней

Азии, Бухара — более 13%, Сырдарьинская область — 8,4%, Самаркандская — около 7%.

Из этих данных совершенно ясно выступает ведущая роль Ферганской долины в среднеазиатском хлопководстве.

Образование специализированных хлопковых районов, положивших основу формирования монокультуры хлопчатника со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для Узбекистана и других стран Средней Азии, рост хлопкоочистительной промышленности в Фергане и отчасти в Ташкентском уезде, Сырдарьинской области, в свою очередь, привели к резкому росту товарно-денежных отношений в этих районах. Об этом свидетельствует непрерывное увеличение количества ввозимого в Фергану хлеба и предметов широкого потребления, а также повышение цен почти на все товары, особенно ввозимых из метрополии. Специализация сельского хозяйства и связанный с ней рост товарно-денежных отношений не ограничивались, однако, одними хлопковыми районами Ферганы, но охватили и значительную часть зерновых районов Узбекистана. В качестве основного района товарного зернового земледелия в начале XX в. выдвигается Самаркандская область. Здесь же складывается в этот период и мощное товарное плодовоовощное хозяйство. Хлеб, плоды и овощи в больших количествах вывозились в Фергану, Бухару, Закаспийскую область и некоторые другие районы. Усиление сельскохозяйственной специализации в Самаркандской области привело к дальнейшему расширению поливных и неполивных площадей, занятых полеводством, и к резкому сокращению кормового фонда животноводства (пастбища, луга и т. д.), результатом чего явилось значительное сокращение животноводства в районах со специализированным сельским хозяйством. Только пастбищное экстенсивное животноводство в горных и пустынных районах сравнительно мало изменилось в результате специализации сельского хозяйства основных областей Туркестана.

Процесс специализации сельского хозяйства в начале XX в. затронул также и некоторые части ханств, где развитию

рыночных отношений сильно препятствовало сохранение старых форм землевладения. Еще в 1900 г. удельный вес хлопчатника в посевной площади Хивы составлял 9%, а люцерны — 7%; в 1909 г. он уже повысился для каждой из названных культур до 16%. В 1900 г. излишки хлеба в ханстве исчислялись в 2 млн. пудов, а в 1909 г. никаких излишков уже не было. В частности, Хива вместо вывоза в Бухару своего хлеба, как это имело место в 1900 г., сама ввозила его в 1909 г. из той же Бухары. Аналогичный процесс специализации сельского хозяйства можно отметить и в Зарафшанском районе Бухарского ханства, где посевы хлопчатника составляли к 1909 г. уже около 25% всей посевной площади. В результате такой специализации в Зарафшанский район ввозился хлеб не только из соседних зерновых районов Бухары (например, из Кашкадарьинского района), но и из Самаркандской области.

На развитие специализированных сельскохозяйственных районов оказал влияние и рост городов, предъявлявших спрос на продукты питания и сельскохозяйственное сырьё. За время с 1897 по 1913 г. общая численность населения Туркестанского генерал-губернаторства в пределах основных его районов (без Хивы и Бухары) выросла на 25–30%. За тот же период городское население в тех же районах возросло на 50%. Наибольшая концентрация городского населения происходила в пределах современной Ташкентской области, где почти все городское население было сосредоточено в г. Ташкенте, и в Ферганской области, где оно было сконцентрировано в основном в 5 больших городах. Этот быстрый рост населения городов, однако, был мало связан с индустриализацией края. Темпы развития промышленности были более чем скромными, и значительная часть вновь создаваемых заводов (хлопкоочистительных) размещалась в сельских местностях. Рост городов Туркестана был все ещё связан главным образом с расширением транспортно-торговых операций.

Образование специализированных хлопководческих и зерновых районов привело в Туркестане, подобно тому, как это было ранее на севере России с льноводством, к

возникновению обмена «...не только между земледелием и промышленностью..., но и к обмену между разными видами торгового земледелия. Таким образом, в конце XIX и начале XX в. сельскохозяйственные районы Туркестана постепенно утрачивали свою былую изолированность и всё более вовлекались во взаимные торговые связи. Именно в период с конца XIX и начала XX в. началось образование в Туркестане единого внутреннего рынка.

При колониальном характере народного хозяйства Узбекистана для ускорения образования единого внутреннего рынка большое значение имело расширение экономических связей с метрополией. Города Туркестанского края, при слабом развитии их промышленности, не могли обеспечить далеко зашедшую специализацию сельского хозяйства страны. Их влияние на образование единого внутреннего рынка шло в основном по линии возникновения внутреннего спроса на продукцию сельского хозяйства; метрополия же не только являлась потребителем хлопка, фруктов, кожи, шерсти и другого сырья Узбекистана, но и основным поставщиком промышленных товаров, а также и значительной части зерна.

Большое значение для образования единого внутреннего рынка имело также проводившееся в стране железнодорожное строительство и развитие паромства на Амударье. Появление относительно дешёвого транспорта для массовых грузов значительно облегчило установление тесных экономических связей между отдельными районами и вовлечение этих районов в общую экономическую жизнь страны. Сверх того, только появление новых видов транспорта сделало возможным огромное расширение экономических связей с метрополией. Известную роль в ускорении образования единого внутреннего рынка в Узбекистане сыграло и повышение во второй период темпов роста его промышленности. Образование промышленного пролетариата способствовало усилению товарности местного сельского хозяйства. В этом же направлении влиял и спрос самих предприятий на сельскохозяйственное сырьё.

Скупка хлопка, как и почти всех прочих продуктов сельского хозяйства, производилась путем выдачи производителю авансов под будущий урожай. Посредством финансирования скупки хлопка русский капитал стимулировал развитие хлопководства в Средней Азии. Можно констатировать некоторое участие иностранного капитала, главным образом французского, в тех банках, которые кредитовали закупку хлопка в Средней Азии. Но препятствия для проникновения в Среднюю Азию нерусского капитала, которые были созданы царским правительством, крайне затрудняли непосредственный выход иностранного капитала на среднеазиатский сырьевой рынок.

В связи с такой ролью банков в системе финансирования скупки хлопка протекало и развитие кредитной системы в Средней Азии. Если до 1889 г. на весь Туркестан имелось лишь одно отделение Государственного банка, то в 1897 г. их было уже 5; в 1898 г. открылось первое отделение коммерческого банка; в 1901 г. их было уже 5, а в 1903 г., кроме 5 отделений Государственного банка, насчитывалось уже 9 отделений коммерческих банков. Для 1910 г. соответствующие цифры составляли 5 и 28 отделений, для 1912 г. — 7 и 40 отделений.

Хлопкозаготовительные организации, получавшие из банков многомиллионные кредиты, не являлись, однако, последним звеном в системе финансирования непосредственных производителей хлопка. Опыт русских торговых фирм скоро доказал, что выдача задатков дехканам-хлопкоробам лишь тогда обеспечивала заготовку хлопка на выгодных для заготовителя условиях, когда наблюдение за использованием ссуд и их погашением находилось в руках местных людей. Во-первых, в этом случае должник никуда не мог укрыться от своего соседа, а, во-вторых, сосед в случае нужды мог бы без особых формальностей присоединить к своему хозяйству землю должника, обеспечивавшую долг. Так возникла в Средней Азии профессия посредника, который получал от хлопкозаготовительной фирмы ссуды и затем от себя раздавал их дехканам-хлопкоробам под верное

обеспечение и за ростовщические проценты (в год 20, 30, 50% и выше).

Ещё ревизия Гирса, проведённая в восьмидесятых годах XIX века, отмечала громадную роль ростовщического кредита в обнищании крестьянства Средней Азии. Основным правительственным мероприятием по борьбе с ростовщичеством была организация уездных ссудных касс и учреждений мелкого кредита. Все мероприятия правительства в этой области носили, однако, паллиативный характер и не могли хоть сколько-нибудь существенно изменить положение.

О растущем разорении широких масс дехканского населения свидетельствовали также ежегодные данные о количестве исполнительных листов, предъявляемых судебным приставам для производства денежных взысканий.

Несмотря на то, что по абсолютным размерам рост промышленной продукции Узбекистана и во второй период был сравнительно невелик, темпы этого роста стали значительно более быстрыми. За весь первый период (с 1865 по 1900 г.) на территории трех областей (Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской) было открыто всего 170 промышленных заведений. За 10 лет (с 1900 по 1910 г.) их было открыто около 220, а за четыре года (с 1910 по 1914 г.) – около 180. Только за время с 1908 по 1913 г. стоимость промышленной продукции Ферганской области выросла на 69%, а Самаркандской – на 74%.

Колониальный характер промышленности Туркестана резко выступает при сопоставлении размеров продукции отдельных её отраслей. По данным 1913 г., почти 80% всей валовой промышленной продукции падало на первичную обработку хлопка-сырца, перевозка которого по железной дороге в метрополию в необработанном виде была бы крайне невыгодной. Около 15% продукции приходилось на пищевую промышленность, маслобойную, связанную с переработкой хлопковых семян, переработку прочего сельскохозяйственного сырья, и только 5% – на прочие отрасли промышленности.

Среднегодовая численность рабочих ценовой промышленности и железнодорожных мастерских Туркестана

в 1913 г. не превышала 18 тыс. человек. Значительно больший удельный вес в составе населения Средней Азии имели ремесленники. Но если отбросить объём продукции отраслей, перерабатывающих хлопковое сырьё, то в производстве отдельных видов продукции ремесленное производство имело даже несколько больший удельный вес, чем фабрично-заводское.

Характерной особенностью фабрично-заводской промышленности Средней Азии являлись очень небольшие размеры предприятий (по количеству рабочих и по стоимости продукции), а также их крайне низкий технический уровень. Следует также отметить, что хлопкоочистительные заводы совмещали здесь торгово-скупочные операции с чисто производственными.

Накануне Октябрьского переворота 1917 г. в туркестанской промышленности появилась тенденция к укрупнению предприятий и их концентрации; делались также попытки объединить в одних руках все стадии закупки и обработки хлопкового сырья. Концентрация производства особенно была заметна в маслособойной промышленности, где производственный процесс продолжался круглый год и где самые размеры производства были наиболее значительными. К числу таких крупных объединений маслособойной и хлопкоочистительной промышленности Средней Азии принадлежали, например, возникшие в 1913 г. товарищества Андреевское и «Бешбош». Эти два товарищества скупали от 60 до 90 % всех хлопковых семян, поступающих на рынок Средней Азии. В дальнейшем они объединились также и с некоторыми мыловаренно-жировыми и хлопкоочистительными предприятиями.

В это же время в Туркестанском крае начинается частное железнодорожное строительство. Первая частная дорога была построена в Фергане в 1910—1911 г. и связала Коканд с Наманганом; вторая, разрешенная к постройке в 1913 г., продолжала этот путь от Намангана до Джалалабада. Наконец, в 1913 г. был утверждён устав Бухарской железной дороги. Эта линия должна была идти от Кагана (Новая Бухара) через

Карши на Термез, с ветками от Карши на Гузар и Китаб. Сверх того, в Фергане было проведено ещё несколько мелких ответвлений от уже существовавших магистралей. Все эти дороги были построены только благодаря правительственной гарантии.

Общая протяженность частных железнодорожных линий, по сравнению с казенными, была крайне невелика.

Российская империя старалась сдерживать развитие Туркестанского края во всех отношениях, как колониальной страны, зависимой от метрополии во всех отношениях. Она превратила край в сырьевой придаток российской промышленности, поэтому процессы формирования рабочих профессий протекали здесь крайне медленно.

Процессы пауперизации преобладали — разорившиеся кустари и ремесленники не могли втянуться в фабрично-заводскую промышленность, поскольку последняя развивалась крайне медленно. Массы разорившихся бедняков шли в кабалу к баям, нищенствовали, питались от случайных заработков, нанимались на короткие сроки чернорабочими и подёнщиками.

Даже хлопкоочистительные заводы были преимущественно мелкими предприятиями: в среднем на одном заводе работали 35 рабочих; лишь на некоторых заводах число их достигало 100—140 человек. Основную массу рабочего класса в Туркестане составляли железнодорожники. В некоторых железнодорожных мастерских работало до 800—1000 человек. Среди железнодорожников были рабочие и местных коренных национальностей, наряду с приезжими рабочими из Центральной России. Особенно велика была доля участия местных национальностей в постройке железнодорожной линии от Самарканда до Ташкента. После окончания строительства дороги они оставались на службе пути стрелочниками, станционными сторожами, старшими дорожными рабочими, чернорабочими.

Условия труда в промышленности были чрезвычайно тяжёлыми. Рабочий день длился 17—18 часов. Охрана труда

отсутствовала. Заработная плата была чрезвычайно низкой. Полицеймейстер города Ташкент в августе 1904 г. приводил данные о средней подённой зарплате: 1) мальчик от 12 до 15 лет получал в сутки от 15 до 20 коп; 2) подросток — от 30 до 50 коп; 3) взрослый — от 60 коп. до 1 руб.; 4) женщины — от 35 до 60 коп. Большая часть железнодорожных рабочих оплачивалась подённо; это позволяло администрации держать их под постоянным страхом увольнения. Положение местных рабочих было ещё тяжелее; их заработная плата была в полтора раза меньше оплаты русских, хотя они выполняли ту же самую работу, что и русские. На каменноугольных копях, например, местный рабочий получал 80 коп. за работу, за выполнение которой русский получал 1 руб. 50 коп. Обращение с рабочими коренных национальностей было особенно грубое; их избивали, обсчитывали при расчётах, лишали праздничного отдыха. Ревизия сенатора Палена признала, что положение рабочих из местных национальностей было гораздо тяжелее положения русских рабочих.

Все это ослабляло рабочих местных национальностей и давало возможность предпринимателям применять жестокие формы эксплуатации. Тяжёлое положение рабочих местных национальностей в Туркестана была вынуждена констатировать даже царская администрация в своих отчётах центральной власти.

Наряду с развитием фабрично-заводской промышленности не утратили своего значения для хозяйства страны и ремесла.

Развитие рыночных отношений выразилось в повышении товарности всего хозяйства, что вело к некоторому повышению покупательной способности населения и имело своим результатом увеличение спроса не только на фабричные товары, но и на изделия ремесленников, которые или сбывались на месте или вывозились в другие, нередко отдалённые районы.

Однако наряду с моментами, вызывавшими оживление некоторых видов ремесленной промышленности, другие её отрасли переживали глубокий упадок.

Совершенно потеряла всякое значение горнодобывающая и частично металлообрабатывающая кустарная промышленность. Первая в Узбекистане почти совершенно прекратилась, вторая ограничилась производством из привозного металла тех изделий, которые были связаны с местным бытом и не изготовлялись заводами, — кетмени, теши, лемехи для омачей и др. Конкуренция завозимых в край фабричных товаров тяжело отразилась на текстильных и керамических ремеслах. Обильно завозимые в край фабричные ткани почти вытеснили из обихода городского населения бумажные ткани местного производства, при наличии в сельских местностях спроса исключительно на низкие и грубые сорта (калями).

Не менее губительно отозвалась конкуренция фабричных товаров и на производстве высокосортной посуды — как медной, украшенной чеканкой, так и расписной керамической, которая была в значительной степени вытеснена из местного быта фарфоровыми изделиями русских фабрик, выпускавших посуду, отвечающую требованиям местного быта и вкусам народа.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война привела к дальнейшему резкому ухудшению экономического положения дехканства и к ускорению имущественной социальной дифференциации в кишлаке, особенно в хлопковых районах.

В результате мировой войны в России значительно увеличилась потребность в хлопке, между тем импорт его сокращался по ряду причин (валютные затруднения, рост цен на хлопок за границей и т. д.). Прямым следствием этого были мероприятия правительства, направленные на расширение посевной площади под хлопчатник в Средней Азии. С 275 тыс. десятин в 1915 г. эта площадь выросла в 1916 г. до 343 тыс. десятин, т. е. увеличилась на 20%.

Помимо возрастания числа дехкан, эксплуатируемых ростовщиками-заготовителями хлопка, в рассматриваемый период усилилась и сама тяжесть эксплуатации. Опутанные долговой кабалой по авансам под хлопок, дехкане были вынуждены все более увеличивать удельный вес хлопчатника

в своих посевах, доводя его в отдельных случаях до 70% и выше. В этих условиях влияние рынка на экономику сельского хозяйства резко усилилось. Между тем с начала мировой войны соотношение рыночных цен значительно изменилось в невыгодную для хлопководческого хозяйства сторону. Заготовительные цены на хлопок были регламентированы царским правительством, и с 1913 по 1916 г. повысились всего на 60%, тогда как цены на продовольственные продукты и предметы первой необходимости за то же время поднялись в два-три раза и более, главным образом под влиянием уменьшения швоза этих продуктов из метрополии в силу транспортной разрухи.

Таким образом, экономическое положение дехкан-хлопкоробов уже к 1916 г. стало исключительно тяжёлым. Наблюдалось стремление дехкан за счёт хлопка расширить посевную площадь под продовольственные культуры. Правительство всеми мерами боролось с этими тенденциями, но далеко не всегда удачно. Ухудшению экономического положения населения способствовало и значительное усиление налогового обложения, а также всевозможные сборы, якобы в пользу армии, проводившиеся местной администрацией и в значительной степени ею самой и присваиваемые. Крайне усилился в этот период и национальный гнёт, которому подвергалось местное коренное население.

В начале XX в. происходило значительное укрепление и расширение экономических связей Узбекистана с Россией, в первую очередь в результате железнодорожного строительства и усиления заинтересованности метрополии в среднеазиатском рынке. В товарообороте России со Средней Азией на первый план выдвинулись в этот период проблемы вывоза сырья, особенно хлопка. В вывозе из России в Туркестан, наряду с промышленной продукцией метрополии, все большую роль стали играть хлебные грузы. Рост удельного веса последних был следствием железнодорожного строительства, образования специализированных сельскохозяйственных районов в Туркестане, увеличения численности городского населения.

В то же время народное хозяйство Узбекистана стало развиваться под знаком активного вмешательства финансового капитала в сельскохозяйственное производство, главным образом, путём системы целевого кредита банков. Результатом такого вмешательства было образование специализированных сельскохозяйственных районов, удовлетворявших потребность метрополии в сырье. В этот период начала быстро расти товарность сельского хозяйства и образовался единый внутренний рынок страны. Усиливался также процесс социальной дифференциации в деревне. В промышленности ведущая роль в этот период стала принадлежать уже новым предприятиям.

Попытки царского правительства насадить на новоорошаемых землях в коренных областях Узбекистана кулацкие хозяйства из русских переселенцев и попытки финансового капитала создать на тех же землях капиталистические фермерские и плантационные хозяйства не увенчались успехом.

Из всего сказанного видно, что особенностью развития народного хозяйства Туркестана в колониальный период являлась необходимость преодолевать, в процессе развития рыночных отношений, целый ряд барьеров, созданных экономической политикой царского правительства в Средней Азии. В результате этой политики население Туркестана в ещё большей степени, чем население центральных районов Российской империи, страдало и от рынка, и от недостаточного развития рыночного механизма.

Однако, рассматривая колониальный период истории Узбекистана с точки зрения развития производительных сил страны, можно отметить за эти годы существенные изменения почти во всех областях народного хозяйства, развитие железнодорожного строительства, создание промышленных предприятий по первичной обработке хлопка и другого промышленного сырья, строительство ряда предприятий горной промышленности, значительный рост населения страны, увеличение посевных площадей. Напомним, что

всё это Российская империя проводила, а также активно использовала в целях и в интересах колонизации, эксплуатируя все материальные и природные богатства края в интересах метрополии.

2. Географические и естественнонаучные исследования

В первую очередь, сразу же после завоевания Туркестанского края Российской империей, внимание русских исследователей было направлено на географическое и естественнонаучное обследование вновь завоёванных территорий. Дело шло не столько о специальном исследовании отдельных вопросов, сколько о разностороннем знакомстве со Средней Азией, о возможностях использования природных богатств. Раньше всех с работами о Средней Азии выступил П.П. Семёнов-Тянь-Шаньский, которому наука обязана первыми достоверными сведениями о составе и строении значительной части Тянь-Шаня и о характерных для этой области ботанико-географических зонах (экспедиция 1856 и 1857 гг.); Н.А. Северцев начал свои исследования с изучения природы Арало-Каспийского района (1857), затем посвятил несколько лет (1864–1868) Тянь-Шаню и закончил обследованием Памиро-Алайской горной системы (1876–1879); он же первый изучил фауну Средней Азии. А.П. Федченко обследовал в 1869–1871 гг. Алайскую долину; собранная им в этом районе коллекция природных объектов дала русским, иностранным и местным учёным большой материал для последующих работ. Последним представителем этой группы всесторонних исследователей Средней Азии является А.Ф. Миддендорф, который в результате посещения Ферганы в 1878 г. напечатал большой труд о Ферганской долине; в нём даны сведения о геоморфологии и почвах Ферганы, о климате, сельском хозяйстве в условиях ирригационного режима, а также о составе и быте населения.

С середины семидесятых годов XIX века Средняя Азия сделалась объектом более углублённых специальных исследований в различных направлениях.

На первом месте стояло геологическое изучение Туркестана. И.В. Мушкетов положил начало петрографическому изучению Тянь-Шаня (1874–1875) и Памиро-Алайской системы (1877) и сделал важные выводы в области геоморфологии и геологии горных стран Средней Азии; ему и геологу Г.Д. Романовскому принадлежит первая карта полезных ископаемых края. Г.Д. Романовский, в результате ряда экспедиций, собрал большой палеонтологический и стратиграфический материал о Туркестане. Этим же двум учёным принадлежат обобщающие труды по геологии. В книге И.В. Мушкетова «Туркестан» дан подробный, с точки зрения науки того времени, критический обзор итогов геолого-географического изучения Средней Азии до начала восьмидесятых годов XIX века, послуживший отправной базой для последующих исследований. Г.Д. Романовский в своей работе «Материалы для геологии Туркестанского края» (1878–1890) дал предварительную общую схему исторического развития поверхности и недр Средней Азии.

Географо-геологическое изучение Узбекистана шло довольно интенсивно. С 1909 г. Геологический комитет Российской империи приступил к систематической геологической съёмке Туркестанского края. Был произведён ряд картографических работ, в основе которых лежали детальные съёмки территории, и закончены были многолетние астро-геодезические и гравиметрические исследования П.К. Залесского.

Образованный в 1897 г. Туркестанский отдел Русского географического общества сделался скоро центром географических, геологических, зоологических и ботанических исследований Средней Азии. Из организованных им работ особенно был важен многотомный труд Аральской экспедиции (1900–1906), руководимой Л.С. Бергом. Экспедиция носила широкий комплексный характер и была выполнена на высоком для своего времени научном уровне. Научно-исследовательские партии, организованные в Средней Азии Отделом земельных улучшений Министерства земледелия, проводили, начиная с 1909 г., обстоятельное изучение геологических,

гидрогеологических, почвенных и метеорологических условий и низовьях Амударьи, в районах, прилегающих к Сырдарье, и Голодной степи и т. п. Подобные же работы выполнялись и органами железнодорожного ведомства, особенно в связи с проектом сооружения Туркестанско-Сибирской железной дороги.

Особенно большие успехи были достигнуты в рассматриваемое время в части ботанического изучения Средней Азии. Работы С.И. Коржинского и В.Л. Комарова дали в девяностых годах XIX в. первые фундаментальные характеристики растительных областей Узбекистана. Позже вышли капитальные труды по флоре Средней Азии В.И. Липского (1900–1911) и Б.А. Федченко (1915). С 1909 г. началась серия ботанических исследований Сибири и Средней Азии, предпринятая Переселенческим управлением Министерства земледелия для использования растительных ресурсов этих областей. В сфере изучения животного мира Средней Азии необходимо отметить работы Л.С. Берга о рыбах Туркестана и Н.А. Зарудного о птицах разных его областей.

В середине девяностых годов XIX века оживляется работа по изучению истории Узбекистана. Известный востоковед В. В. Бартольд начал работу по изучению древней и средневековой истории Узбекистана изданием ряда трудов, среди которых центральное место занимает его книга «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1898–1900). Он впервые использовал и обработал с исключительной полнотой местные первоисточники, особенно средневековые. В то же время В.В. Бартольд дал толчок к изучению археологических памятников Узбекистана; он и сам занимался историей материальной культуры Средней Азии и стимулировал в этой области работу других исследователей. Вместе с Н.И. Веселовским В.В. Бартольд обратил внимание центральных научных учреждений на необходимость археологического изучения древностей Самарканда и других городов Узбекистана. В этой области несколько работ было опубликовано В.Л. Вяткиным. Произведены были также некоторые раскопки Туркестанским

кружком любителей археологии (главным образом в Ташкенте). Это было началом археологического исследования Узбекистана.

К 1890–1900 гг. относятся работы по этнографическому изучению Туркестана; была сделана даже попытка приступить к составлению этнографической карты Средней Азии. Работа, развёрнутая русскими научными силами, способствовала разработке естественных богатств и развитию производительных сил Туркестана. Изучение геологии и полезных ископаемых Средней Азии способствовало усилению добычи угля и нефти в начале XX в. В Чимионе (Ферганская область) нефтяные промыслы были организованы на основе добытых научным путём ориентировочных сведений о месторождении и условиях залегания нефти. Устройство каменноугольных копей тоже базировалось на данных геологической теории. В области ирригации были использованы некоторые улучшения, с которыми местные жители познакомились на опыте ирригационных работ, предпринятых русскими техническими силами.

Русская наука провела в тяжёлых для её деятельности условиях Российской империи большую и плодотворную работу по изучению Средней Азии, в частности и Узбекистана. Русские учёные значительно расширили сведения европейской науки в области географии, геологии, зоологии, ботаники Средней Азии, открыли новые страницы в изучении её истории, собрали большой материал по её этнографии.

Ключевые слова

Мировой рынок. Единый внутренний рынок. Издольщик-чайрикёр. Наёмные мастера (хальфа). Ревизия Гирса 1882 г. Финансовый капитал. Специализация сельскохозяйственных районов. Кредитная система. Кустарная промышленность. Школы. Мактабы. Медресе. Мударрис. Ботаника. Геология. Гидрогеология. Метеорология. География. Археология. Этнография. История.

Вопросы и задания

1. Как происходил процесс включения Средней Азии в мировой рынок?
2. Раскройте суть развития товарно-денежных отношений в Туркестане в конце XIX – начале XX вв.
3. Перечислите особенности социально-экономических отношений в Туркестане с конца XIX в. до 1917 г.
4. Назовите проблемы сельского хозяйства Средней Азии в конце XIX в.
5. Как развивалось промышленное производство в Средней Азии в конце XIX в.?
6. Укажите особенности культурной и духовной жизни населения Туркестана в конце XIX в. – начале XX в.
7. Укажите проблемы в области социально-экономических отношений в Туркестане в конце XIX в. до 1917 г.
8. Укажите направления, по которым проводились научные исследования Туркестанского края, и для каких целей? (В конце XIX – начале XX вв.).

Тесты

1. Во сколько раз увеличивается численность городского населения в Ферганской области с 1880 по 1897 гг.
А) почти в три раза Б) почти в два раза В) почти в четыре раза Г) в пять раз
2. Когда в Узбекистане появляются первые кредитные предприятия?
А) в 70-е годы XX века Б) в середине 80-х годов XX века
В) в конце 80 – начале 90-х годов XX века Г) в конце 90-х годов XX века
3. Каким путём производилась скупка среднеазиатского хлопка русским капиталом в период Российской империи?
А) путём выдачи производителю авансов под будущий урожай
Б) путём предоставления наличного капитала после сбора урожая

В) путём предоставления натурального хозяйства взамен урожая

Г) путём выдачи производителю дополнительных земельных угодий за урожай

4. В каком году в Ташкенте была открыта первая русско-туземная школа?

А) в 1881 году Б) в 1884 году В) в 1887 году Г) в 1891 году

5. Сколько «новометодных» школ было зарегистрировано в Туркестанском крае до Октябрьского переворота 1917 года?

А) 44 школы Б) 56 школ В) 77 школ Г) 92 школы

6. Кому принадлежат следующие слова: «Невольно приходится сознаваться, что мы здесь пока совершенно бессильны в борьбе с мусульманским невежеством, что мы в продолжение 20-летнего управления краем почти совсем не приступили к осуществлению лежащей на нас исторической задачи и просветительной миссии – к образованию инородцев».

А) генерал-губернатору фон Кауфману

Б) Александру II

В) генерал-губернатору Розенбаху

Г) Александру III

7. Какой регион Туркестанского края больше всего снабжал русскую промышленность хлопком?

А) Бухарская область Б) Сырдарьинская область

В) Самаркандская область Г) Ферганская область

8. Что способствовало развитию хлопководства в Туркестане?

А) хлопковый кризис, вызванный гражданской войной в США в 60-х годах XIX в.

Б) разрушения торговых путей Великого Шёлкового пути

В) борьба за мировой рынок между Россией, Англией и Францией

Г) строительство первых хлопкоочистительных цехов в Туркестане

9. Какие города связывала первая частная железная дорога, построенная в Фергане в 1910–1911 гг.?

А) Андижан с Кокандом Б) Коканд с Наманганом

В) Наманган с Джалалабадом Г) Джалалабад с Кокандом

10. Укажите автора книги «Туркестан в эпоху монгольского нашествия».

А) Веселовский Н.И. Б) Берг Л.С. В) Вяткин В.Л. Г) Бартольд В.В.

Рекомендуемая литература

1. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. В кн.: Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. — Ташкент, Узбекистан, 1999. 7. — с. 128–152.

2. История Узбекистана. Учебник для ВУЗов. Ташкент: «Fan va texnologiya»-2011.

3. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Т. 1. Туркистон Чор Россия мустанлакачилиги даврида. — Т., «Шарк», 2000.

4. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Т. 2. Ўзбекистон Совет мустанлакачилиги даврида. — Т., «Шарк», 2000.

5. Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX — первой четверти XX вв. — Т., Университет, 1999.

6. Гуломов Х.Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII — первой половине XIX века. — Т. «Фан», 2005.

7. Исхаков Ф.Б. Национальная политика империи в Туркестане.(1867–1917 гг.). — Т., «Фан», 1997.

ТЕМА 3. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ТУРКЕСТАН

План:

1. Народно-освободительное движение в Средней Азии. Андижанское восстание 1898 г.
2. Методы русификации коренного населения Туркестана.
3. Усиление национально-освободительного движения в Узбекистане в период Первой мировой войны. Восстание в 1916 г. Политические события 1917 г.

1. Народно-освободительное движение в Средней Азии. Андижанское восстание 1898 г

Превращение Средней Азии в колонию усилило национально-освободительное движение. Народно-освободительная борьба народов с завоеванием царскими войсками шла под лозунгом защиты родной земли. Борьба не прекратилась и после завоевания. Даже после разгрома Кокандского восстания, известного под названием восстания Пулат-хана, народное движение не затихло. Весьма активно то здесь, то там происходили открытые вспышки народного недовольства. Нередко движение возглавлялось так называемыми «лже-ханами» (джетым-ханами). В руки царских властей попало до 50 таких лжеханов; некоторые из них были повешены.

Летом 1885 г. в Фергане вспыхнуло новое народное движение. Ему предшествовало общее напряжённое состояние населения и распространение различных «слухов»; в народе говорили о близком появлении «спасителя» — Махди, о неизбежном столкновении России с Афганистаном, о близкой смерти эмира бухарского и будто бы неизбежных в этой связи волнениях в Бухаре. Стали появляться и самозванцы. В конце июля 1885 г. в Намангане был задержан неизвестный, выдававший себя за сына бывшего кокандского хана. В середине августа 1885 г. в Андижанском, Ошском и Маргеланском уездах появились отдельные группы повстанцев. Они нападали главным образом на волостных управителей. В процессе явного нарастания

движения появился и руководитель. В этой роли оказался некто Дервиш-хан-тюря, проживавший перед тем попеременно то в Кокандском, то в Андижанском уездах и имевший там недвижимую собственность. Дервиш-хан ставил своей целью поднять всеобщее восстание против империи, для чего стремился объединить отдельные, ранее образовавшиеся группы повстанцев. Главным помощником Дервиш-хана был Мумин-бий, содействовавший слиянию отдельных повстанческих групп на территории Ферганы.

Царские власти организовали карательную экспедицию для преследования повстанческих групп. Были посланы пехотные команды. Повстанческие группы были достигнуты и обращены в бегство. При столкновении трое повстанцев было убито, пятеро тяжело ранено и семеро взято в плен; остальным удалось скрыться, в том числе и главному предводителю Дервиш-хану. Его так и не разыскали, несмотря на все усилия царских властей. Мумин-бий был захвачен и казнен. Позднее был произведён ряд арестов по кишлакам. По свидетельству помощника военного губернатора, арестованные участники восстания были «бездомники». Это свидетельство важно для представления социальной основы движения, представленной беднотой. После подавления волнений, связанных с движением Дервиш-хана, новые вспышки следовали одна за другой.

В августе 1891 г. возобновились нападения на русских чиновников: так между Маргеланом и Наманганом группа — около 30 человек напала на землемера. В 1892 г. попытку объявления газавата сделал Сабир-хан из Кокандского уезда, собравший вокруг себя многочисленных сторонников и развернувший зелёное знамя газавата. В 1893 г. произошли «беспорядки» в Андижанском уезде, в Кокан-кишлакской волости при выборах волостного управителя. За это в Кокан-кишлаке была поставлена на постой на полное довольствие населения рота пехоты: подобные наказания, особенно чувствительные для трудовых слоёв сельского населения, широко практиковались царскими властями.

Наиболее выдающимся примером массового национально-освободительного движения в Узбекистане в начале девяностых годов было Ташкентское городское восстание 1892 г., непосредственным поводом к которому послужила эпидемия холеры. Холерные бунты являлись нередкой формой массового движения и в Российской империи. Известны, например, холерные волнения 1830—1831 г. в Петербурге, в царствование Николая I. В начале девяностых годов холерные бунты происходили в Центральной России (Тамбовское движение и др.).

Холера и проведённые против неё мероприятия явились лишь внешним поводом для проявления глубокого внутреннего недовольства, накопившегося среди населения Ташкента за годы хозяйничанья царских колонизаторов.

Процесс внедрения рыночных отношений приводил к сосредоточению в Ташкенте недовольных ремесленников, выбитых из своей колеи. Все увеличивавшийся ввоз в Среднюю Азию, и в частности в Ташкент, товаров из Европейской России наносил жестокий удар городским ремесленникам, неспособным конкурировать с дешёвыми фабричными изделиями. Сам сбыт кустарно-промышленных изделий становился затруднительным; с 1874 г., по распоряжению генерал-губернатора Кауфмана, был отменен закят и вместо него введён промысловый сбор, новый для местных жителей; купцы стали платить за право торговли, а ремесленники — за право заниматься своим ремеслом. Раньше подобного положения не было. Всё это вызывало глубокое недовольство ремесленников и мелких торговцев и толкало их на борьбу с колониальным режимом.

В 1887 г. по г. Ташкенту была проведена перепись населения для исчисления оценочного городского налога с каждого домовладельца. Это вызвало обострение недовольства городского населения. В условиях Ташкента владение домом, представлявшим собой часто глиняную постройку ничтожных размеров, не было признаком особой состоятельности. «Домовладелец» часто был одновременно мардикёром

(подёнщиком) и т. п. Население искало всякие способы уклониться от налога. Бывали случаи, когда при производстве переписи оказывались скрытыми «не только отдельные домовладения, но и целые улицы».

Усиленное развитие хлопководства с самого начала сопровождалось хищнической деятельностью ростовщиков и скупщиков. Значительная часть населения вынуждена была идти на подённые заработки. Пришлые в Ташкент мардикёры также приняли участие в ташкентских волнениях 1892 г.

В марте 1892 г. холера появилась в Кабуле и Герате, а уже 1 июня её первые вспышки были отмечены в Джизакском уезде Самаркандской области. 7 июня были зарегистрированы первые заболевания холерой в Ташкенте. Городская администрация взволновалась и предписала населению ряд стеснительных мер в целях борьбы с эпидемией. В городе было закрыто 12 старых кладбищ; умерших от холеры предлагалось хоронить на особых холерных кладбищах, но вместо обещанных четырёх новых кладбищ было открыто только одно. Между тем Шариат предписывал нести тело к месту погребения обязательно на руках, и отдаленность нового кладбища, как и закрытие старых, крайне раздражали население. Порядок погребения умерших от холеры, установленный администрацией, нарушал требования Шариата, и это тоже вызывало недовольство. Ввиду нехватки медицинского персонала, лица, не имевшие отношения к врачебному делу, стали выдавать себя за врачей, проникали под видом таковых на женскую половину дома, нарушая тем самым мусульманские обычаи. Власти ограничивали право выезда из города; городская администрация препятствовала мардикёрам выходить на работу на хлопковые поля.

Все эти стеснительные мероприятия падали всей тяжестью на менее обеспеченные слои населения и городскую бедноту. В холерную больницу брали больных «почти исключительно среди мардикёров», в то время как богатые жители лечились дома, скрывая случаи заболевания холерой. Происходила принудительная мобилизация возчиков для перевозки

больных: «арбакешы» разбежались «без оглядки на все четыре стороны».

Настроение городской массы становилось всё более тревожным. Положение ещё обострилось тем, что 21 мая, вскоре после первых слухов о холере, по личному распоряжению военного губернатора Сырдарьинской области Гродекова, был отстранён от должности старший аксакал—начальник «старого города» Иногам-ходжа, временно заменённый русским ставленником Мухаммед-Якубом (сокращенно Ма-Якуб).

За 3—4 дня до восстания многие предупреждали начальника города полковника Путинцева о надвигающихся событиях.

20 июня 1892 г. население старого Ташкента стало собираться в мечетях и обсуждать проект прошения к властям об отмене стеснительных противохолерных мероприятий. Были выбраны депутаты, собирались подписи. Обращение к властям осталось, однако, невыполненным, его опередило открытое выступление населения. 23 июня, в день праздника Курбан-байрама, начальник города Путинцев приехал в 5 часов утра в главную мечеть города (Джами), близ которой находился приёмный покой холерных больных, и обратился к собравшимся с речью, разъясняя пользу противохолерных мероприятий. После него выступил старейший ташкентский казий Шариф-ходжа, который прочёл молитву за царя и убеждал «верить русскому начальству». С виду все оставалось спокойным до следующего дня, хотя дальнейшие события показали, что речи в мечети лишь озлобили население.

В ночь на 24 июня полицейский пристав донёс Ма-Якубу о тайных похоронах умерших от холеры. Пока Ма-Якуб ездил докладывать об этом Путинцеву, пристав собрал виновных родственников и повел их через базар в управление, грозя, что покойники будут вырыты из могил. Народ побежал за арестованными. Образовалась толпа человек в сто, которую возглавлял ишан Азизляр. По мере движения, количество людей росло. Раздавались угрожающие возгласы по адресу Ма-Якуба. Недалеко от дома последнего к толпе присоединилась вторая группа, гораздо более многочисленная, человек в

500, которую вёл из Шейхантаурской части города ишан Абдул-Касым-ходжа и базарный старшина Зия-Мухаммед. Узнав о том, что Ма-Якуб находится у начальника города, толпа направилась к последнему, разыскивая ненавистного аксакала. Предупреждённый о движении народа, начальник города Путинцев вместе с Ма-Якубом вышел ему навстречу. Встреча произошла на Воронцовском бульваре, недалеко от Урдинского базара. Аксакал стал ругаться и замахиваться на людей нагайкой. В ответ из толпы полетели камни. Бросив лошадь на улице, аксакал скрылся в доме управления начальника города. Услыхав о приближении солдат, невооруженный народ разбежался; когда на место происшествия прибыл военный губернатор Гродеков во главе небольшого отряда солдат, никого из участников «беспорядка» на месте уже не оказалось. Восставшие отправились к Ма-Якубу и разгромили его дом. Гродеков двинулся в «старый город», тесня перед собой толпу, которая «то разбегалась, то снова собиралась впереди и позади команды, пугаясь и поражая отряд камнями».

У мечети Джамии Гродеков остановил команду, окружённую возбужденной толпой, и приказал стрелять. Всего по толпе было сделано три залпа и выпущено 32 боевых патрона. По официальным сведениям было убито около десяти человек, но точное число пострадавших нельзя было установить, так как местные жители уносили с собой убитых и скрывали раненых. Камнями, летевшими из толпы, было ранено несколько полицейских. Когда околоточный надзиратель пытался насильно задержать одного участника волнений, тот ранил его ножом. Солдаты и помогавшие им «добровольцы» били убежавших и сталкивали их с высокого берега в реку Анхор. Некоторые утонули, другие были искалечены. В последующие дни из воды было извлечено 80 трупов.

Вызванный из лагерей казачий полк стоял в старом городе до 30 июня.

На следующий же день после восстания все аксакалы и казии были отстранены от должностей. Генерал-губернатор

барон Вревский объявил в приказе команде, стрелявшей в толпу, «большое спасибо», особенно похвалив её за то, что залп был дан «вполне спокойно и согласно, как на учебной стрельбе». Полковник Путинцев был смещён, его понизили в должности, назначив начальником уезда, а на его место был поставлен «твёрдый и энергичный» полковник Тверитинов. Старший аксакал был заменён опытным полицейским приставом Седовым. «Туземцы-полицейские» стали заменяться русскими или представителями местного населения, но не уроженцами города. Началось следствие над участниками волнений, в результате которого 60 человек были преданы военному суду.

Военно-окружной суд приговорил 8 человек к смертной казни, 3 — к ссылке, 17 — к арестантским ротам. Приговор был позже смягчён: смертная казнь заменена каторгой (одним — бессрочной, другим — сроком на 15 и 20 лет), а сроки пребывания в арестантских ротах также несколько сокращены. Несмотря на это «смягчение», приговор по Ташкентскому движению 1892 г. поражает своей суровостью. Он характерен для общей тенденции политики империи — искоренить путём жестокой и беспощадной расправы массовое движение в царских колониях.

Основным лозунгом восстания была смена городских властей, протест против притеснения жителей царской администрацией.

Состав участников ташкентских событий 1892 г. не был вполне однородным, — явление, вообще характерное для городских восстаний. Участниками волнений были местные ремесленники, рабочие ташкентских предприятий, мелкие торговцы, арбакеши, пришлый деревенский элемент — мардикёры, чернорабочие. В числе 51 человека, захваченных при погроме управления, было 10 мардикёров, 22 ремесленника, 8 торговцев, 2 дехканина и др. Представителей состоятельных слоёв населения, кроме лиц мусульманского духовенства, среди восставших не было. На неоднократные попытки привлечь их к участию в восстании, как правило, следовал отказ.

Волнения 1892 г. были массовым городским движением, направленным против колонизаторской политики империи.

Крупнейшим массовым движением девяностых годов в Узбекистане было так называемое Андижанское восстание 1898 г., которое захватило территорию вокруг городов Андижан, Ош и Наманган. Восстание предполагалось начать также в этих двух последних городах, а не только в самом Андижане; поэтому Андижанское восстание 1898 года было широко распространено в восточной части Ферганской долины.

Восточная Фергана была хлопковым районом. Большая площадь, засевавшаяся в Туркестане хлопчатником, приходилась на Фергану. Развитие хлопководства в интересах метрополии влекло за собой резкое снижение уровня жизни трудящихся масс и дальнейшее их закабаление. Российским предпринимателям развитие хлопководства приносило баснословную прибыль; ростовщичество в хлопковых районах достигло огромных размеров, задолженность опутала трудовое дехканство. Местные байско-рыночные элементы всё сильнее угнетали трудящихся. Восточная Фергана была районом особого развития чайрикёрства. Быстро развивалось батрачество; масса оставшейся безземельной бедноты смешивалась с обнищавшими слоями населения деревни.

Предпосылкой к восстанию, несомненно, явилась также новая система поземельно-податного обложения, введённая в начале восьмидесятых годов XIX в., в результате которой налоги на население возросли в 2—3 раза. Насильственный построй царских войск в кишлаках и обременительная повинность содержать эти войска крайне раздражала население. Особенно тяжелым было положение кочевников-скотоводов киргизов, обитавших на стыке узбекских и киргизских земель в районе Андижан — Новый Маргелан — Ош. Здесь завязывался узел чрезвычайно сложных аграрных противоречий. Киргизское население особенно страдало от земельных стеснений, связанных с переселенческой политикой царского правительства. Их земли передавались русским переселенцам. Район этого недовольства был гораздо

шире непосредственного района восстания. «Киргизы горных местностей уездов Чимкентского и Аулиеатинского относятся к русским недружелюбно — читаем мы в одном из донесений русского наблюдателя, — и главным мотивом своего недовольства выставляют отнятие у них земель, коими они пользовались издавна, под русские поселки». Все эти обстоятельства вызывали ненависть к колонизаторам и усиливали национально-освободительное массовое движение. Одним из наиболее ярких его проявлений и было Андижанское восстание 1898 г.

Восстание 1898 г. развернулось в Ферганской области. Наибольшее число участников дали г. Андижан, Андижанский и Маргеланский уезды и некоторые волости Ошского уезда. Восстание получило развитие главным образом в сельскохозяйственном хлопковом районе. Царские власти вынуждены были признать, что они выявили далеко не всех участников восстания. Район восстания охватил как узбекские территории, так и местности, населенные кожевниками-киргизами.

Восстание началось в кишлаке Минг-тепа, расположенном недалеко от Андижана (кишлак состоял из двух селений под названием Таджик и Кашгар). Восстание возглавил ишан¹ Мухаммед-Али-хальфа Сабир Суфиев, или сокращённо, по-народному, ишан Мадали. Таким образом, руководитель восстания вышел из той ремесленной среды, которая уже не раз в истории давала самоотверженных вождей народного движения Средней Азии.

Ремесло отца перешло к сыну. Став ишаном, будущий руководитель Андижанского восстания не бросил своего ремесла, отчего и получил прозвище «Дукчи-ишан» или «икчи-ишан» (ишан-веретёнщик).

Мадали принадлежал к суфийскому ордену Накшбандия. Орденским признаком был белый цвет, — халаты и тюбетейки

¹ Ишан (перс. *Ishān*, чагат. — *išan*) — титул или прозвище, которым называют руководителей суфийских тарикатов (братств).

белого цвета носили и мюриды¹ Мадали. Религиозно-бытовой институт ишанов, так же как и орден дервишей², зачастую противопоставлял себя официальному духовенству ислама. Поэтому их представители легко оказывались в роли организаторов или идеологических вдохновителей народного крестьянского движения. Дукчи-ишан пользовался большим авторитетом у населения. Даже в отдалённом Пишпекском уезде у него было много мюридов.

Религиозная организация была использована для подготовки восстания. У Дукчи-ишана были свои хальфа (заместители, помощники), а также многочисленные раисы — блюстители веры. Расходясь по кишлакам, они агитировали за газават и выступали в качестве его организаторов. Не впервые в истории газават (священная война против «неверных») оказывался той формой, которую принимало народное движение против империи и колониального порабощения. Под знаменем газавата выступал, например, в середине XIX в. на Кавказе Шамиль.

Основным лозунгом газавата, объявленного Мадали, был лозунг освобождения от колониальной зависимости. «Он смёл себя призванным спасти народ, и с этой целью, прежде всего, освободить его от русского владычества», — говорит донесение, адресованное Туркестанскому генерал-губернатору. Народ вложил в этот лозунг свои стремления освободиться от колонизаторов. Стремление — свергнуть царское владычество — выражал провозглашённый в ходе восстания лозунг политической независимости Ферганы. Мадали и его ближайшее окружение воспользовались этим настроением народа и выдвинули мысль поставить в Фергане своего хана. В качестве кандидата на ханский престол намечен был племянник

¹ Мюрид (араб. — последователь, ученик) — в суфизме, ученик, находящийся на первой (низшей) ступени посвящения и духовного самосовершенствования. В более широком употреблении этот термин может обозначать суфия вообще и даже просто рядового мусульманина.

² Дервиш (перс. [dervîš] «бедняк, нищий») также каландар или календер — мусульманский аналог монаха, аскета; приверженец суфизма.

ишана — Абдулазиз, 14-летний мальчик, правление которого, конечно, явилось бы номинальным.

Как это всегда бывает в народном движении сложного социального состава, к лозунгам, которые в какой-то мере отражали чаяния народных масс, примешались и лозунги иного порядка, отражавшие требования религиозно-феодалных элементов, примкнувших к движению.

Широкий план восстания не был полностью осуществлен. Предполагалось организовать одновременное открытое выступление в Андижане, Оше и Новом Маргелане. В каждом из этих городов и вокруг них велась подготовительная агитационная и организационная работа. Планы восстания захватывали частично Киргизию и Самаркандскую область.

Боязнь быть открытыми правительством заставила организаторов восстания поторопиться и выступить несколько ранее, нежели это предполагалось первоначально. Мадали, как выяснило следствие, вероятно, опасаясь, что заговор будет раскрыт преждевременно, торопился перейти к действию, не дав созреть всему широко задуманному плану обширного восстания с одновременным нападением на многие пункты». «Иначе, — писал командующий войсками Туркестанского военного округа, — восстание стоило бы несравненно более крови, жертв и труда для его успокоения».

Андижанское восстание 1898 г. было направлено непосредственно против царских войск и, в первую очередь, имело целью уничтожение гарнизона г. Андижана. Ишан Мадали признавался, что он рассчитывал «напасть на войска и захватить город». Существенно, что восставшие решили расправиться не со случайными чиновниками, а прежде всего с военной силой империи, той силой, которая была вооружённой опорой колониальной власти в сравнительно ещё недавно покорённой стране.

Агитация среди населения началась задолго до восстания и развёртывалась в сочувствующей и легко воспламеняющейся среде. На стороне последнего стоял ряд волостных управителей, использовавших своё служебное положение и свой авторитет

для поддержки восстания. Ишан рассылал повсюду письменные призывы к восстанию, пригласительные письма (чакирув-хати), скреплённые его малой печатью. В письмах намечался определённый срок сбора и указывалось его место (близ кишлака Минг-тепе).

О восстании, несомненно, знали тысячи людей. Готовилось оно не менее трёх-четырёх месяцев. То обстоятельство, что власти не заметили подготовки к восстанию, говорит о широком сочувствии к нему населения. В месяцы, предшествовавшие открытому выступлению, собиралась подписка от лиц, желавших принять в нём участие (будущие участники движения подписывали «клятву верности»); волостные управители, перешедшие на сторону движения, прикладывали к этому документу свои печати.

Несколько раз накануне восстания ишан-веретенщик выступал в мечети с проповедями о необходимости газавата. Он не только говорил прямо и открыто о готовящемся восстании, но назвал даже день и место сбора: 17 мая в воскресенье вечером на холмах под Андижаном. Тем не менее, колониальные власти узнали о восстании лишь в самый последний момент и не приняли решительно никаких мер к его предотвращению.

Состав участников Андижанского восстания в 1898 г. не был однороден. Преобладало бедное население кишлаков и пригородов. В восстании приняли участие прежние чины ханских войск, бывшие юз-баши, додхо, сотники, пятисотники и другие военные чины. К движению присоединилось также небольшое количество торговцев, как, например, один из богатейших купцов края — Араббек Бабаджанов. Сохранившиеся документы по конфискации имущества осуждённых ясно рисуют имущественное состояние участников. Большинство из них имело «движимое имущество», ценность которого часто не превышала 2–3 рублей. Большинство участников вовсе не имело земли, лишь некоторая часть из них владела небольшими участками (от 3 до 8 танапов). Представление о составе основной массы

участников дают следующие цифры, основанные, впрочем, на неполных данных: беднота, имеющая «движимое имущество», состоящее из предметов домашнего обихода, составляла 48% всех арестованных участников восстания; не имели никакого имущества — 30%, имели скот — 12%, имели землю — 10%. Ремесленники приняли незначительное участие в восстании. Из 208 участников восстания, сосланных в Сибирь, было лишь 3 человека, «знающих мастерство» (1 сапожник, 1 штукатур и 1 портной). В восстании участвовало немало лиц наёмного труда; встречаются прямые указания на то, что участник «был подёнщиком» и «никакого ни движимого, ни недвижимого имущества не имеет». Таким образом, основной движущей силой восстания были безземельные или малоземельные крестьяне, мардикёры, беднота, трудовой люд городских пригородов. Сведения о сосланных в Сибирь показывают и разнообразный национальный состав восставших: из 208 человек было 136 киргизов, 52 узбека, 13 кашгарцев, 4 тюрка, 3 таджика. Район сочувствия восстанию был значительно шире района его непосредственного распространения. Один из уездных начальников доносил, например, генерал-губернатору: «В пределах Хивинского ханства были разговоры о том, что Дукчи-ишан мог бы нанести русскому владычеству в Туркестане серьёзный ущерб, если бы умело взялся за дело... Дело, начатое Мадали, ещё не кончено и может снова разразиться восстанием». Говорили также, что Мадали-ишан будто бы «ускользнул от русской власти и уже собирается с силами для нового нападения на русских». Андижанское восстание 1898 г., национально-освободительное по своему характеру, носило черты, присущие народным движениям того времени. Его идеология была лишена чёткого понимания основных задач борьбы; она была прикрыта религиозными мотивами. Характерной чертой Андижанского восстания была также его локальность: г. Андижан казался участникам восстания пунктом решающего значения; в их представлении ликвидация гарнизона этого города была чуть ли не равносильна падению царской власти в Фергане.

Восстание содействовало, таким образом, накоплению в широких трудовых массах опыта политической борьбы. В целом, Андижанское восстание 1898 г. было прогрессивным историческим явлением, силой, двинувшей общество вперёд и подготовившей в известной мере, последующие народные движения, в частности, восстание 1916 г.

В Андижанском восстании приняло непосредственное активное участие свыше 2 тысяч человек. Значительная часть из них скрылась от правительственного преследования и осталась необнаруженной. Всего по делу о восстании было арестовано 546 человек.

Виднейшие участники восстания были повешены, среди них сам «ишан-веретёнщик» Мухаммед-Али-хальфа. Казнены были также помощник ишана Гаиб-Назар Артык-Ходжаев (Артык Суфи) — 45 лет, Субханкул Араббаев, 52 года, который командовал одним из отрядов ишана, Рустамбек Сатибалдыбеков, 33 года, владелец лавки в черте лагеря андижанского гарнизона, который доставлял разнообразные сведения, облегчившие внезапное нападение на лагерь, Мирза-Хамдам Усманбаев, 44 лет, и Бабатай Гайнабаев, 36 лет — помощники ишана, лично участвовавшие в нападении на лагерь.

Жестокие меры были приняты также против тех селений, через которые проходили повстанцы, направляясь к Андижану. На полосе шириной в 1 версту (ширина была лично придумана и обозначена на плане самим Николаем II), на всём протяжении этого пути все кишлаки были снесены и сравнены с землей. На их территории были поселены русские переселенцы из Наманганского уезда Ферганской области, приехавшие туда из южных русских губерний, а также отставные и запасные военные чины.

После Андижанского восстания правительство приняло ряд мер, ещё более стеснивших жизнь страны. Была совершенно уничтожена и ранее крайне условная выборность волостных управителей и судей: они стали непосредственно назначаться сверху; были расширены права местной царской администрации; число чиновников на местах было увеличено

и в ряде городов усилены гарнизоны. Было приказано не назначать представителей из местного населения на должности участковых уездных начальников. Такова была система новых мероприятий, дополнительно усиливших национально-колониальный гнёт в крае. Но народное движение в Средней Азии не было подавлено; оно ушло вглубь и копило свои силы, чтобы вспыхнуть снова в 1905 г., а ещё сильнее — в 1916 г.

Политическая ситуация в центре метрополии не могла не сказаться и на Туркестане. Вопрос о возникновении первых социал-демократических организаций в Средней Азии тесно связан с историей политической ссылки. Туркестан был рано превращён царским правительством в место ссылки «неблагонадёжных элементов». В числе первых сосланных были представители революционных народников, которые внесли в изменение политической ситуации свою лепту. Революционное движение 1905 г. в Узбекистане не приняло такого размаха как в центральных районах России. Аграрное движение не приобрело достаточной интенсивности. Однако влияние революции 1905 г. на народы Узбекистана было очень велико. Одной из довольно распространённых форм дехканского движения в 1905–1906 гг. был отказ населения кишлаков как от уплаты налогов, так и от выполнения натуральных повинностей. Результатом этого явления был сильный рост недоимок, которые в 1905–1906 гг. выросли на 20–50%. Сенатор Пален, проводивший в 1909 г. ревизию Туркестана, не без основания ставил этот факт в связи с политическими событиями. «Не без влияния на исправность плательщиков оставалось, — говорит он, — и общее политическое движение 1905–1906 гг.» политических событий на эту форму протеста очевидно. Это, несмотря на допущенные в нём явные преувеличения, несправедливость и необъективность, также свидетельствует о росте движения.

2. Методы русификации коренного населения Туркестана

В целях русификации коренного населения столыпинское правительство в вопросах административного устройства края

признало необходимым отказаться от специальной системы управления для мусульман и подчинить их в этом отношении общеимперскому законодательству. На Среднюю Азию было распространено действие Положения о крестьянах 1861 г., без всякого учёта местных особенностей Туркестанского края. Ту же цель русификации преследовал проект введения земских учреждений в Средней Азии.

В области школьной политики годы реакции ознаменовались усилением контроля над мусульманской школой: с этой целью были созданы специальные должности инспекторов мусульманских школ. Одновременно начались гонения на «новометодную» школу, конкурировавшую с казёнными русско-туземными учебными заведениями и мусульманской школой. Весь этот комплекс мероприятий столыпинского правительства, проводимых в условиях полицейского режима и усилившегося после подавления революции административного произвола, означал ещё большее колониальное закабаление народов Средней Азии.

Путем закрепления пережитков во всех звеньях народного хозяйства, политической и культурной жизни Средней Азии, Российская империя стремилась затормозить процесс развития Туркестана, пытаясь сохранить Среднюю Азию как сельскохозяйственный придаток к промышленности метрополии. Царское правительство вынуждено было поощрять специализацию колониального производства: Сибирь должна была поставлять метрополии хлеб, Закавказье — нефть, Средняя Азия — хлопок. Экспорт хлеба из южной Сибири в Ферганскую область имел в виду интересы не только зернового хозяйства Сибири, но и хлопководства Средней Азии.

Напуганное революцией 1905 г., царское правительство искало в Средней Азии новые районы для русской сельскохозяйственной колонизации: нужно было ослабить аграрный кризис в метрополии. Сначала путём «переселения» русских крестьян-бедняков на окраину правительство и дворянство пытались отсрочить неизбежную гибель существующей формы землевладения в царской России.

Позднее, посредством колонизации особого «кулацкого» типа, правительство стремилось создать в Узбекистане новую опору для царской власти: русский зажиточный крестьянин должен был крепче привязать колонию к метрополии. В экономическом и политическом отношении Туркестанский край должен был превратиться в «неотъемлемую составную часть единой России», а его области — в обычные губернии Российской империи. Таким образом, после поражения революции 1905 г. политика империи стала ещё более реакционной.

По мере того, как революция 1905—1906 гг. шла на убыль, «Царское правительство явным образом наглоло. Оно уже не боялось революции...». Разогнав летом 1906 г. Государственную думу первого созыва, так как она оказалась недостаточно послушной, правительство пыталось собрать думу «законопослушную». В Ташкенте, в «старом» городе, выборы выборщиков происходили 27 января 1907 г. Техника избирательной кампании была такова, что около 20 тысяч повесток не были даже вручены избирателям. Благодаря цензовой системе выборов, трудящиеся в них не участвовали. Почти все выборщики (по «старому» городу их было 40 чел., по 10 от каждой части) принадлежали к имущим классам.

Депутатом в Государственную думу был избран местный ташкентский купец, домовладелец и предприниматель Арифходжа. Ввиду его отказа, депутатом Думы по жеребьёвке оказался мулла Абдукариев. Депутату был дан наказ от населения. В наказе содержалось 6 основных пунктов: 1) восстановление суда казиев; 2) выборность старшин, арык-аксакалов и волостных управителей; 3) уменьшение государственного налога на 50%; 4) самоуправление для «туземной» части Ташкента; 5) возвращение отобранных земель и запрещение в Средней Азии русской колонизации; 6) право приобретения недвижимости в Средней Азии. Весь наказ в целом и в отдельных пунктах отражал требования местной буржуазии. От «русской части» г. Ташкента был избран в Думу В.П. Наливкин, генерал в отставке, бывший

помощник военного губернатора Ферганской области, автор статей по истории, археологии и этнографии Средней Азии. Следует отметить, что общие вопросы среднеазиатской политики затрагивались в Думе лишь в связи с обсуждением переселенческой политики правительства и политики захвата казахских и киргизских земель.

Главное управление земледелия и землеустройства в лице Кривошеина мотивировало политику изъятия «излишков» казахских и киргизских земель тем, что в XX в. необходимо, наконец, «прекратить кочевой образ жизни киргизов». Практического результата все эти прения, впрочем, не дали, и единственным законом, принятым Государственной думой второго созыва в отношении Средней Азии был закон о порядке обложения земель в Туркестане. Закон этот действовал до 1917 г., но ни с политической, ни с финансовой точек зрения не имел большого значения. Вскоре после роспуска Думы 30 июля 1907 г. в Петербурге было создано межведомственное совещание «для составления проекта нового положения об управлении Туркестанского края». До 1907 г. место Туркестана в системе колоний Российской империи определялось актами 1865, 1867 и 1886 гг.

19 марта 1908 г. Правительствующему сенату был дан указ о назначении ревизии Туркестанского края. Ревизия была поручена сенатору графу К.К. Палену. Работы ревизии начались 13 июля 1908 г., и в основной своей части были закончены к началу 1909 г. Ревизия Палена резко поставила вопрос о непригодности старого бюрократического аппарата на местах, о вопиющих беспорядках в управлении.

План паленовских реформ для Средней Азии был составлен в духе столыпинских «реформ». План этот выражал стремление царского правительства сочетать растущие рыночные отношения с охраной в Средней Азии устаревших устоев царской власти.

План Палена сохранял старые формы организации труда в сельском хозяйстве (чайрикёрство и издольщину); он игнорировал возможности развития в стране не только

тяжёлой, но даже и лёгкой индустрии; узбекское дехканство, замкнутое в особых крестьянских волостях с волостным старшиной из русских, должно было стать сословием, изолированным от остального населения. План Палена для Средней Азии оказывался своеобразной, столыпинского типа, «реформой», в итоге которой узбекское дехканство обрекалось на эксплуатацию русскими и узбекскими землевладельцами, а весь Узбекистан в целом оставался колониально-аграрной базой Российской империи.

III Государственная Дума (1907–1912 гг.) пыталась рассмотреть Среднеазиатский вопрос. Избирательный закон был пересмотрен. Сибирь и Кавказ получили избирательные права, хотя и в сильно урезанном виде. Средняя Азия избирательных прав была лишена. Ожидая итогов ревизии Палена, правительство медлило с реформами. План Палена, определившийся к началу 1910 г., лёг в основу ряда законопроектов о Средней Азии, усиливших экономическую и национальную зависимость её народов.

Так, уже 18 февраля 1910 г. Главное управление земледелия и землеустройства внесло в Думу законопроект об особом сборе с «отечественного» хлопка, т.е. хлопка, поступающего из Закавказья и Средней Азии. Вслед за правительственным законопроектом об особом сборе с хлопка, министерство Столыпина внесло проект, по существу, направленный к экспроприации значительной части земель коренного населения Средней Азии.

На заседании Думы 16 марта, при обсуждении сметы Переселенческого управления, главный управляющий земледелием и землеустройством Кривошеин намекнул на предстоящие Думе работы по развитию русской колонизации в Средней Азии. «В ближайшем времени, — говорил он, — обращение под переселение земельных излишков у кочевников предполагается распространить и на области Туркестана. В Государственной думе уже находится представление о соответствующем дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем».

7 апреля 1910 г. Государственная дума приступила к обсуждению законопроекта «О дополнении ст. 270 Туркестанского положения». Под таким скромным заголовком царское правительство поднимало огромной важности вопрос об изъятии «излишков» в пользу русских колонистов. Несмотря на прения по законопроекту Главного управления земледелия и землеустройства, несмотря на резкую критику оппозиции, законопроект был принят.

19 декабря 1910 г. законопроект стал законом. Казахи и киргизы были обречены на ограбление. В Туркестан хлынула волна таких дельцов и авантюристов, перед которыми бледнели «господа ташкентцы», изображённые острым пером Салтыкова-Щедрина. В Среднюю Азию прибыл военный министр Сухомлинов, с ним приехал его агент по коммерческим операциям, известный аферист князь Андроников. Здесь от Хивинского хана они получили богатейшую земельно-подную концессию на условиях, чрезвычайно выгодных для концессионеров. Начался захват земель у местного населения, создание различных концессий и т. д., приведших к ещё большему ограблению широких народных масс.

В преддверии Первой мировой войны царское правительство уделяло Средней Азии исключительное внимание. В 1912 г. министр земледелия Кривошеин объезжал Туркестанский край. Вернувшись из поездки, Кривошеин представил Николаю II «Записку о поездке в Туркестанский край в 1912 г.».

В своей «Записке» Кривошеин предлагал широкую программу русской крестьянской колонизации Туркестана. Три миллиона десятин орошённой земли должны были поступить в распоряжение 300 тысяч крепких «русских» хозяйств. В качестве колонистов Кривошеин предлагал привлечь жителей южных областей России, знакомых с культурой сахарной свёклы. Из трёх миллионов десятин орошённой земли под посевы хлопчатника намечалось отвести до одного миллиона десятин.

Оформление права собственности местного населения на землю, вопрос об издании водного закона взамен запутанных,

частью забытых, частью изменённых колониальной практикой норм обычного водопользования, — таковы были по плану Кривошеина последующие очередные задачи правительственной политики.

Кривошеин в своей «Записке» развивал и конкретизировал реформаторские планы Палена и Столыпина. Великодержавные националистические тенденции, сильные и в проектах Палена, в «Записке» Кривошеина доведены до предела. «Записка» эта обрекала узбекское дехканство на полное разорение. Она и легла в основу всех последующих работ Государственной думы по вопросам среднеазиатской политики.

Реакционная русификаторская политика Столыпина в Туркестане, к сожалению, не встретила отпора со стороны верхов местного общества.

Война 1914–1918 гг. привела к значительному подрыву экономики края, базировавшейся на сельском хозяйстве. Начиная с 1916 г. стали сокращаться посевные площади и урожайность основной культуры сельского хозяйства Туркестана — хлопчатника. К 1917 г. площадь под посевами хлопчатника сократилась более чем на 20%. С началом войны прекратился ввоз в Россию заграничного хлопка. Между тем, потребность в нем значительно возросла. Русские хлопчатобумажные фабриканты стремились стабилизировать цены на хлопок и, опираясь на поддержку царского правительства, добились установления твёрдых цен на заготавливаемый хлопок. В Москве был создан «Комитет для заведывания снабжением сырьём хлопчатобумажных фабрик» с правом устанавливать нормированные цены на хлопок. Цена, установленная комитетом, повысилась по сравнению с 1913 г. лишь на 50%, но за это же время цены на хлеб увеличились на 100%, а к 1916 г. — на 400%.

Дехкане — производители хлопка были возмущены установлением нормированных цен. Началось массовое уклонение от сдачи хлопка. Фабриканты вынуждены были при покупке хлопкового сырья приплачивать некоторые дополнительные премии к твёрдым ценам, действовавшим в

течение двух лет. Разрыв между ценами на хлопок и хлеб вёл к обнищанию дехканских масс, к росту их зависимости от бая, ростовщика, от русских фабрикантов. Многие дехканские хозяйства вынуждены были продавать за бесценок свои клочки земли. Особенно тяжёлым для хлопководства был 1916 год.

Туркестан жил на привозном хлебе. Между тем, подвоз хлеба из Оренбургской губернии и с Северного Кавказа становился всё более затруднительным, а к концу 1916 г. почти прекратился. Население голодало. В несколько раз поднялись цены на другие продукты питания (рис, мясо, сахар, жиры), на обувь и мануфактуру. Резко упал бюджет семьи дехканина и городской бедноты.

Дороговизна увеличивалась также и под влиянием роста налогового бремени и возросших сборов на нужды армии. У населения отбирали лошадей, реквизировали упряжь, повозки. Сбор «добровольных» пожертвований на нужды войны превратился в средства обогащения старшин, волостных управителей, участковых приставов, уездных начальников и других чинов администрации.

3. Усиление национально-освободительного движения в Узбекистане в период Первой мировой войны. Восстание в 1916 г. Политические события 1917 г.

Возросший в годы первой мировой войны в Узбекистане экономический и национальный гнёт усиливал классовую борьбу и национально-освободительное движение. Дехкане основной хлопководческой области — Ферганской — выражали своё возмущение нормированными ценами на хлопковое волокно, дороговизной, поборами на нужды войны. В Самаркандской и Сырдарьинской областях наблюдалось обострение отношений между местным населением и царской администрацией. Население возмущалось орудовавшими в Сырдарьинской области всякого рода дельцами, зарабатывавшими громадные состояния на всевозможных авантюрах, связанных с поставками для армии, строительством оросительных каналов в Голодной

степи и т. д. На почве дороговизны в конце 1915 г. и в начале 1916 г. во многих городах Узбекистана вспыхнули волнения. В г. Ташкенте происходили так называемые «бабьи бунты». Женщины разбивали продовольственные магазины и лавки. Для их разгона были вызваны полиция и войска.

Кульминационным пунктом национально-освободительного движения народных масс Туркестана было восстание в 1916 г.

Массовое движение населения Российской империи против царизма создавало благоприятные условия и для развития национально-освободительного движения колониальных окраин России. Сливались, таким образом, два потока движения – в центре и на окраинах. С другой стороны, русское население находило в своей борьбе с царизмом «массовое сочувствие... на Востоке, среди угнетённых народов». Восстание 1916 г. в Узбекистане явилось составным звеном в цепи многих национально-освободительных движений. И хотя оно и закончилось поражением, но было чувствительным ударом по существующему строю.

Непосредственным поводом к восстанию был царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве местного населения на тыловые работы. По Положению 1886 г. местное узбекское население освобождалось от несения воинской повинности. Законом от 23 июня 1912 г. это положение было подтверждено. Лишь туркмены-джигиты добровольно служили в нерегулярной коннице. Летом 1916 г. вопрос о воинской повинности для коренного населения Средней Азии получил своеобразное разрешение: местное население призывалось не в войска, а в особые рабочие дружины на тыловые работы. Согласно царскому указу, на тыловые работы призывалось мужское население в возрасте от 19 до 31 года, в количестве свыше 200 тыс. человек. Основная масса призывников падала на области современного Узбекистана. Царский указ был полной неожиданностью не только для местного населения, но и для царской администрации края. Очень скоро выяснилась полная её неподготовленность к проведению мобилизации. Не было посемейных списков населения, отсутствовала

регистрация населения по возрасту. Положение усугублялось ещё и тем, что указ был получен в самый разгар полевых сельскохозяйственных работ. Одновременная мобилизация большой массы работоспособного мужского населения грозила срывом уборки урожая и сельскохозяйственных работ вообще. Спешно стали составляться списки «реквизируемых» на тыловые работы. Для успокоения населения царские власти обманно обещали, что мобилизуемые будут находиться на тыловых работах не более трёх месяцев, а их семьи будут обеспечены всем необходимым. При составлении списков возраст призываемых определялся «на глазок». Представители местной низовой администрации – аксакалы, мирзы, волостные управители – превратили наряды военных губернаторов в источник наживы. Широкие размеры приобрело взяточничество. Поборы с местного населения и злоупотребления достигали огромных размеров. Сыновья богачей откупались. На тыловые работы «реквизировалось» преимущественно бедное население. Многие семьи бедняков лишались единственных кормильцев. Мобилизация на тыловые работы была исключительно непопулярной мерой и вызвала сильнейшее недовольство. Волнения не заставили себя ждать. В начале июля 1916 г. началось восстание. 4 июля в г. Ходженте городская беднота и пригородные дехкане, кустари и чайрикёры стихийно собрались на демонстрацию протеста против набора на тыловые работы. В ней участвовало до 3 тыс. человек, в том числе много женщин. Город был объявлен на военном положении.

Весть о событиях в Ходженте с быстротой молнии облетела весь Туркестан. После ходжентских событий в Каттакурганском и других уездах Самаркандской области, в кишлаке Костакоз, ст. Куропаткино Ходжентского уезда, г. Ургута Самаркандской области, в Кокандском уезде, в г. Андижане, в Старом Маргелане, в Наманганском уезде, в г. Самарканде, в старом городе Ташкента прокатилась волна столкновений населения с нарядами полиции. Волнения сопровождались захватом и уничтожением списков, определённых к мобилизации.

Восстание в старом городе Ташкента явилось толчком для выступлений трудящихся Ташкентского уезда. Население Тойтюбинской, Пскентской и Кенджигалинской волостей единодушно заявило, что оно не будет выполнять наряды на тыловые работы. В Ташкентский уезд был послан карательный отряд, начальник которого подполковник Афанасьев, предавая огню кишлаки, без суда и следствия расстреливал участников восстания.

18 июля весь Туркестанский край был объявлен на военном положении. Царь Николай, учитывая серьёзность положения, дал согласие на предоставление командующему войсками Туркестанского военного округа на время действия в округе военного положения прав главнокомандующего.

Кульминационным пунктом восстания 1916 года в Узбекистане было начавшееся 13 июля знаменитое Джизакское восстание. Восстание приняло такие размеры, что туркестанский генерал-губернатор вынужден был направить в Джизакский уезд новую карательную экспедицию во главе с полковником Ивановым. Ему было предписано проявить «железную твёрдость, решительность и беспощадность». В данной Иванову инструкции подчёркивалось: «карательные действия должны заключаться в применении к главным головорезам телесных наказаний и оружия до уничтожения селений восставшего населения». Тринадцать рот солдат при шести орудиях, три сотни казаков и три роты сапёров двинулись в Джизакский уезд. Перед лицом такой крупной воинской силы повстанцы Джизака вынуждены были приостановить наступательные действия. Повстанческие отряды стали расходиться по кишлакам. Часть ушла в горы, стремясь перейти горный перевал и скрыться в Бухаре или в Афганистане. Карательный отряд полковника Иванова жестоко расправился с населением Заамина, а затем и Фариша. Оба селения были преданы огню. 21 июля 1916 г. произошла последняя схватка повстанцев Джизака с царскими войсками в селении Клыч. По Джизакскому «делу» было арестовано около 1000 человек, из них отдано

под суд 151 чел., приговорено к повешению 84 чел.; многим из них была снижена мера наказания. Генерал-губернатор, с целью возмездия «за убийство русских людей», распорядился отобрать земли у туземного населения. Всего по Джизакскому уезду было взято у местного населения 1810 десятин лучшей земли. По выражению генерал-губернатора Куропаткина, «население было приведено к покорности».

В начале 1917 года, поздно ночью 28 февраля в Ташкенте появляются первые известия о свержении власти в империи. Было избрано Временное правительство. Некоторое время местные власти скрывали от народа эти известия. Только 3 марта местные газеты вышли с официальными сообщениями о февральском перевороте в Петрограде. Население с большим подъёмом приветствовало свержение власти империи. Генерал-губернатор Туркестанского края Куропаткин принимал меры к тому, чтобы в крае все осталось по-старому, стремясь сохранить старый колонизаторский режим.

Куропаткин обнародовал 8 марта 1917 г. приказ, в котором содержались пункты о «даровании» народу городского самоуправления, права объединяться в профессиональные союзы; в приказе упоминалось о прекращении деятельности охранки. Чиновникам предписывалось «оставаться в занимаемых должностях».

Этим приказом генерал-губернатор хотел приспособить старый царский аппарат колониального угнетения к новой обстановке. Все мероприятия Куропаткина в этом направлении получили полное одобрение Временного правительства. Под благосклонным покровительством генерал-губернатора продолжали функционировать в Узбекистане ненавистные народу старорежимные учреждения. Оставалась нетронутой на местах власть военных губернаторов, уездных начальников, участковых приставов, волостных управителей. Военные губернаторы областей призывали население беспрекословно повиноваться уездным начальникам, участковым приставам. Таким образом, аппарат национально-колониального угнетения

оставался в Узбекистане после Февральской революции нетронутым.

Но народные массы не хотели мириться с этим. Февральские события на территории Узбекистана сопровождались небывалым нарастанием массовых народных выступлений: стихийно возникали многоярусные митинги, демонстрации, собрания. 4 марта на улицах Ташкента появились экстренные выпуски телеграмм Петроградского Телеграфного Агентства. В них сообщалось об отречении Николая II от престола. 5 марта, в день опубликования манифеста об отречении царя, Соборная площадь г. Ташкента была заполнена народом. Состоялся грандиозный митинг. Продолжали возникать митинги, устраивались собрания различных общественных организаций, зарождались разного рода общества, союзы. Даже в мечетях и медресе произносились речи о свободе, с призывом к «правовверным мусульманам» объединиться вокруг новой власти.

Февральские события 1917 г. всколыхнули, привели в движение огромные народные массы Средней Азии. В таких условиях не могла уже долее держаться власть генерал-губернатора. Начальник края продолжал выступать с речами и приказами, в которых он стремился сдерживать политическую активность народных масс. Он применял при этом угрозы и запугивание голодом. От словесных угроз он перешёл к более реальным мерам сохранения учреждений колонизаторской власти и встал на путь вооружения. Стали раздаваться требования об отрешении от власти начальника края генерала Куропаткина.

31 марта на объединенном заседании Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов, Исполнительного комитета, а также представителей Совета мусульманских депутатов и Крестьянского союза, возникших после революции, единогласно было принято решение: «устранить от должности генерала Куропаткина, помощника его Ерофеева, начальника штаба округа Сиверса». После этого Туркестанское генерал-губернаторство было упразднено.

С упразднением власти Туркестанского генерал-губернатора в Узбекистане было покончено с властью империи. Факт отрешения от власти генерал-губернатора являлся крупным событием в Узбекистане. В этом важном событии большую роль сыграл Ташкентский Совет рабочих и солдатских депутатов, вокруг которого отныне стали объединяться политические силы.

Ташкентский Совет, в котором большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, стремился поддерживать власть Временного правительства. Вскоре после своего возникновения он установил связь с Петроградским Советом и просил у него указаний «по общей тактике рабочего класса». Затем он обратился к рабочим-железнодорожникам всего Туркестана с призывом организовать в советы и выслать в Ташкент своих представителей, установил связь с воинскими частями, способствовал созданию Совета солдатских депутатов Ташкентского гарнизона.

Авторитет Ташкентского совета заметно возростал. В глазах местного населения он стал представляться силой, способной бороться за упрочение демократических свобод. Однако, в первые месяцы после Февральской революции он находился под влиянием меньшевиков и эсеров и поддерживал политику Временного правительства.

Стали возникать советы и в других городах Узбекистана: Самарканде, Коканде, Андижане, Скобелеве (теперь г. Фергана) и Намангане. «Во всех городах и наиболее крупных поселениях Сырдарьинской области, — сообщалось в одном из официальных донесений того времени, — с первых же дней марта возникли Советы рабочих и солдатских депутатов». Несколько позднее стали организовываться Советы крестьянских депутатов. С точки зрения разрешения земельно-водного вопроса и землепользования в Узбекистане, организация советов крестьянских депутатов приобретала большое значение.

Документы того времени отмечают главным образом русский состав советов крестьянских депутатов, возникших

в уездах Сырдарьинской области. Это особенно относится к советам голодностепских поселков. При участии крестьянских советов в Сырдарьинской области «поселковые крестьяне делали попытки вскоре после переворота захватить землю более крупных владельцев».

При активном содействии Ташкентского Совета был создан в Ташкенте 4 марта 1917 г. Совет солдатских депутатов Ташкентского гарнизона. В его составе тоже первое время преобладали меньшевики и эсеры. Совет высказывал свою преданность Временному правительству и призывал солдат «идти рука об руку со своими начальниками, со своим командным составом». Деятельность Ташкентского Совета солдатских депутатов продолжалась около трех месяцев. 28 мая он объединился с Ташкентским Советом рабочих депутатов. В других городах советы солдатских депутатов также объединились с местными советами рабочих депутатов.

Таким образом, в марте—апреле 1917 г. были созданы советы во всех областях и уездах Туркестанского края. В ряде мест состоялись областные съезды советов.

Большое значение в деятельности Ташкентского Совета и Краевого Совета, организованного в апреле 1917 г. на I Краевом съезде советов, имели вопросы взаимоотношения между советами и исполнительными комитетами Временного правительства. Эсеро-меньшевистское руководство советов считало невозможным вмешательство в функции правительственной власти. По их утверждению, советы должны ограничиваться по отношению к органам власти только функциями общественного контроля, в крайнем случае, тактикой «организованного давления».

Советы объединяли вокруг себя в первое время исключительно русское население. Местное население стало объединяться в демократические национальные организации трудящихся — Советы мусульманских рабочих депутатов и Союзы трудящихся мусульман. Эти организации выражали интересы трудящихся масс местного населения, преимущественно городских низов. В них объединялись по

преимуществу рабочие-узбеки и трудящиеся других местных национальностей.

На собрании, состоявшемся 2 марта 1917 г. в помещении Военно-промышленного комитета г. Ташкента, созванном по инициативе буржуазной интеллигенции, было решено «образовать из местных общественных организаций и классов общества Особый комитет, который должен ведать всей общественной и экономической жизнью города в соответствии с директивами Временного правительства».

Быстро нахлынувшие события подсказали необходимость создания более прочного органа новой власти в Ташкенте. Таким органом явился Исполнительный комитет Временного правительства. Он был создан на широком собрании Ташкентской городской думы 5–6 марта 1917 г. в составе 19 членов. За некоторыми исключениями, в Комитет вошли представители буржуазной интеллигенции, делегаты от меньшевиков и эсеров и один депутат от местной национальной буржуазии. Только пять человек вошли от рабочих. Исполнительный комитет сразу же самоопределился как орган правительственной власти.

Важнейшей функцией Ташкентского исполнительного комитета было назначение комиссаров — областных, уездных и волостных. Назначение это происходило со значительным запозданием. Долгое время на местах продолжали функционировать старые царские чиновники. Как правило, уездные и волостные комиссары вербовались из числа тех же царских чиновников, бывших приставов, уездных начальников и т. п. Так, например, сырдарьинским областным комиссаром был назначен помощник черняевского уездного начальника подполковник Тризна.

В Ферганской и Самаркандской областях исполнительные комитеты назывались комитетами общественной безопасности. В них также преобладали меньшевики, эсеры, представители буржуазной интеллигенции.

Одним из первых мероприятий Самаркандского комитета было смещение военного губернатора области, но должность

военного губернатора была сохранена. На неё был назначен полковник Слинко, его помощником – известный археолог В.Л. Вяткин. Несколько позже должность военного губернатора была переименована, в должность «народного губернатора». В уездах и волостях Самаркандской области комиссары назначались из числа прежних полицейских, чиновников и т.п. Самаркандским уездным комиссаром был утверждён поручик Сивков, каттакурганским – бывший уездный начальник полковник Росс, джизакским – полковник Бржезицкий, один из участников подавления Джизакского восстания 1916 г. Участковыми комиссарами назначались нередко прежние участковые приставы. Исполнительные комитеты, как органы власти буржуазии, стремились осуществлять политику Временного правительства, которое старалось сохранить в Туркестане старую государственную машину.

Так была создана в Туркестане новая государственная власть в виде исполнительных комитетов Временного правительства и комитетов общественной безопасности.

Интересы местного населения представляла возникшая в марте организация Шурои Исломия. Эта организация объединила в своих рядах многие джадидские организации. Шурои Исломия имела свой устав, свой печатный орган «Наджат» (Освобождение). В течение марта возникли отделения Шурои Исломия в ряде городов Туркестана. После Ташкента наиболее деятельными были Андижанское и Кокандское отделения. Итак, рядом с Исполнительными комитетами Временного правительства в Туркестане возникли местные политические организации.

Советы рабочих и солдатских депутатов, провозглашая лозунги, в целях привлечения на свою сторону населения, находили поддержку в Союзах трудящихся мусульман и Советах мусульманских рабочих депутатов, а Исполнительные комитеты Временного правительства – в организациях местной национальной буржуазии. Свержение власти империи сопровождалось возрождением социал-демократических

организаций Туркестана. Во всех крупных его городах в течение марта вновь возникали социал-демократические группы, разгромленные царизмом в годы Первой мировой войны.

7 апреля 1917 г. было принято постановление Временного правительства об образовании Туркестанского комитета. Председателем комитета был утверждён член Государственной думы, управляющий Министерством внутренних дел, кадет Н.Н. Щепкин; членами комитета — представители русской империалистической буржуазии и местные буржуазные националисты. Комитет был наделён правами прежнего туркестанского генерал-губернатора. 13 апреля члены Турккомитета прибыли в Ташкент. Таким образом, политические события, происходившие в Российской империи, так или иначе оказали своё влияние на население Туркестанского края, что впоследствии и привело к октябрьским событиям 1917 года.

Ключевые термины

Народные волнения 1885 г. в Фергане. Ташкентское городское восстание 1892 г. Андижанское восстание 1898 г. Дервиш-хан-тюря. Махди. Холерные бунты. Чайрикёрство. Батрачество. Поземельно-податное обложение. Народные восстания. Характер движения. Русификация населения. Исполнительные комитеты. Тыловые работы. «Комитеты содействия по набору на тыловые работы». Временное правительство.

Вопросы и задания

1. Перечислите причины национально-освободительного движения после завоевания Средней Азии Российской империей.

2. Раскройте суть и значение народных восстаний в Туркестане.

3. Покажите значение усиления национально-освободительного движения после завоевания Средней Азии царизмом России.

4. Назовите причины, ход восстаний и их значение: Народные волнения 1885 г. в Фергане, Ташкентское городское восстание 1892 г., Андижанское восстание 1898 г.

5. Кто входил в состав участников восстания и какими общими чертами характеризовались эти движения?

6. Охарактеризуйте русификаторскую политику правительства российской империи.

Тесты

1. В какой области Туркестанского края, по выражению одного официального документа, «постоянно чувствуется брожение идеи газавата»?

- А) в Бухарской области
- Б) в Хорезмской области
- В) в Ферганской области
- Г) в Самаркандской области

2. Укажите предпосылку восстания в Андижане 1898 года:

А) введение новой системы поземельно-податного обложения в начале 80-х годов XIX века

- Б) внедрение системы «русско-туземного» образования
- В) жестокое подавление холерного бунта в Ташкенте
- Г) массовая ликвидация вакуфных земель у духовенства

3. Какой вопрос рассматривался в законе «О дополнении ст. 270 Туркестанского положения» от 19 декабря 1910 года?

А) вопрос свободной торговли туземными купцами Туркестанского края с другими колониями царской России

Б) вопрос широкого привлечения местных жителей в ряды вооруженных войск царской России

В) вопрос жесткого подавления всяких волнений в Туркестане

Г) вопрос изъятия «излишков» в пользу русских колонистов

4. В какой части Туркестанского края происходили так называемые «бабьи бунты»?

- А) в Самарканде
- Б) в Сырдарье
- В) в Фергане

Г) в Ташкенте

5. Укажите основную причину восстания 1916 года в Узбекистане:

А) царский указ от 25 июня 1916 г. о призыве местного населения на тыловые работы

Б) отвержение Николаем II предложения Государственной Думы о выходе царской России из первой мировой войны

В) повышение четырехкратного размера взимаемых сборов с местного населения края в связи с первой мировой войной

Г) тяжелая экономическая разруха и голод, царившая в Узбекистане в 1916 г.

6. Какая организация, возникшая в первые дни Февральской революции 1917 года, сыграла большую роль в событиях Февральской революции и руководила революционными событиями на всей территории Средней Азии и Узбекистана?

А) Временное правительство

Б) Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов

В) Совет мусульманских рабочих депутатов

Г) Союз трудящихся мусульман

7. В какую должность была переименована должность «военного губернатора» в Самаркандском комитете после февральских событий 1917 года?

А) «Общественного надзирателя»

Б) «Коменданта общественного порядка»

В) «Народного губернатора»

Г) «Губернатора»

8. Какие отделения «Шурои исломия» считались наиболее influentialными после Ташкентского?

А) Бухарское и Самаркандское

Б) Хивинское и Бухарское

В) Кокандское и Самаркандское

Г) Кокандское и Андижанское

9. Когда было принято постановление Временного правительства об образовании Туркестанского комитета?

А) 21 марта 1917 г.

Б) 7 апреля 1917 г.

В) 9 мая 1917 г.

Г) 1 июня 1917 г.

10. Кто был назначен первым председателем Туркестанского комитета в 1917 году?

А) Н.Н. Щепкин

Б) Т. Рискулов

В) В.Л. Бржезицкий

Г) А.Я. Першин

Рекомендуемая литература

1. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. В кн.: Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. – Ташкент, Узбекистан, 1999. 7. – с. 128–152.

2. Абдурахимова Н.А., Рустамова Г.К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – первой четверти XX вв. – Т., Университет, 1999.

3. Гуломов Х.Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII – первой половине XIX века. – Т. «Фан», 2005.

4. Исхаков Ф.Б. Национальная политика империи в Туркестане. (1867–1917 гг.) – Т., «Фан», 1997.

5. Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. – Т., «Шарк», 2000.

ТЕМА 4. ИСТОКИ СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА. ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ

План лекции:

1. Теоретико-методологические основы социалистического государства. «Культурная программа большевиков».
2. Формирование советской тоталитарной системы.
3. Деформация народного образования, литературы и искусства.

1. Теоретико-методологические основы социалистического государства. «Культурная программа большевиков»

Октябрь 1917 года ознаменовал наступление тяжёлого и смутного времени. Узурпация власти вызвала деформацию общественной жизни, были прерваны многовековые естественноисторические связи, заблокирован здоровый поступательный прогресс во всех сферах жизнедеятельности общества.

Необходимо отметить, что к моменту Октябрьского переворота у большевистского руководства ещё не имелось детально проработанной концепции строительства «нового государства», «социалистического культурного строительства». В окончательном варианте программа «культурной революции» будет сформулирована лидером российских большевиков В.И. Лениным только в начале 20-х годов, но теоретико-методологические основы уже были заложены. Они предполагали развёртывание культурного строительства в русле социалистических преобразований.

В стратегию воздвижения социалистического общества входила составным элементом культурная программа большевиков, рассматривалась большевистской элитой в качестве определяющей предпосылки глубинного революционного обновления. «Культурная революция» была призвана, в первую очередь, способствовать становлению

«социалистической культуры» и «человека социалистического типа». Ленин неоднократно подчеркивал, что успешная реализация задач «перехода от капитализма к социализму» в решающей степени зависит от подготовки «живого материала», который бы «со знанием дела, сознательно и активно мог участвовать в сооружении нового строя».

В общем плане теоретико-методологические основы культурных преобразований в коммунистическом варианте заложили основоположники марксизма. Обосновав амбициозную «теорию» исторической миссии, а затем диктатуры и гегемонии рабочего класса над всеми слоями общества, К. Маркс и Ф. Энгельс изначально сформировали идейную позицию, которая объективно вела к принижению значения общечеловеческих гуманитарных ценностей, игнорированию особой значимости национального фактора, законов исторического развития.

Родоначалники марксизма во всех своих произведениях проводили мысль, что во имя победоносной «пролетарской революции» рабочий класс вправе использовать любые средства, не оглядываясь на «старую мораль». Они неустанно доказывали условность, исторически преходящий характер нравственных норм, на которых держался современный им гражданский порядок, стремились дискредитировать в глазах рабочих правила и нормы общечеловеческой морали как «выдумку буржуазии». Духовные отцы коммунистической идеологии не скрывали, что «пролетарская революция» призвана порвать со всеми «старыми законами». При этом главным инструментом «коммунистического обновления» было призвано стать «силовое» переустройство общества.

Идеология классового подхода должна была пронизывать всю структуру будущего общества. Реальное воплощение она нашла в теории и действиях большевиков.

Зримое отражение идеология классового экстремизма нашла в представлениях основателей «научного коммунизма» о путях «культурного обновления». Маркс и Энгельс неизменно связывали развитие культуры с факторами классового

противостояния. Отталкиваясь от теории классовой борьбы, они учили, что не может быть культуры вообще, а есть культура определенной эпохи, общества, класса. «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила».

Роль ускорителя культурных процессов Маркс и Энгельс отводили социальной революции. Они подчёркивали, что социальные революции влекут за собой перемены не только в экономике, политике и расстановке классовых сил, но и в культуре народов. Однако, по их мысли, все предшествующие до социалистической революции социальные перевороты сопровождались изменениями, имеющими узкий, ограниченный характер, так как ни одна из прежних социальных революций не отменяла частной собственности и «основанную на ней эксплуатацию человека человеком». «Коммунистическая революция, — сказано было в написанном Марксом и Энгельсом «Манифесте коммунистической партии», — есть революционный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности, неудивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого». Иными словами, с духовным наследием великих предков, тысячелетним культурным достоянием народа, с системой традиционных ценностей, определяющих национальный менталитет.

Сегодня особенно отчетливо видно, что в данной концепции культурных преобразований заложены разрушительные идеи, Главные из них — признание примата классовых интересов и ценностей над национальными и общечеловеческими, тоталитарно-репрессивные представления о путях формирования «нового» человека; игнорирование нравственного потенциала религии, восприятие её лишь в качестве «идеологического оболванивания масс эксплуататорскими

классами», «отупляющего опиума для народа»; политика увязки прогресса культуры с полной ликвидацией частной собственности и бестоварной моделью социализма.

В полной мере идеологические парадигмы марксовской концепции впитала ленинская доктрина «культурной революции».

Впервые понятие «культурная революция» было введено Лениным в статье «О кооперации». Но основные положения её, как процесса перехода от культуры «капиталистического общества» «к культуре коммунистической», стали разрабатываться ещё задолго до Октябрьского переворота. Уже в ряде своих первых «дореволюционных» работ родоначальник большевизма, руководствуясь логикой классового мышления, сделал необоснованный вывод о том, что «на протяжении классовых, антагонистических формаций культура была отчуждена от народа и, соответственно, народ от культуры». Неизбежный «выход из создавшегося положения» Ленин видел в коренной, революционной перестройке всей системы материального и духовного производства на социалистических началах. В этом заключалась сущность культурной революции.

В ленинской программе «культурного строительства» содержались отдельные внешне привлекательные для «простого люда» положения: требования бесплатного и обязательного обучения, необходимость резкого повышения уровня грамотности «трудящихся» и т.д. Но, собственно говоря, в этих установках не было ничего нового. Ещё задолго до него известные просветители Европы и Востока сформулировали гуманистические принципы народного просвещения. Как уже говорилось выше, плодотворная просветительская деятельность проводилась на рубеже XIX–XX в. в Туркестане. Местные джадиды – Абдулла Авлони, Мунаввар Коры Абдурашидхонов, Махмудхожи Бехбуди, Ишанходжа Ханхождаев и другие, зачастую на собственные средства открывали народные школы, подготавливали современные учебники, издавали учебно-методическую литературу. Эти школы окончили десятки сотен молодых туркестанцев, внесших в последующем большой вклад

и отечественную культуру. Так, выпускниками новометодных мактабов были Маннон Уйгур, Каюм Рамазан, Айбек, ставшие гордостью узбекской литературы.

Ленинская программа «социалистического культурного строительства» целиком базировалась на марксистских доктринальных установках перспектив общественного развития с их методологией классового подхода и установлением «диктатуры пролетариата». Вслед за своими духовными отцами он исключительно ориентировался на приоритет классовых интересов и ценностей, отказывая в праве на сотрудничество с имущими слоями населения. Ленин неустанно повторял, что по мере углубления и расширения социалистических общественных преобразований классовая борьба все зримее будет ужесточаться, что потребует адекватных карательных мер против «врагов революции». Подобный подход серьёзно сузил возможности решения назревших культурных задач, даже их частичную реализацию на деформационной основе. Он способствовал отторжению от культурного строительства обширной части так называемой «буржуазной интеллигенции», специалистов, религиозных деятелей.

Установка на уничтожение плюрализма форм собственности, на необходимость решительного преодоления навыков и привычек «собственности», «которые, — по ленинскому выражению, — насквозь пропитывают толщу масс», фактически обрекла на вымирание целые общественные классы и слои: частных предпринимателей, банкиров, крупных и средних собственников. Вместе с тем она нацеливала на глубинную «переделку» общественного сознания основной части населения страны — крестьянства, в том числе и узбекского дехканства. Доктрина решительной борьбы с «мелкособственнической психологией» сельчан, превращение их из носителей мелкой собственности в коллективных работников на «всеобщей агрофабрике» привела к многочисленным негативным последствиям: истреблению чувства хозяина, отчуждению от средств производства, формированию огромной армии инертных работников. Жестоко борясь против «мелкособственнической

психологии», большевистские властители не осознавали, что они тем самым убивают инициативность сельского труженика, его интерес к земле и результатам собственного труда.

Разрушающее воздействие на характер советской культурной работы оказывало ленинское требование о предельной идеологизации культурного воспитания и духовного производства. Ленин неустанно подчёркивал, что «самое главное... это вопрос о связи просвещения с нашей политикой». Причем, данная связь воспринималась как утверждение монополии коммунистической идеологии. Основатель советского государства недвусмысленно говорил, что в культурно-просветительской и политико-воспитательной работе «должно быть открыто признано главенство политики коммунистической партии».

Воплощение в жизнь этого принципа привело к насильственной ликвидации политического плюрализма, к глубокой деформации политического сознания масс, их отчуждению от мощных пластов отечественной и зарубежной литературы, искусства, не соответствующих коммунистической идеологии.

Неисчислимые беды в духовной сфере принесла связанная с коммунистическим учением ориентация на создание и утверждение «классовой культуры», стремление оторвать её от общечеловеческих и национально-этнических корней.

Предельным схематизмом страдала программа воспитания «будущего человека». Основываясь на марксовом положении о том, что «человек представляет совокупность общественных отношений», Ленин и руководимая им коммунистическая партия воспринимали процесс воспитания и перевоспитания масс примитивно-упрощённо: стоит изменить данные отношения и проблема воспитания «нового» человека решится сама собой. При этом не брались во внимание биологические факторы, генетическая сторона человека, не учитывались традиции и обычаи, имевшие многовековую историю и оказывающие огромное воздействие на образ и содержание жизни широких народных масс. Казалось, что после победы

социалистической революции все эти обычаи и традиции отомрут. Но когда власть поняла, что они достаточно «живучи» и имеют глубинные корни, развернулось ожесточённое наступление по их повсеместному разрушению.

Другое средство воспитания «нового» человека виделось в идеологической и административной муштровке. Причём, не только по отношению к остаткам «старой буржуазии», но и по отношению к рабоче-крестьянским массам, к самому пролетариату, который объявлялся диктаторским. Ленин в своей работе «Государство и революция» (1917 г.) не раз подчёркивал, что только пройдя через «муштровку», люди привыкнут соблюдать элементарные требования нового общества, приспособившись к новым условиям. И только тогда прекратится насилие над людьми, отомрёт государство, кончится диктатура.

Вданном случае налицо проявлялось неверие большевистских вождей в человека, свободу духа. Коммунистические власти выступали за общественную «муштровку» людей, считая, что принудительная общественная организация может создать человека совершенно нового типа.

Особенно наглядно репрессивная природа большевистской стратегии «социалистического переустройства» общества, в том числе и в духовной сфере, проявилась в первые «послереволюционные» годы, когда стала насаждаться модель «военного коммунизма», заложившая фундаментальные основы тоталитарного строя.

Для понимания репрессивных истоков советской «культурной» политики и инструментария её осуществления в рассматриваемый период важно иметь в виду, что ленинская концепция социализма, да и сам строй мысли большевистских руководителей были проникнуты идеологией воинствующего терроризма. Теоретически сталинские репрессии 30-х – начала 50-х гг., особенно против национальной интеллигенции, основывались на марксизме-ленинизме, но это было, по сути, извращением этой теории. Классики марксизма-ленинизма таким образом сами не ведая того послужили истреблению

целых народов. Российские марксисты во главе с Лениным восхищались якобинским террором времен Французской революции 1789 г. И часто заимствовали её терминологию и политические ярлыки, вроде «враг народа». Этот термин вождь Октября впервые употребил как криминальное обвинение против русского классического либерализма и демократии – против кадетов – буквально на второй день после прихода к власти.

2. Формирование советской тоталитарной системы

Философия и психология государственного терроризма стала отличительной чертой практики большевизма в послереволюционные годы на всем пространстве советского государства. Рельефные формы она приобрела и в Узбекистане. Большевики неустанно призывали рабочих и солдат бороться с открытыми и «замаскированными врагами революции», преподать «реакционерам кровавый урок». Показательна в этом отношении редакционная статья, опубликованная в официальном органе большевистских властей – газете «Правда» от 4 августа 1918 г. В ней говорилось: «Рабочие и бедняки! Возьмитесь за оружие, учитесь стрелять... Встаньте против всех, кто против советской власти агитирует. Десять пуль против каждого, кто поднимет руку против нас. Господству капитала можно положить конец, когда перестанут дышать последние капиталисты, помещики, попы и офицеры».

9 августа 1918 г. Совнарком РСФСР издал декрет за подписью Ленина о «создании особых частей из верных и преданных людей для развертывания беспощадного массового террора против кулаков, духовенства и белогвардейцев. Всех подозрительных заключать в концлагеря». В те же дни Ленин Губисполкому Пензы рекомендует: «Провести беспощадный массовый террор. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию (карательную - авт.) пустить в ход». Большевикам Саратова приказывается: «Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».

Стилистика ленинских указаний крайне проста: арестовать, расстрелять, загнать в концлагеря. Причём, не только «заговорщиков», но и колеблющихся.

Подобная логика мышления находила отражение и в подходе к методам становления социалистической культуры. Вот как, к примеру, извращенно понимался большевиками «социалистический гуманизм». «Чтобы успешно бороться с нашими врагами, — учил Зиновьев, — мы должны иметь собственный социалистический гуманизм. Мы имеем сто миллионов жителей России под советской властью. Из них девяносто миллионов мы должны завоевать на нашу сторону. Что же касается остатка, то его нужно уничтожить». Один из руководителей ЧК — М. Лацис всю суть философии «красного террора» излагал следующими словами: «Мы уничтожаем класс буржуазии. Поэтому нет нужды доказывать, выступало ли то или иное лицо словом или делом против советской власти. Первое, что вы должны спросить у арестованного, это следующее. К какому классу он принадлежит, откуда он происходит, какое воспитание он имел и какова его специальность? Эти вопросы должны решить судьбу арестованного. Это и есть квинтэссенция красного террора».

Такая политика вызвала раскручивание мощного маховика репрессий: повсеместно создавались концентрационные лагеря, активно применялась система заложников, заключения их в тюрьмы и поголовное уничтожение. Уже в первые «революционные» годы в советской России действовало 84 концлагеря, в которые было заключено более 50 тыс. узников.

Политический экстремизм, исходящий от центральной власти, изначально охватил все регионы воздвигаемой «красной империи». Отчетливый характер он приобрел и в Узбекистане.

Насильственное внедрение советской модели социалистического государства происходило в Средней Азии по мере её советизации. Широкий размах политика государственного терроризма приобрела в Туркестане, находящемся в составе «революционной России».

Одним из ярких проявлений большевистского экстремизма стало вооруженное свержение в феврале 1918 г. сформированного по воле коренного населения края в ноябре 1917 г. альтернативного советской власти национально-государственного образования – «Туркистон мухторияти». Тогда многие члены правительства «Туркестанской автономии» без суда и следствия были расстреляны, а многие участники автономии отбыли в эмиграцию. Репрессии большевиков, проведённые в Коканде, стали одной из причин формирования антисоветского движения в Туркеспублике. Против повстанцев, как известно, были брошены крупные воинские подразделения регулярной Красной армии.

В тесной связи с организацией вооруженных формирований, активные меры предпринимались по созданию репрессивного аппарата. Так, уже 14 сентября 1918 г. ЦИК Туркестанской республики утвердил положение об организации Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ТуркЧК). В тот же день решением Ташсовета был учреждён Комитет красного террора. Одновременно развернулась энергичная деятельность по созданию иных карательных структур.

Для удержания советской власти большевистское правительство направило в Туркестан дополнительные вооруженные подразделения регулярной Красной армии. Их численность к началу 20-х гг. составила около 100 тыс. человек.

Командование Туркестанского фронта твёрдо придерживалось принципа осуществления жёстких мер не только в отношении вооруженной оппозиции, но и мирного населения, поддерживавшего повстанческое движение. В приказах командующего Туркфронта М.В. Фрунзе недвусмысленно указывалось: «Все, входящие в состав басмаческих масс, должны расстреливаться как грабители и враги народа и подлежат расстрелу на месте. Все лица, а также целые общества, уличённые в сношениях или помощи басмачам, будут подвергаться самым суровым карам по закону военного времени».

Подтверждением этих мер, к примеру, был случай, когда красноармейские части, захватив в ноябре 1918 г. селение Сузак, учинили в нём погром, в результате которого кишлак фактически перестал существовать: на месте его, по свидетельству очевидцев, осталась «груда развалин, пепелища и трупы полуобгорелых людей». Оставшиеся в живых жители кишлака, побросав свои жилища, укрылись на кладбище, спасаясь от расправы со стороны красноармейцев. И подобные факты наблюдались повсеместно. Так, наряду с Сузаком были стёрты с лица земли селения Бозор Курган, Коканкишлак и многие другие. Согласно архивными документам тех лет, только в Ферганской долине «было убито несколько сот тысяч местных жителей». В целом же общие потери туркестанцев убитыми, взятыми в плен и тяжелоранеными составили в крае более 700 тыс. человек.

Насильственное насаждение советской власти сопровождалось в Туркестане созданием политических и идеологических структур. Они были направлены, прежде всего, на вытеснение несовместимого с коммунистической идеологией религиозного мировоззрения. Уже в 20-х годах развернулись масштабные религиозные гонения, выразившиеся в мерах по ликвидации вакфов, в закрытии конфессиональных школ, в запрещении судов казиев, в преследовании священнослужителей.

Наряду с этим нетерпимость и логика конфронтационного мышления большевиков обусловили их стремление изгнать с общественной арены все «непролетарские» социальные группы и слои, а из политической жизни первоначально «буржуазные» и «националистические» партии, затем и своих союзников по правящему социалистическому блоку. Так, в Туркестане в течение 1918 г. были запрещены «Шурою Исломия», «Уламо», «Алаш», «Туркистон миллий бирлиги», затем сошли с исторической арены организации правых и левых эсеров, меньшевиков и др.

В обеспечении курса на коммунистическую монополизацию политической и культурной жизни особое внимание уделялось

овладению информационными рычагами. Большевистские вожди хорошо понимали, что монопольное господство над средствами массовой информации, как универсальными средствами влияния на общественное сознание и психологию широких масс, дали возможность властным структурам осуществить жесткий контроль над ними.

Наиболее мощным потенциалом идеологического влияния на массы была периодическая печать. Уже весной 1918 г. Совнарком Туркестанской республики национализировал типографии и литографии, принадлежавшие частным лицам. Все издания, не устраивавшие власти с идеологической точки зрения, закрывались. В частности, были запрещены такие популярные в народе газеты и журналы, как «Улуг Туркистон», Ал-Изох и др. Стремительными темпами создавалась советская периодическая печать. Наряду с русскими изданиями принимались энергичные меры по выпуску газет и журналов на языках коренных народностей края. Например, в 1918 г. издавалось уже 11 газет на узбекском языке. Среди них «Иштракиюн» («Коммунист»), «Ишчилар қалқони» («Рабочий щит») и др. Появились первые журналы: «Ишчилар дунёси» («Мир рабочих»), «Маориф» («Просвещение») и пр.

Проводимые акции подавались коммунистическим руководством под лозунгом «создания подлинно свободной периодической печати». На самом же деле шла интенсивная тотализация издательского производства. В отличие от существовавших ранее демократических печатных органов, отражающих широкий спектр мировоззренческих позиций, большевистская печать была нацелена исключительно на упрочение этого режима и правящего положения коммунистической партии.

3. Деформация роли народного образования, литературы и искусства

Важной составной частью механизма культурных преобразований выступили меры по «революционному

обновлению» системы народного просвещения. Строительство социализма предполагало становление качественно новой системы народного образования, коренную переделку всего школьного дела. При этом под маской борьбы с «реакционной идеологией» предусматривалось превращение школы в прочную духовно-идеологическую опору советского строя, действенный инструмент формирования новой коммунистической идеологии. Многовариантная система народного образования была сразу же ликвидирована и на её место пришла унифицированная единая трудовая школа. В результате уже к концу 1920 г. в ТАССР действовало 280 советских школ, охвативших 174820 учащихся. В основном они обслуживали европейское население, подавляющая же часть мусульманских детей, несмотря на давление со стороны властей, продолжало обучаться в традиционных мактабах и в ещё сохранившихся новометодных школах. В первые годы советская власть была вынуждена считаться с этим. Но по мере укрепления советских школ, они были ликвидированы.

Для внедрения коммунистической идеологии в массы принципиальное значение придавалось и массовой культурно-просветительской и политико-воспитательной работе. В частности, проводилась масштабная работа по организации специфических советских культурно-просветительских учреждений — клубов, народных и рабочих домов, изб-читален, красных чайхан, красных юрт, способных стать проводниками политики партии и центрального правительства. В 1920 г. в Туркестане насчитывалось 177 социалистических библиотек, 97 клубов, 76 красных чайхан, 172 избы-читальни и пр.

Жёсткий идеологический контроль устанавливался в литературе и искусстве. Поощрялось зарождение так называемой советской литературы, музыкального и театрального искусства прокоммунистической направленности. Под губительным ударом оказалась интеллигенция. Поставленная задача «перевоспитать» национальную интеллигенцию плохо претворялась в жизнь по объективным причинам, поэтому упор делался на её ликвидацию.

Мотивы такой открытой враждебности заключались, прежде всего, в том, что подавляющая масса старой интеллигенции встретила Октябрьский переворот настороженно, заняв нейтрально-выжидательную, а порой и открыто враждебную позицию.

Достаточно ясно выразил большевистскую позицию по отношению к «дореволюционной» творческой интеллигенции глава ВЧК – Ф.Э. Дзержинский, заявивший, что «на каждого интеллигента должно быть заведено дело».

Творческая интеллигенция, которая, стремясь сохранить самобытную национальную культуру, через своё творчество открыто выступало с критикой реформ советской власти, за что и подвергалась преследованиям. Так, один из главных ударов был обрушен на литературно-лингвистическое объединение «Чагатай гурунги», созданное в 1919 г. при Наркомпросе Туркеспублики. Члены этой организации проводили большую работу по сбору устного народного творчества, подготовке реформы алфавита. Они выступали за очищение тюркских языков от засилья иностранных слов, в том числе русских. И на этом основании были обвинены в пантюризме.

Вокруг «Чагатай гурунги» объединились в основном те писатели и поэты, которые настороженно относились к советской власти и деятельности большевистской партии, критиковали антинациональную направленность предпринимаемых социально-политических и культурных акций. В их числе А. Фитрат, А. Чулпан и др. В официальных идеологических публикациях того времени подчеркивалось, что в стихах этих поэтов нашли отражение основные черты всей «националистической поэзии», отражающей интересы и идеологию «эксплуататорских классов». Они были первоначально подвергнуты суровой критике в печати, а в последующем – в середине 30-х гг. репрессированы.

Одновременно началась первая волна репрессий ответственных партийных и советских работников из числа коренного населения, которые пытались отстаивать национальные

интересы народов края, наполнить конституционно провозглашённые суверенные права Туркеспублики реальным содержанием. В этот круг входили в начале 20-х гг. Ю. Алиев, К.С. Атабаев, Х. Ибрагимов, Т. Рыскулов, А. Рахимбаев, Н. Туракулов, Н. Ходжаев и др. На оппозиционеров стал навешиваться политический ярлык «национал-уклонистов», они обвинялись в «буржуазном национализме».

Однако в отличие от последующего, «сталинского времени», репрессивные возможности центра были тогда всё же ограничены. Позиции советской власти в Туркестане оставались ещё достаточно слабыми. Несмотря на все предпринимаемые усилия, в социальных слоях местного общества сохранялось острое неприятие большевистского режима. Коренных туркестанцев консолидировала национальная, а не социалистическая идея. В своей подавляющей массе они противились закладке социалистических структур и не поддерживали советские органы. Обширная часть территории края находилась в зоне контроля развернувшегося повстанческого движения.

Ряды повстанцев стремительно расширялись, отражая недовольство народа политикой большевиков, связанной с уничтожением религиозных устоев, внедрением атеизма, непродуманной экономической политикой, нацеленной на ускоренную ликвидацию многоукладности экономики, ликвидацию класса собственников и товарно-денежных отношений. Экономический волюнтаризм большевиков, сопрягаясь с разрухой военного времени, вызвал катастрофический обвал народного хозяйства Туркестана, невиданный голод, который унёс к 1920 г. более одного миллиона человек, или пятую часть населения края.

Дополнительный импульс массовому движению вооруженной оппозиции в Средней Азии придал экспорт революции в Хивинское ханство (февраль 1920 г.) и Бухарский эмират (сентябрь 1920 г.), который завершился искусственным конструированием с помощью красноармейских штыков Хорезмской и Бухарской советских республик.

Политический кризис в Средней Азии смыкался с растущим недовольством широких народных масс большевистским режимом на всём пространстве воздвигаемого советского государства. Советская власть оказалась под угрозой ликвидации.

Только крутой поворот в политике и системе хозяйственных отношений мог обеспечить выход из тяжёлого кризисного состояния, в котором оказалась новообразованная страна. В этих условиях большевистское руководство России, напуганное мощной волной народного сопротивления, особенно на «национальных окраинах», пришло к заключению о необходимости корректировки государственной национальной и экономической политики.

Ключевые термины. «Культурная революция». Концепция «социалистического культурного строительства». Культурная программа. Социальная революция. Национальный менталитет. «Военный коммунизм». Политический экстремизм. Национальная культура. Коммунистическая монополизация политической и культурной жизни. Многоукладность экономики.

Вопросы и задания

1. Раскройте сущность теоретико-методологических основ концепции «социалистического культурного строительства».
2. Какие этапы предусматривала ленинская программа «социалистического культурного строительства»?
3. Докажите, что модель большевистской «культурной революции» носила репрессивный характер.
4. В чём состояла большевистская стратегия «социалистического переустройства» общества?
5. С какой целью и когда был введён «военный коммунизм» в Туркестане?
6. Какими путями происходила социалистическая трансформация национальной культуры?
7. В чём проявлялся экономический волюнтаризм большевиков?

Тесты

1. Кем впервые было введено понятие «культурная революция»?

А) Ленин Б) Сталин В) Керенский Г) Зиновьев

2. Укажите дату издания декрета Совнарком РСФСР за подписью Ленина о «создании особых частей из верных и преданных людей для развертывания беспощадного массового террора против кулаков, духовенства и белогвардейцев. Всех подозрительных заключать в концлагеря».

А) 21 октября 1917 года Б) 18 марта 1918 года

В) 9 августа 1918 года Г) 1 сентября 1918 года

3. Сколько газет советской власти издавалось в 1918 году на узбекском языке?

А) 4 Б) 11 В) 15 Г) 18

44. Сколько советских школ действовало в ТАССР к концу 1920 года?

А) 280 Б) 310 В) 400 Г) 455

5. Кто из революционеров считал представителей «дореволюционной» интеллигенции, как «гнилой», «дряблой» и «контрреволюционной»?

А) Дзержинский Б) Фрунзе В) Зиновьев Г) Ленин

6. Члены какой организации проводили большую работу по сбору устного народного творчества, подготовке реформы алфавита, выступали за очищение тюркских языков от засилья иностранных слов, в том числе русских?

А) «Шурои Исломия» Б) «Шурои уламо» В) «Чигатой гурунги» Г) «Ёгду»

7. Укажите автора-революционера, заявившего, что «на каждого интеллигента должно быть заведено дело».

А) Зиновьев Б) Дзержинский В) Ленин Г) Сталин

8. Как назывались первые журналы советской власти, появившиеся в 1918 году на узбекском языке?

А) «Ишчилар дунёси» («Мир рабочих»), «Маориф» («Просвещение»)

Б) «Иштрокиюн» («Коммунист»), «Ишчилар қалқони» («Рабочий щит»)

В) «Туркистон», «Иттифок» («Союз»)

Г) «Калкон» («Щит»), «Пролетариат»

9. Когда ЦИК Туркестанской республики утвердил положение об организации Чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ТуркЧК).

А) 14 сентября 1918 года Б) 21 октября 1918 года

В) 1 ноября 1918 года Г) 8 декабря 1918 года

10. Сколько дней просуществовала независимая автономная республика – Туркистон Мухторияти?

А) 45 дней Б) 72 дня В) 100 дней Г) 155 дней

Рекомендуемая литература

1. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. В кн.: Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. – Ташкент, Узбекистан, 1999. Т. 7. – с. 128–152.

2. Мирзиёев Ш. М. Буюк келажагимизни мард ва олижаноб халкимиз билан бирга кураимиз. Т.: Ўзбекистон, 2017.

3. Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1996. С. 6.

4. История Узбекистана. Учебник для ВУЗов. Ташкент: «Fanvatexnologiya»-2011.

5. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925-1953 гг).- Т. «Tafakkur», 2011.

6. Conquest Robert. The great terror. Oxford University Press, USA. 2007. Paje 608. 40-th Anniversary edition. ISBN-13: 978-0195316995, ISBN-10:0195316991.

7. Conquest Robert. «The Harvest of Sorrow. Soviet collectivization and the Terror – famine». – New York, 1986.

8. Ўзбекистоннинг Янги тарихи. Т.2. Ўзбекистон Совет мустамлакачилиги даврида. – Т., «Шарк», 2000.

9. Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. – Т., «Шарк», 2000.

ТЕМА 5. БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ

План лекции:

1. Обстановка в Туркестане в 1917–1918 гг.
2. Туркестанская Автономия (Туркистон Мухторияти).

1. Обстановка в Туркестане в 1917–1918 гг.

После Февральской революции 1917 года Временное правительство продолжало воспринимать Туркестан как источник сырья и русскую колонию. В конце апреля при Туркестанском комитете Временного правительства состоялось совещание по вопросу о предоставлении Туркестану автономии. Оно признало невозможным введение в Туркестане полной политической автономии. Данный вопрос был в центре внимания и на проходившем в Ташкенте с 7 по 15 апреля I-ом краевом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, где многие делегаты-большевики выступали против предоставления Туркестану прав автономии под предлогом того, что, якобы, местные мусульмане «ещё недостаточно для того культурны». Съезд остался на имперских позициях и высказался за установление сильной центральной власти. С похожими программными положениями выступали и филиалы различных общероссийских политических партий, действующих в крае.

Появление на политической арене Туркестана новой силы, в лице большевиков, было не случайным явлением. Изучение их деятельности (в рамках социал-демократических организаций), начиная с марта 1917 года, свидетельствует об упорной и целенаправленной работе среди туркестанцев. Они поддерживают тесные связи со своими российскими единомышленниками, командируют своих представителей на различные партийные форумы. Получая инструктаж и рекомендации, большевики-туркестанцы начинают их реализацию. Несмотря на довольно пёстрый состав социал-

демократических организаций, большевики (во главе с Тоболиным, Шумиловым, Бауманом, Бабушкиным и др.), планомерно пропагандируют (в том числе через газеты «Рабочее дело», «Кокандская правда» и др.) в рабочей и солдатской массе свои цели и задачи.

С самого начала, встав в оппозицию к Временному правительству, большевики (невзирая на отсутствие единства в социал-демократических группах) объявляют о серьезных претензиях на свою долю «пирога» в борьбе за власть, делая при этом ставку на Советы солдатских и рабочих депутатов. Всю весну и лето 1917 года они накапливали силы, определяли приоритеты, постепенно усиливая позиции.

В Петроградском и Московском Советах они завоёвывают большинство, вдохновляя тем самым периферийные организации на более решительные действия. 3 сентября на собрании Ташкентской организации РСДРП говорилось, что единственной властью, способной вывести страну из хозяйственной разрухи и затяжного военного кризиса, может быть только правительство Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ташкентская организация РСДРП предъявила требования о немедленной передаче всей полноты власти объединённому Исполнительному Комитету Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Туркестанского края, о роспуске Государственной Думы, Государственного Совета и аресте наиболее активных деятелей «контрреволюции».

Между тем, в старом городе, в эти дни происходили не менее важные события. 7 сентября в Ташкенте начал работать II Краевой мусульманский съезд, созванный по инициативе «Шурои-Исломия».

По одному из важнейших вопросов — о создании республиканской власти, съезд вынес следующую резолюцию: «Второй Туркестанский Краевой общемусульманский съезд высказывается против передачи власти Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Власть должна быть коалиционной и опираться на все силы страны, т.е. всенародной.

Только такая власть способна на национальную оборону страны, укрепление завоеваний революции и вывести страну из тяжёлого положения внутренней разрухи и экономической катастрофы, которые усугубляются переживаемой войной. Эта же всенародность, коалиция всех сил страны, должна быть перенесена и на окраины, в частности, на Туркестан, где мусульмане, составляющие большинство, должны быть представлены соответствующим образом».

Однако, в очередной раз, предложения и пожелания мусульман Туркестана были проигнорированы. К этому времени местные большевики, сгруппировавшиеся в Исполнительном Комитете Ташсовета, уже были готовы к реальному захвату власти. Тем более что поводов для антиправительственного выступления, в условиях почти полного хаоса и безвластия, было достаточно.

Один из них — продовольственная разруха и угроза голода. Туркестан, потребляющий (в силу имперской экономической структуры), в основном, привозной хлеб, уже давно испытывал крайний недостаток в нём. К 1917 году проблема нехватки хлеба стала актуальной не только для жителей кишлаков и «старых» городов, но и городского русского населения Туркестана, пользующегося до недавнего времени особыми льготами в вопросах распределения продовольствия.

Воспользовавшись данной ситуацией, большевики сумели организовать 12 сентября в Александровском парке шеститысячный митинг рабочих и солдат Ташкента. Митинг принял резолюцию, в основу которой легли решения VI съезда РСДРП(б): о немедленной реквизиции находящихся у капиталистов (включая зажиточную часть мусульман) продуктов и предметов первой необходимости, об осуществлении рабочего контроля над производством и распределением продуктов; о переходе земли без выкупа в руки крестьян; об издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, профсоюзов и фабричных комитетов; о передаче всей власти в руки данного Совета. Был избран Временный

революционный Комитет. Под его руководством в Ташкенте была предпринята попытка государственного переворота.

Представители «Шурои Исломия», «Шурои Уламо», «Тюрк одами марказият фиркаси» и других национальных организаций Туркестана осудили попытку реализации революционного плана большевиков.

В этих условиях (17–20 сентября) в Ташкенте состоялся съезд туркестанских и казахских мусульман, собравший более 500 делегатов со всех концов Туркестана, а также с Уральской и Тургайской областей. Инициатором созыва съезда стала ташкентская организация «Шурои Уламо», конкурирующая в «старом городе» с «Шурои Исломия» и усиленно пытающаяся стать национальной консолидирующей силой в регионе. На съезде было решено, перед лицом общей угрозы, создать единую для всего Туркестана политическую партию под названием «Иттифок-и-муслимин» (Союз мусульман) путём объединения организаций «Шурои Исломия», «Шурои Уламо» и других. Съезд, проходивший под знаменем единства, призвал готовить списки в общероссийское Учредительное собрание «достойных» людей из российских мусульман без различия идей и течений. Учредительному собранию представители национальных организаций придавали огромное значение, т.к. предполагалось, что именно там удастся наметить и определить будущее народов бывшей Российской империи, но эти надежды не оправдались.

27 октября 1917 года в Туркестан пришло известие о победе вооруженного восстания в Петрограде и решении II Всероссийского съезда Советов о передаче власти Советам, образовании Совета Народных Комиссаров во главе с В.И. Лениным. Эти известия подтолкнули развитие событий и в Ташкенте.

28 октября Советами рабочих и солдатских депутатов было принято решение о начале вооруженного восстания в Ташкенте. Для руководства его ходом был создан Революционный комитет (Ревком). В 6 часов утра по сигналу гудка Главных железнодорожных мастерских начался

октябрьский переворот в Ташкенте. В это же время генерал Коровиченко — ставленник Временного правительства издал приказ: всем гарнизонам подавлять попытки присоединения к большевикам, что лишь ускорило революционную развязку.

1 ноября 1917 г. воззванием к населению Туркестанский краевой Совет, Исполком Ташкентского Совета и Военный комитет известили о победе вооруженного восстания в Ташкенте.

С 15 по 22 ноября в Ташкенте проходил III Краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором присутствовало 114 делегатов с решающим голосом от всех областей края.

При обсуждении вопроса об организации краевой власти съезд разделился на две основные группы. Первая группа, представленная объединенными социал-демократами, считала, что власть должна состоять из представителей Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, городских самоуправлений и мусульман; а вторая группа (большевики и социалисты-революционеры максималисты) доказывала, что краевая власть должна быть создана по образцу советского правительства в России. Подразумевалось, что Туркестаном должен управлять Совет народных комиссаров, формирующийся из большевиков, левых социалистов-революционеров (без мусульман и представителей городских самоуправлений, поддерживавших Временное правительство).

Съезд избрал новый верховный орган края: Совет народных комиссаров из 15 человек, его председателем стал большевик Ф. Колесов. При формировании СНК было решено не допускать представителей местного мусульманского населения. Захват власти большевиками, не пользовавшимися тогда особым влиянием среди населения края, прежде всего коренного, стал возможен благодаря недостаточной решительности в борьбе за власть туркестанских организаций общероссийских партий, а также организаций и общественных движений коренного населения, считавших, что этот вопрос должно решить Учредительное собрание Туркестана. Так в результате

октябрьского переворота в Туркестане была установлена власть советов, утвердилась двухпартийная политическая сила, олицетворяющая диктатуру пролетариата в крае, где почти не было рабочего класса.

Таким образом, политически был закреплён колонизаторский характер новой советской власти в Туркестане, а большевики Туркестана совершенно не учитывали интересы коренного населения.

2. Туркестанская Автономия (Туркистон Мухторияти)

После III Краевого съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который проигнорировал интересы коренного населения Туркестана, не включив его представителей в новый верховный орган – Совет Народных Комиссаров, по инициативе «Шурои Исломия» и других национальных организаций, с 26 по 29 ноября 1917 года в Коканде проходил IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд, в работе которого приняли участие около 300 делегатов (в том числе и представители европейского населения), прибывшие со всех концов Туркестана. На нём присутствовало от Ферганы – 150 человек, от Сырдарьинской области – 22, от Самаркандской – 21 человек, Закаспий был представлен одним делегатом, а Бухара – четырьмя. Кроме делегатов от областей на съезде присутствовали представители «Шурои Исломия», «Шурои Уламо», совета воинов-мусульман, краевой еврейской организации (Паолей-Сион), а также туземных евреев. Среди делегатов были представители городских дум и Туркестанского бюро татар. Также было решено пригласить на съезд, с правом совещательного голоса «сведущих лиц из европейского населения».

В повестке дня основным стоял вопрос об Автономии Туркестана.

С докладом, обосновывавшим необходимость объявления Автономии, выступил один из лидеров «Шурои Исломия» Убайдулла Ходжаев. Его поддержало большинство делегатов,

участвовавших в прениях. 27 ноября в 12 часов ночи делегаты приняли резолюцию о провозглашении Туркестанской Автономии «Туркистон мухторияти». Съезд избрал органы власти: Временный Народный Совет (парламент) и Временное правительство Автономного Туркестана. В состав Временного Народного Совета вошли 54 человека, из них: 32 от чрезвычайного общемусульманского съезда, 4 – от городских самоуправлений, остальные от общероссийских организаций и национальных меньшинств Туркестана. Всего европейскому населению в Народном Совете предоставлялось 18 мест (т.е. 1/3 общего состава).

Правительство Туркестанской Автономии включало 12 человек. Его членами стали известные туркестанские прогрессисты и общественные деятели: М. Тынышпаев (Премьер-министр, министр внутренних дел), И.С. Шоахмадов (заместитель Премьер-министра), М. Чокаев (министр иностранных дел), О. Махмудов (министр продовольствия), С.А. Герцфельд (министр финансов), У. Ходжаев (военный министр) и др. Из 12 мест 4 предназначались для замещения кандидатурами от европейской части населения Туркестана.

Таким образом, делегаты мусульманского съезда, отражая интересы туркестанцев, провозгласили самобытную национальную государственность, опирающуюся на сочетание потребностей национального развития и принципов гуманизма. Понимая сложность проблемы национального возрождения, национальные демократы Туркестана надеялись с помощью демократических сил России построить экономически развитое, демократическое общество.

Решение мусульманского съезда о формировании национальной демократической государственности вызвало симпатии и поддержку местного населения. В местных газетах появились десятки статей, обращений, резолюций, посвящённых этому событию. В самаркандской газете «Хуррият» была опубликована статья крупнейшего идеолога младобухарского движения А. Фитрата, которая так и называлась «Мухторият» («Автономия»).

Объявление Туркестана автономным было событием, взбудоражившим всё общество. Реакция на это решение была неоднозначной, но всё же большая часть населения Туркестана (и не только мусульманского) поддержала его. Однако большевики пытались убедить общественность края в том, что «Автономия Туркестана объявлена буржуями и контрреволюционерами без участия представителей демократических организаций, против воли трудящихся мусульман».

В поддержку Автономии в Ташкенте 13 декабря 1917 года состоялась грандиозная многотысячная демонстрация. Но руководство Ташкентского Совета отдало приказ не допустить эту мирную акцию, не остановившись даже перед применением вооруженной силы. Отношение большевиков было однозначным, газета «Улуг Туркистон» писала: «Большевики Туркестана дали приказ к открытой войне против мусульман».

Тогда же, в конце 1917 — начале 1918 г. в Ташкенте П.Г. Полторацкому было поручено реквизировать денежные средства Временного правительства и поддерживавших его кругов. Надо полагать, эта мера была вызвана обстоятельствами не только политического характера. Ещё в декабре 1917 г. из Москвы была получена телеграмма с предупреждением краевым властям «от центра средств не ожидать», а потому приступить «к немедленному, беспощадному обложению имущих слоев».

Всего в Кокандском городском отделении Госбанка П.Г. Полторацким было конфисковано свыше 8 миллионов рублей.

С декабря 1917 г. под предлогом «контрреволюционной деятельности» и за поддержку «Кокандской автономии» на основании решений военно-революционных комитетов во многих местах начали закрываться филиалы «Шурои Исломия» и других национальных организаций; распускались городские думы; организовывались революционные трибуналы и суды. На основании декрета центрального правительства был утверждён приказ о начале формирования Красной армии и милиции.

К концу января обстановка в Коканде чрезвычайно накалилась. Противостояние между новым городом, где власть находилась в руках Кокандского Совета рабочих и

солдатских депутатов, и старым городом, в котором были сосредоточены правительственная резиденция Автономного Туркестана, городские мусульманские организации всё более приобретало конфликтный характер. В каждой из этих сторон усиливались позиции сторонников силовых методов разрешения конфликтов.

30 января 1918 г. (по старому стилю) в Коканд из Скобелева был отправлен отряд красногвардейцев с пулемётами и артиллерией, а уже на следующий день между ними и формированиями «автономистов» начались военные действия. Ферганская область была объявлена на осадном положении.

Оборону Автономии взял на себя начальник кокандской милиции и бывший ссыльный Иргаш, который, однако, в силу малочисленности его отряда скоро был вытеснен за пределы города. К концу февраля 1918 года штаб «революционных войск» телеграфировал в Ташкент о разгроме отрядов Иргаша, ликвидации «контрреволюционного» автономного правительства и установлении «порядка» в г. Коканде.

В область прибыли дополнительные военные подразделения для пресечения «контрреволюционной деятельности», бежавших в г. Скобелев членов «автономного правительства» и их сторонников. По решению СНК Туркестанского края, все руководители «Кокандской автономии» объявляются вне закона, а имущество конфисковывается. Отдельным постановлением создается «военно-революционный суд» для разбора дел лиц, обвинявшихся в поддержке «Кокандской автономии».

К этому времени Коканд представлял собой страшную картину. Как свидетельствовали очевидцы – в городе начались пожары.

По краю начались повальные аресты оставшихся в живых руководителей автономного правительства и Народного Совета, а также активистов национальных политических организаций и их единомышленников.

В итоге, 22 (9) февраля в здании Русско-Азиатского банка, расположенного на Розенбаховской улице, был подписан подготовленный большевиками «мирный договор», согласно

которому население признавало власть Совета Народных Комиссаров и местных советских учреждений.

Правительство автономного Туркестана пало 6 (19) февраля, из обрывочных данных выясняется, что Мустафе Чокаеву удалось вырваться из огненного кольца и добраться до независимой в те годы Грузии, где он активно включился в демократическое движение кавказских народов. Носирхон Тура был захвачен большевиками в Намангане, С. Герцфельд в Самарканде, Обиджон Махмудов в Бухаре.

Убайдулла Ходжаев, Абдулхамид Сулаймон (Чулпон) узнали о разгроме Коканда по пути из Ашхабада в Самарканд. Понимая, что их ждёт та же участь, что и тех, кто попал в руки большевиков, они изменили свой маршрут и переправились в Оренбург к Ахмаду Заки Валиди, который в тот период занимался внутренними и военными делами Башкирской автономии.

С разгоном Туркестанской Автономии завершился мирный этап развития национального сопротивления, и было положено начало массовому вооруженному антибольшевистскому движению в Туркестане.

Обострившаяся в крае после кровавой ликвидации Туркестанской Автономии общественно-политическая ситуация побудила большевистское руководство использовать популярную в народе идею Автономии в своих интересах. В первые же дни после «Кокандских событий» новая власть стала заявлять, что она готова предоставить Туркестану автономию, но только при условии, что последняя будет не «буржуазной», а «пролетарской».

Вопрос об автономии Туркестана стал предметом обсуждения V съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который проходил с 20 апреля по 1 мая 1918 года. 30 апреля 1918 года на съезде было принято решение о создании Туркестанской Автономной Советской Республики (ТАСР), входящей в состав РСФСР. Высшим законодательным органом Туркестанской республики объявлялся съезд Советов, а в перерывах между съездами постоянным законодательным

органом явился Центральный исполнительный комитет (ЦИК) ТАСР. В него вошли 36 человек (18 большевиков и 18 левых эсеров). Председателем ЦИКа был избран большевик П. Кобозев. В исполнительный орган республики – Совет Народных Комиссаров (СНК) были избраны 16 человек (8 большевиков и 8 левых эсеров). Председателем СНК был вновь избран Ф. Колесов. В новые органы власти впервые вошли представители от местных национальностей: в ЦИК – 7 человек, в СНК 3 человека.

Период после V Краевого съезда Советов и I съезда КПТ сопровождался усилением работы среди коренного населения. Народный комиссариат по национальным делам ТАСР приступил к организации при областных и уездных Советах отделов по национальным делам, которые на территории своего региона вели работу по вовлечению коренного населения в советское и военное строительство.

В августе 1918 г. ЦИК ТАСР принял ряд документов, которыми тюркский язык наряду с русским объявлялся государственным.

Однако правительство пыталось установить дозированную «автономию» социалистического типа, не предполагавшую активного привлечения коренных туркестанцев к управленческим процессам. Говоря о необходимости расширения национального представительства, центр в то же время решительно проводил ограничительную линию, которая определялась марксистскими схемами при решении национального вопроса. «Автономное» национально-государственное строительство должно было осуществляться под жёстким контролем центра и служить целям создания коммунистической империи советского унитарного государства.

Ключевые термины.

«Шурои Уламо». «Тюрк одами марказият фиркаси». «Итти-фок-и-муслимин» (Союз мусульман). Туркестанская Автономия (Туркистон Мухторияти). «Шурои Исломия», Правительство

автономного Туркестана. Коренные туркестанцы. Национальное представительство. Национальный вопрос.

Вопросы и задания.

1. Покажите пути формирования основ тоталитарного общества.
2. Как происходило вооруженное восстание в Ташкенте?
3. Почему большевикам удалось захватить власть в Туркестане?
4. Что вы знаете о Туркестанской Автономии (Туркистон Мухторияти) и её руководителях?
5. Какую роль в развитии общества в Туркестане сыграли организации «Тюрк одами марказият фиркаси». «Иттифок-и-муслимин» (Союз мусульман)?

Тесты.

1. Когда произошёл Октябрьский переворот, установивший власть большевиков?
 - А) 25 октября 1918 года
 - В) 25 ноября 1917 года
 - С) 25 декабря 1919 года
 - Д) 25 октября 1918 года
2. В каком городе с 7 по 15 апреля 1917 г. проходил Первый краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов?
 - А) Ташкент
 - В) Самарканд
 - С) Хива
 - Д) Коканд
3. По инициативе какой организации 7 сентября в Ташкенте начал работать II Краевой мусульманский съезд?
 - А) Шурои-Исломия
 - В) Шурои Уламо
 - С) Исполнительный комитет Временного правительства
 - Д) Тюрк одами марказият фиркаси
4. Когда была провозглашена резолюция о Туркестанской Автономии «Туркистон Мухторияти»?

- А) 27 ноября 1918 г.
- В) 27 декабря 1917 г.
- С) 27 ноября 1917 г.
- Д) 27 декабря 1918 г.

5. Кто был назначен на пост министра иностранных дел Туркестон Мухторияти?

- А) М. Чокаев
- В) С.А. Герцфельд
- С) И. С. Шоахмадов
- Д) О. Махмудов

6. Кто автор слов «Путь к реальной Автономии не может лежать лишь через решения съездов. Они свою задачу выполнили. Теперь всё в руках нации. Чтобы сохранить Автономию, нужна сила, нужны деньги... нация обязана предоставить Автономии всё это».

- А) А. Фитрат
- Б) Хамза
- С) Бехбуди
- Д) Ф. Ходжаев

7. Когда был подписан «мирный договор», согласно которому население признавало власть Совета Народных Комиссаров и местных советских учреждений?

- А) 22 февраля 1918 г. в здании Русско-Азиатского банка
- В) 13 февраля 1917 г. в здании Русско-Азиатского банка
- С) 22 января 1918 г. в здании Русско-Азиатского банка
- Д) 18 декабря 1197 г. в здании Русско-Азиатского банка

8. Какое событие произошло 6 (19) февраля 1918 г.?

- А) пала Туркестанская Автономия
- В) подписан «мирный договор» о Туркестанской Автономии
- С) началась оборона Туркестанской Автономии
- Д) Военные события в Коканде

9. На каком съезде было принято решение о создании Туркестанской Автономной Советской Республики (ТАСР), входящей в состав РСФСР?

А) На V съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с 20 апреля по 1 мая 1918 г.

В) На VI съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с 20 мая по 1 июня 1918 г.

С) На VII съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с 20 марта по 1 мая 1918 г.

Д) На IV съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, с 20 апреля по 1 мая 1918 г.

10. В августе 1918 г. ЦИК ТАСР принял документ, согласно которому ...?

А) тюркский язык наряду с русским объявлялся государственным

В) начали работу по вовлечению коренного населения в советское и военное строительство

С) началось развитие национальной печати

Д) формирование системы образования

Рекомендуемая литература.

1. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. В кн.: Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. – Ташкент, Узбекистан, 1999. Т. 7. – с. 128–152.

2. Мирзиёев Ш.М. Буюк келажатимизни мард ва олижаноб халкимиз билан бирга курашимиз. Т.: Ўзбекистон, 2017.

3. Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1996. С. 6.

4. История Узбекистана. Учебник для ВУЗов. Ташкент: «Fanvatexnologiya» - 2011.

5. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.). - Т. «Tafakkur», 2011.

6. Conquest Robert. The great terror. Oxford University Press, USA. 2007. Page 608. 40-th Anniversary edition. ISBN-13: 978-0195316995, ISBN-10:0195316991.

7. Ўзбекистоннинг Янги тарихи. Т. 2. Ўзбекистон Совет мустамлакачилиги даврида. – Т., «Шарқ», 2000.

ТЕМА 6. УПРОЧЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА. УСИЛЕНИЕ РЕПРЕССИВНЫХ ФУНКЦИЙ ВЛАСТИ

План лекции:

1. Попытки стабилизации общества. Национально-территориальное размежевание и образование Узбекской ССР.
2. Политические преследования как официальная государственная политика.
3. Методы репрессивной политики советской власти.
4. Политика коллективизации.

1. Попытки стабилизации общества. Национально-территориальное размежевание и образование Узбекской ССР

Стабилизация в обществе выразилась в проведении нового курса, который стал проводиться с весны 1921 г. В политической и национально-духовной сферах он предполагал комплекс мер по коренизации местных органов власти и управления, приглушение атеистического и классового экстремизма, попытку некоторого учёта национально-культурных интересов населения национальных республик. В экономической сфере обозначился курс частичной либерализации до предела огосударственной экономики. Он нашёл выражение в новой экономической политике, нацеленной на дозированное восстановление частного сектора и товарно-денежных отношений.

Предпринятые меры способствовали политической стабилизации в обществе, вызвали оживление разрушенного народного хозяйства. Речь шла об обновлении тактических подходов в сфере национальных и экономических отношений, а не изменении стратегии, поэтому в идеологии социалистического строительства не произошло решающих перемен. Новый курс рассматривался коммунистическим руководством центра исключительно в качестве обходного маневра движения к социализму. «Не удалась лобовая атака,

– писал Ленин в октябре 1921 г., – перейдём в обход. Будем действовать осадой и сапой».

В плане национальных отношений вождя российских пролетариев, в первую очередь, заботила мысль, как присоединить национальные республики к РСФСР, чтобы такое присоединение не выглядело бы как их поглощение или аннексия советской Россией. Поэтому усилилось внимание к национальному фактору, провозглашались многообещающие декларации о предоставлении народам национальных регионов права на свободное национально-культурное самоопределение, на обеспечение возможностей удовлетворения их духовных запросов.

Действительно, в годы НЭПа произошли заметные изменения в экономике национальных республик, культурном строительстве, во всех областях, получивших возможность либерализации.

Аппарат центра сопротивлялся углублению этих процессов. Придерживаясь стратегии укрепления унитарных основ советского государства, центральное правительство настойчиво проводило курс на усиление централизации управления, опасаясь попыток движения к реальному суверенитету. Так, энергичные усилия предпринимались по закреплению системы советского строя в Туркестане, Бухаре и Хорезме, умножению в них партийно-идеологического влияния коммунистического центра. Одновременно против вооруженной оппозиции была брошена вся мощь регулярной Красной армии. В результате силы и возможности движения сопротивления стали ослабевать.

Важной вехой на пути усиления советской власти и закрепления унифицированной социалистической государственности явилось образование в декабре 1922 г. Союза советских социалистических республик (СССР). В его основе лежала ленинская формула социалистической федерации номинально «равных» и «суверенных» народов. Советский Союз изначально зародился вместо содружества суверенных государств, на что надеялись лидеры национальных республик,

как мощное унитарное государство, где субъекты формальной федерации были лишены суверенных прав и реальной самостоятельности.

Связанный с образованием СССР, растущий разрыв между публичными декларациями и реальной практикой центрального правительства, усилил оппозиционные настроения в среде интеллигенции и руководящего состава национальных республик. В частности, в Туркестане в 1923 г. группа авторитетных национальных работников опубликовала письмо, в котором остро критиковались результаты «послеоктябрьского развития», особенно в национально-духовной сфере. О кризисе идей социализма и разочаровании в национальной политике советского государства, проводимой в крае, говорилось и в секретной докладной Агитпромотдела ЦК КПТ (май 1923 г.). В ней, в частности, констатировалось, что у многих национальных работников отсутствует «сознание важности революции в Туркестане для Востока. Национальный вопрос переживает кризис».

Аналогичная ситуация наблюдалась в БНСР и ХНСР, которые, хотя формально не входили в состав СССР и были номинально «суверенны», тем не менее испытывали растущее давление союзного центра. Не оставляли мысли о реальном обретении суверенных прав и национальные союзные республики. Все это усиливало позиции имперски мыслящих лидеров союзного руководства, склонных к методам «лобовой атаки». Среди них выделился И.В. Сталин, являвшийся сторонником жёсткого курса в осуществлении социалистических преобразований, открыто призывающего послать НЭП «к чёрту», как не соответствующего принципам коммунизма.

Отказ от нового курса в национальной политике и нарастающая блокировка движения к самостоятельности в национальных республиках стали особенно наглядно проявляться после смерти Ленина с приходом власти Сталина. Став генеральным секретарем ЦК РКП(б), он сразу же повёл решительное наступление против «национал-уклонистов».

Пристальное внимание было уделено среднеазиатскому региону: во-первых, за счёт «независимых» Бухарской и Хорезмской республик расширить территориальное пространство советского государства, во-вторых, расколоть мусульманское единство среднеазиатских народов, противопоставив ему разъединение по национальному признаку. При этом показать себя стойким сторонником предоставления права народам на свободное «национально-государственное самоопределение».

Во второй половине 1924 г. без должной и тщательной подготовки на базе трёх среднеазиатских республик (ТАССР, БНСР и ХНСР) было проведено национально-территориальное размежевание и образованы Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская автономная республика, Киргизская и Каракалпакская автономные области, впоследствии получившие статус социалистических республик.

В период тоталитарного прошлого подавался факт образования новых «национальных республик» восторженно, особо подчеркивалось, что «впервые в истории узбекский народ приобрёл собственную государственность». При этом умалчивалось, что узбекская государственность зародилась ещё в глубокой древности, но её тысячелетняя история была прервана в результате насильственного присоединения к Российской империи. В условиях же советской действительности была навязана декоративная, псевдонациональная государственность. Узбекский народ, вопреки пропагандистским декларациям о конституционном выражении своего права на национальное самоопределение, в реальной жизни лишился возможности создать действительно суверенное государство, так как находился в жесткой зависимости от коммунистической метрополии.

Тридцатые годы стали поворотными в ходе эволюции советской модели построения общества. Сталинская администрация взяла курс на предельную тотализацию всех сфер общественной жизни. В короткий срок был свернут НЭП, насильственными средствами осуществлена сплошная

коллективизация сельского хозяйства, обернувшаяся укреплением узбекского кышлака, уничтожением на селе рачительных хозяев, установлением хлопковой монокультуры. Форсированная индустриализация, содействуя приращиванию промышленного потенциала республики, в то же время сопровождалась усилением экономической зависимости края от державного центра.

Политика ущемления национального суверенитета вызвала тяжёлые последствия и в духовной сфере. Уже с конца 20-х гг. активно свертывается «коренизация», ликвидируются национальные районы, идёт подавление национального самосознания, утверждается моноидеология. Жестоким гонениям подверглись национальные управленческие кадры и отечественная интеллигенция, составлявшая цвет нации.

Сталин сохранил основные теоретические положения ленинской теории «культурной революции», однако существенно обогатил практику духовного закабаления народа.

Для понимания природы и особенностей «революционных» преобразований в духовной сфере в условиях сталинского режима важно чётко обозначить, что же собой представлял сталинизм, какие факторы определяли логику «социалистического строительства» в то время.

«Сталинизм, — как подчёркивала известный западный советолог Элен Каррер д'Анкос, — это, прежде всего, система власти». Сталин, исходя из марксистской доктрины «диктатуры пролетариата», создал административно-тоталитарную систему государственного бюрократизма. Новая система власти превратилась в диктатуру одного человека, основными элементами которой стали абсолютная власть партии и государства, террор и злоупотребление законодательством, непомерно высокая роль репрессивно-карательного аппарата.

Становление новой системы было напрямую связано с марксистско-ленинской концепцией социалистической революции, предполагавшей абсолютную перестройку всех сфер общественной жизни под руководством «пролетарской

партии». Радикальная модернизация общества, согласно ленинской доктрине, требует радикальных методов её практического осуществления. Такой подход нашёл конкретное воплощение в годы «военного коммунизма», когда Ленин повсеместно прибегал к радикально-террористическим методам. Однако впоследствии Ленин отчасти пересмотрел свою точку зрения на методы социалистического строительства и предложил концепцию поступательных перемен, нашедшую отражение в введенной в 1921 г. новой экономической политике, предполагавшей замену «революционного» радикализма более взвешенными методами.

Сталин, отказавшись от идей нэповского либерализма, унаследовал инструментарий «военного коммунизма». Но было бы ошибочным противопоставлять Сталина «позднему» Ленину, который и сам неоднократно говорил, что НЭП «временная мера». В главном и основном Сталин продолжил «ленинское дело».

Правда, в 1924–1928 гг. Сталин вынужден был пойти на определённые уступки, продиктованные стратегией борьбы за власть, на какое-то время он занял центристскую позицию между «левыми» радикалами, полными решимости покончить с НЭПом, и сторонниками Бухарина «правыми», осознавшими необходимость соответствия между темпами и методами перемен и состоянием общественного сознания. Однако, избавившись от соперников, Сталин ясно продемонстрировал собственные позиции: волюнтаристский характер планов тотального и быстрого преобразования экономической, социальной и культурной жизни страны самыми радикальными методами: насильственное навязывание своих планов сверху безгласному обществу.

2. Политические преследования, как официальная государственная политика

Уже в 1929 г. ноябрьский Пленум ЦК ВКП (б) сформировал сталинскую левацко-утопическую установку на радикальные общественные преобразования: «дело построения социализма

в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки».

Изменение политики сопровождалось изменением методов достижения поставленных целей. Нэп с его установкой на материальные стимулы, экономическую инициативу заменялся командно-бюрократической системой руководства, где главный упор делался на приказы — «революционный энтузиазм». Одновременно в качестве методов политического руководства усиленно применялись политические репрессии. Рассуждая о способах организации людей и средствах их принуждения, Сталин подчеркивал, что «репрессии в области социалистического строительства являются необходимым элементом наступления».

Для обоснования необходимости репрессий был выдвинут тезис об обострении классовой борьбы, который совершенно не отражал фактического положения «буржуазных элементов» в обществе — их истинных возможностей и конфронтации с советским государством. Но надуманная «классовая угроза» давала основание решительно разделяться с любыми проявлениями инакомыслия, средствами террора укреплять диктатуру единоличной власти, и при этом возможность обвинять во всех провалах в экономической и социально-культурной сферах классовых врагов.

Сталин превратил политический террор в официальную государственную политику, придал ему легитимный правовой характер. Двойственная роль права в советском обществе того времени явилась одной из доминирующих черт сталинизма, который обосновал принцип относительности права, подчинённого делу революции и меняющегося вместе с её развитием. По его мысли, право существует, но только в соединении с волей и интересами государства — партии. При этом гражданам не остаётся возможности сопротивляться узаконенной и абсолютной государственной мощи. Сталин усовершенствовал эту систему так, что постоянное и повсеместное использование давления стало единственно допустимым средством управления, беззаконие — средством нейтрализации

сопротивления общества, террористические и противоправные действия были возведены в ранг закона. Создание нового законодательства проходило в условиях массовых чисток, затронувших все слои общества. Относительность права исчезала, приобретая абсолютистский характер. Это и отразила Конституция СССР 1936 г. Декларируемые в ней права и свободы граждан, якобы говорившие о «совершенной демократии», находились в явном противоречии с советской действительностью. Конституция была дополнена системой законов — уголовных кодексов, которые стали юридической основой противоправных действий. Совмещение репрессивной и законодательной функций было характерно для сталинской концепции, узаконивавшей его политическую практику.

Репрессивный режим, нарушение законности и человеческих прав усиливались с каждым годом. Карательная политика смещалась от подавления стойких оппозиционеров советской власти к массовым репрессиям, охватывая все новые и новые группы населения. Уже во второй половине 20-х гг. XX в. начинались массовые аресты и ссылки участников внутрипартийных оппозиций, не совершавших никаких противозаконных действий. Причины репрессий фальсифицировались. В первую очередь это коснулось специалистов старой школы — инженеров, агрономов, экономистов. Квалифицированные специалисты, знатоки рыночной конъюнктуры, понимавшие всю бесперспективность командной экономики, чаще всего объявлялись шпионами, диверсантами и осуждались.

При начавшейся сплошной коллективизации сельского хозяйства репрессиям подверглись значительные слои крестьянства, в том числе и узбекское дехканство. Так, в Узбекистане к 1937 г. оказались репрессированными более 60 тысяч дехкан, обвинённых во «вредительстве колхозному строительству». Как «диверсии классового врага» расценивались случаи, когда неопытные молодые рабочие на новостройках или наскоро обученные механизаторы на селе являлись виновниками поломки техники.

В национальных республиках, в том числе и в Узбекистане, всё шире велись репрессии против представителей творческой национальной интеллигенции и ответственных работников, пытавшихся отстаивать национальные приоритеты, сохранить исконные народные духовные ценности, вековые традиции и обычаи.

Дела так называемых «классово-враждебных элементов» уже с 1929 г. рассматривали «тройки» (первый секретарь райкома партии, председатель райисполкома и начальник местного отделения ГПУ). Рассмотрение дел было чрезвычайно упрощено. Осужденные направлялись на принудительные работы в отдаленные районы, либо в тюрьмы и лагеря.

До начала 30-х гг. репрессии были направлены главным образом на «классово-враждебные элементы» — кулаков, нэпманов, «буржуазных специалистов». При этом репрессированных было значительно больше, чем вообще населения этих групп.

В 1934 г. начался новый, ещё более мощный виток репрессий, захвативший партийных работников, духовенство, интеллигенцию. Толчком послужило убийство в Ленинграде, в Смольном, 1 декабря 1934 г. члена политбюро ЦК, секретаря ЦК и Ленинградского горкома партии С.М. Кирова, как впоследствии было установлено, тоже инициированное Сталиным, который опасался своего реального конкурента.

3. Методы репрессивной политики советской власти

Сталинизм серьёзно подорвал советскую культурную политику, вызвав глубокую деформацию духовной сферы общества как в целом по Союзу, так и в Узбекистане.

Вместе с тем, объективно оценивая этот период истории, было бы неверным утверждать, что в культурном строительстве второй половины 20 — начале 50-х годов XX в. наблюдался исключительно негатив. Благодаря открытому и скрытому противостоянию народа, его созидательным усилиям культурное развитие в рамках «красной империи» предстало в

виде сложного противоборства созидательных и деструктивных процессов.

Большевики выдвигали на первый план вопросы, затрагивающие интересы бедного населения. Так, газета «Правда Востока» писала: «Ликвидация безграмотности, введение всеобщего начального обучения, реформа школы, осуществление политехнического образования является одной из самых решающих предпосылок культурной революции» (газета «Правда Востока //1930, 8 июль).

В ходе культурного строительства, невзирая на тоталитарно-репрессивный режим, в соответствии с объективными потребностями общественного развития шли преобразования, которые способствовали становлению многих новых для Узбекистана отраслей науки, культуры, системы образования. Так, курс на форсированное ускорение «социалистического развития» народного хозяйства, культуры, взятый сталинским руководством в конце 20-х гг., XX в. способствовал повышению грамотности населения. Согласно постановлению директивных органов «О всеобщем начальном обучении», принятом в июле 1930 г., по всей стране, в том числе в сельской местности, создавались школы первой ступени, средние школы.

В соответствии с установкой Центра 30 сентября 1930 г.в Узбекистане также было принято постановление о введении всеобщего обязательного начального обучения. Постановление объявило обязательным обучение всех детей в возрасте от 8 до 10 лет. Введение всеобщего обязательного начального обучения решено было закончить уже в 1931–1932 учебном году. Одновременно вводилось обязательное обучение для переростков 11–15 лет, не прошедших курс начального обучения — для них предлагалось открывать двух- и трёхгодичные школы-курсы с созданием отдельных школ для девочек. Таким образом, расширялась сеть сельских школ, а также осуществлялось обязательное обучение в объёме семилетки во всех городах республики, фабрично-заводских и рабочих посёлках, намечалось повышение качества обучения и

проведение политехнизации школы. Были открыты начальные школы с обучением на таджикском, армянском языках.

Все это создавало базу для последующей подготовки многочисленных кадров — специалистов экономики, науки, духовной сферы, государственного управления. Именно в этот период в Узбекистане были открыты многие вузы, ставшие впоследствии кузницей национальных кадров. Так, в 1929 г. на базе инженерно-мелиоративного факультета, основанного в 1918 г. Туркестанского государственного университета открылся Среднеазиатский хлопково-ирригационный политехнический институт (САХИПИ, ныне ТГТУ), а в 1934 г. — Институт ирригации и механизации сельского хозяйства (ТИИИМСХ). На базе идеологического факультета Университета в 1935 г. был создан Педагогический институт (ныне — ТГТУ им. Низами). Был придан заметный импульс устойчивому развёртыванию сети научных и культурно-просветительных учреждений. Определённые достижения наблюдались в литературе и искусстве.

Однако, продолжающаяся идеологизация общественной жизни и культурного строительства во многом сдерживало полноценное развитие. Моноидеология исключала подлинно свободное, плюралистическое существование культуры. Мощное и нарастающее из года в год влияние тоталитарных форм жизни подчиняло себе культуру, не оставляя вне своего унифицированного воздействия ни одну её область. На решение главной задачи культурной политики — воспитание принципиально новой личности коммунистического типа как прочной клеточки искусственно создаваемого социалистического общественного организма были нацелены все средства массовой информации, литература, искусство, программы учебных заведений всех ступеней, даже процесс воспитания в группах детских садов.

Так, газета «Правда Востока» писала: «Необходимо добиться коренного перелома в перестройке методов работы органов народного образования на основе тесной связи со всей политической работой партии».

Сталинский режим, опираясь на ленинские традиции, добивался превращения человека из самобытной личности со своими нуждами и интересами в преданного бойца коммунистической партии, беспрекословно исполняющего волю вождя. Все институты культуры и карательно-принудительный аппарат использовались для установления жёсткого контроля над сознанием личности, её мыслями, внутренним миром.

Путём всех этих мер и без того ущербная ленинская доктрина «культурной революции» была примитивизирована до предела. Произошла перемена критериев. «Культурная революция» свелась к весьма ограниченному и формальному набору «показателей», преимущественно количественного характера.

Как писала газета «Правда Востока», большевики считали необходимым, культурную пятилетку подогнать к темпам хозяйственного роста.

Сталинская администрация, взяв на вооружение экстенсивный, командно-административный метод социалистического строительства, была способна решать лишь относительно примитивные задачи, легко выражаемые валовыми показателями: больше металла, больше специалистов, догнать и перегнать передовые страны по валовому производству. Невнимание к качеству работы на всех уровнях вырабатывало психологию равнения на «узкие места», загоняло внутрь нерешённые проблемы, консервировало отсталость, порождая вместе с тем преувеличенное представление об успехах и завышенную оценку возможностей.

В культурной сфере такой подход особенно заметно отразился на системе народного образования. На первый взгляд здесь были заметные успехи. Так, в 1940 г. количество общеобразовательных школ составило в Узбекистане 5,5 тыс., в них занималось более 1 млн. 300 тыс. учащихся. Число учителей достигло 36852. Кроме того, в республике действовало 30 высших и 98 средних специальных учебных заведений, в которых обучались, соответственно, 19,1 и 25,1

тыс. студентов. Количество дипломированных специалистов с высшим образованием возросло к этому времени до 20,2 тыс. а со средним специальным — до 35,1 тыс. человек.

Но за внешне внушительными цифрами количественного роста скрывались серьёзные изъяны и диспропорции. В частности, вследствие «остаточного принципа» финансирования народного образования чрезвычайно бедной оставалась материальная база учебных заведений, что сказывалось на качестве обучения школьников и студентов, профессиональной подготовке специалистов. Предельно низким был социальный статус учителей.

Кроме ориентации на валовые показатели серьёзное деформирующее воздействие на качество культурного строительства оказывал приоритет классового подхода. Исходя из тезиса «обострение классовой борьбы», сталинский режим повёл решительное наступление против всех социальных групп и слоёв, не вписывающихся в коммунистическую доктрину. Так, жесткая классовая линия проводилась при наборе в вузы и техникумы, закрывая доступ молодёжи с законченным школьным образованием, но не принадлежавшей к рабочему классу.

Принцип «классового подхода» действовал во всех сферах духовного производства, определяя репрессивную природу всей культурной политики. Это обедняло возможности здорового культурного роста, так как искажало само содержание культурных процессов. Гипертрофированно критическое отношение ко всему, что было унаследовано от дореволюционного прошлого, схоластические схемы воздвижения «пролетарской культуры» обедняли, лишали глубинного духовного смысла всё культурное строительство.

Процессы классово-идеологической нивелировки духовного производства не могли не затронуть и сферу национальных отношений. Вся методология советской национальной политики, культурных аспектов была построена на пренебрежении к этнической специфике народов бывшего Союза, в том числе Узбекистана. В соответствии с

марксистской теорией мировой социалистической революции все нации и народности должны были в ближайшее время слиться в единую «коммунистическую нацию», очистившись предварительно от всех национальных «нетрудовых» и «контрреволюционных» элементов. Исходя из приоритета, право на «выживание» сохранялось лишь за той частью нации, которая поддерживает идеалы Октября и по своему происхождению является бедняцко-пролетарской. Поскольку после «революционной чистки» на передний план выходит классовое, а не национальное самосознание, то последнее должно отмереть, так как все национальные особенности расценивались как тормоз для торжества коммунистической идеи. Осуществить влияние наций и народностей на новую историческую общность, по мысли идеологов большевизма, были призваны принципы пролетарского интернационализма и опролетаризованная русская культура.

В складывающейся советской империи действовали и иные факторы. Прежде всего шло подавление национального самосознания, которое могло бы стимулировать стремление народов национальных регионов к обретению государственного суверенитета. В этом отношении тотальная нивелировка наций и народностей, наряду с активным вытеснением национальной идеи классовой, призвана была содействовать укреплению имперских основ советского государства.

В системе карательных мер, нацеленных на разрушение национального самосознания, сталинский режим активно использовал апробированные ещё в годы «военного коммунизма» масштабные акции по борьбе с «буржуазным национализмом» — гонения против национальной интеллигенции, выступавшей за сохранение национальных культурно-духовных ценностей.

В идеологическом плане сталинская администрация всеми мерами обеспечивала гегемонию «пролетарской идеологии» и принципов партийности в литературе, искусстве. С использованием разнообразных средств государственного

давления повсеместно «сверху» насаждалась культура «социалистическая по содержанию, интернациональная по духу». Правда, делался реверанс в сторону сохранения национальной специфики, но речь шла исключительно о форме. Национальное сохранялось лишь во внешнем декоре.

В стратегии подрыва национального фактора и подавления общественного и индивидуального сознания сталинское руководство широко использовало политику системной «русификации». При этом оно, вслед за царизмом, неизменно выступало от имени русского народа, что, «в конечном итоге способствовало восприятию народами национальных окраин русской нации в качестве «имперской». Но, безусловно, правы Д.А. Алимова и А.А. Голованов, отметившие в этой связи, что «...важно отделить народ от неправых действий правящего режима. Русский народ сам испытал неисчислимые тяготы как в условиях царского самодержавия, так и советского тоталитаризма».

Усилилось в исследуемый период наступление и на религию, и в особенности на Ислам. В ходе тотального «освобождения» от «религиозного дурмана» было уничтожено огромное количество старинных рукописей по исламской теории, мечетей, медресе, конфисковывались святые реликвии. Репрессиям подвергались и представители духовенства. Даже хранение нерелигиозной литературы, но изданной на арабской графике, каралось заключением сроком от 10 до 15 лет.

Развернулась борьба и против такой повсеместно распространённой формы национального самосознания, как народно-религиозные обычаи и традиции в сфере быта, семьи, образа жизни. Взамен искусственно насаждалась надуманная советско-интернациональная обрядность, внедрялись «революционная» символика, чуждые народу «социалистические» ритуалы.

Вся эта кампания сопровождалась выступлениями прессы: «Вся политико-просветительная и культурная работа должна получить увязку с задачами социалистического строительства.

Она должна быть пропитана марксистско-ленинским содержанием».

Все сказанное позволяет заключить, что в этот период в Узбекистане, как и во всем бывшем СССР, шло активное закрепление тоталитарной модели «культурной революции». Репрессии коснулись прежде всего духовной сферы, лишая творческих работников стремления к созидательному труду. Подавлялось национальное самосознание; результатом действия всеобъемлющей контролирующей государственной машины, невзирая на сопротивление снизу, становилось господство единой и всеисильной государственной идеологии.

Ленинско-сталинская политика всеохватного идеологического натиска, её смыкание с акциями нарастающих политических репрессий, наложили серьёзный негативный отпечаток на процессы культурного строительства в Узбекистане, вызвав глубокие изменения духовной сферы.

Сталинизм сумел внедрить тоталитарную модель духовного производства. Но это была пиррова победа. Несмотря на массовые репрессии узбекский народ никогда не оставлял надежды на национальное и социальное освобождение. Сталинизм сумел заложить мощный механизм торможения во всех сферах общества, в том числе в духовной, но, в конечном итоге, этот же механизм вызвал системный кризис и падение советского тоталитаризма.

4. Политика коллективизации

Активно реализуя свою «программу построения социализма в отдельно взятой стране», большевистские идеологи уделяли большое внимание социалистическому преобразованию на селе. Выполняя программу построения социалистического общества – индустриализация, коллективизация, культурная революция, руководство страны предполагало провести кардинальные изменения в сельском хозяйстве. Колхозный строй на всём протяжении существования советской власти сумел обеспечить страну хлебом, среднеазиатские республики внесли огромный вклад в достижения страной хлопковой

независимости. Но все проведённые реформы сельского хозяйства сопровождались огромными физическими и моральными потерями, которые, в свою очередь, затормозили развитие не только сельского хозяйства, но и общества, и страны в целом примерно на 100 лет.

Коллективизация проводилась с нарушениями принятых постановлений, сроков, темпов и методов проведения. Также она сопровождалась невиданными репрессиями сельского населения. Одним из главных негативных последствий коллективизации было разрушение традиционной системы хозяйствования, которая складывалась веками, поставив тем самым дехкан в полную зависимость от государства. Дехканин был полностью лишен возможности участвовать творчески, опираясь на вековые традиции хозяйствования.

Начиная «третью революцию» в конце 1928 г., которую Сталин считал самой важной из всех революций (Февральской и Октябрьской), преследовались две цели: окончательно решить зерновую проблему и найти деньги для индустриализации страны. Но столкнувшись напрямую с крестьянами, Сталин увидел в них политического противника, который был в состоянии отобрать у партии большевиков политическую власть. Это и подтолкнуло его к началу «третьей революции», которая сопровождалась невиданными репрессиями. В перспективе именно этот шаг Сталина создал демографическую пропасть, которая проявилась в первые десятилетия XX века, а в конечном итоге было подорвано духовное состояние народа, что также сказалось десятилетия спустя. Такова, в конечном счете, оказалась подлинная цена сталинской коллективизации.

По своей сути коллективизация была направлена на выживание из села обеспеченных людей (даже мало-мальски), которые обладали предпринимательскими способностями и проявили свои навыки в земледелии. У кулаков изымали все — землю, скот, инвентарь, предметы личного обихода. Часть кулаков расстреливали, большинство выселяли в места, непригодные для проживания. Бывшие

кулаки лишались избирательных прав и предавались под надзор спецкомендатур. Преследовали и тех, кто уже не имел кулацкого хозяйства и вообще порвал с деревней. Их отыскивали по всей стране и отправляли в ссылку или в лагерь. Для совершения быстрого скачка в обеспечении страны продовольствием, проведении индустриализации, достижении хлопковой независимости большевики могли рассчитывать лишь на самую бедную часть сельского населения. К началу коллективизации «раскулачивать» было уже некого, кулаками стали называть вообще крепких в труде середняков и бедняков. Коллективизация сельского хозяйства стала рубежным событием в истории страны. Большевики предприняли первую попытку регламентировать социальную жизнь многомиллионного крестьянства. Это послужило началом массового сталинского террора.

Проведя коллективизацию, компартия добилась разрушения традиционных основ крестьянской общины, поставив на её место принудительную структуру аграрного производства, социалистического по форме. Дехкане были обложены данью в форме обязательных поставок сельхозпродукции, что обусловило бюрократизацию сельской жизни. Самых видных и уважаемых представителей сельского населения заставляли замолчать, священнослужителей арестовывали, тех представителей сельской интеллигенции, которые не желали становиться агентами государства, репрессировали всеми существующими тогда способами. На зажиточных также навешивались ярлыки «кулаков». Раскулачивание проводилось путем внесудебного рассмотрения дел, которое проводило Особое совещание, «тройки» и «двойки», состоявшие из секретаря райкома, председателя райисполкома и руководителя местного ГПУ и прокуратуры. Высылка среднеазиатских «кулаков» проводилась поэтапно в заранее определённые районы страны. началась она весной 1930 г., в основном люди высылались в Сибирь, на Урал, Северный Кавказ, на строительство «Беломорканала». С 1931 г. депортации «кулаков» придали целевое значение: «спецпереселенцев» стали использовать для

развития хлопководства за пределами Средней Азии. Решено было отправить их в Ставропольский край, Херсонскую область Украины, где впоследствии были созданы хлопководческие районы. Раскулаченные из Ферганской долины, Самарканской, Бухарской, Сурхандарьинской областей и 15 районов (700 хозяйств) из Таджикистана были «расквартированы» в Арзгирском, Дивенском, Прикумском и других районах Ставрополя. Значительная часть среднеазиатских «кулаков и баев» была выселена в специально созданные трудовые поселки – совхозы «Баяут», «Савай», «Булунгур», «Учкурган», «Дальверзин», «Хазарбог», «Норин» и др. Всего таких поселков было 24. Постановление Политбюро ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. официально закрепило репрессивную политику власти к мало-мальски зажиточному населению и резко обострило ситуацию. Главной целью коллективизации сельского хозяйства было перекачивание средств из деревни в город на нужды индустриализации, ликвидация кулачества как класса, распространение влияния государства на частный сектор сельского хозяйства, ликвидация «аграрного перенаселения». В Средней Азии, в том числе и Узбекистане, коллективизация проходила сложно: искусственно форсированные темпы принесли неисчислимые бедствия населению. Она явилась результатом не массового добровольного движения дехкан в колхозы, а насильственной акцией, которая стала трагедией для тысяч дехканских семей среднеазиатского кишлака. Противодействие коллективизации было настолько сильным, что против неё выступали целыми, и даже сельсоветы поддерживали это. Выступления против аграрной политики большевиков и советской власти называли «кишлачной контрреволюцией», и направляли все силы для её подавления. Коллективизация привела к отчуждению крестьян от собственности и результатов своего труда, были ликвидированы экономические стимулы развития сельскохозяйственного производства. Цель – создать крупные хозяйства – была достигнута, но за это пришлось заплатить

непомерную цену. Коллективизация разрушила привычный уклад жизни кишлака, многовековые традиции и опыт дехкан. Из жизни кишлака ушли трудовая этика, национальные нравственные устои, основанные на трудолюбии, бережном отношении к воде и земле, и др. Сегодня можно сделать вывод, что коллективизация в сталинской её форме не диктовалась исторической неизбежностью. Её не надо было проводить такими темпами и в такие сроки, с такой жестокостью. Это было ошибочное политическое решение, которое на долгие годы подорвало сельскохозяйственное производство Узбекистана, уничтожило узбекское дехканство, почти на столетие осложнило демографическую и кадровую проблемы и нанесло невосполнимый ущерб духовному состоянию народа.

Ключевые термины.

Либерализация огосударствленной экономики. Национально-территориальное размежевание. Репрессивная политика. Политический террор. Коренизация местных органов власти и управления. Атеистический и классовый экстремизм. Национальный вопрос. Национал-уклонисты». Псевдонациональная государственность. «Культурная революция». Моноидеология. Административно-тоталитарная система. Государственный бюрократизм. Репрессивно-карательный аппарат. «Революционный» радикализм. Нэповский либерализм. Идеологизация общественной жизни. Принцип «классового подхода».

Вопросы и задания.

1. В чём сущность либерализации огосударствлённой экономики в годы НЭПа?
2. На каких условиях проходило национально-территориальное размежевание и образование Узбекской ССР?
4. Перечислите методы репрессивной политики советской власти.
5. Какими путями проходил процесс коренизации местных органов власти и управления?

6. Объясните понятие «атеистический и классовый экстремизм», «революционный» радикализм.

7. Каким образом проводилась идеологизация общественной жизни?

8. Какие органы власти входили в состав репрессивно-карательного аппарата?

Тесты.

1. Когда столица Узбекской ССР была в г. Самарканде?

А) 1925 год с февраля до 1930 года

В) 1925 год с апреля до 1930 года

С) 1928 год с сентября до 1931 года

Д) 1932 год с августа до 1935 года

2. Когда был репрессирован Шамсуддин Бадриддинов, который, якобы, был управляющим незаконной организации?

А) 1936 г.

В) 1934 г.

С) 1932 г.

Д) 1939 г.

3. Когда был запущен Ташкентский сельскохозяйственный машиностроительный завод?

А) 1931 г.

В) 1932 г.

С) 1933 г.

Д) 1934 г.

4. Какая группа была репрессирована в 1929–1930 годы в Узбекистане?

А) Касимовы

В) Инагамовы

С) Восемнадцать

Д) Шассидиновы

5. Какая газета писала: «Необходимо добиться коренного перелома в перестройке методов работы органов народного образования на основе тесной связи со всей политической работой партии?»

А) «Правда Востока»

- В) «Звезда»
- С) «Ленинград»
- Д) «Москва»

6. Что официально закрепило репрессивную политику власти?

А) Постановление Политбюро ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г.

В) Постановление Политбюро ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств» от 30 января 1930 г.

С) Постановление Политбюро ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 20 февраля 1931 г.

Д) Закон «О ликвидации кулацких хозяйств»

7. Когда официально была прекращена коллективизация в Узбекистане?

А) 1932 г.

В) 1938 г.

С) 1940 г.

Д) 1936 г.

8. Что такое «тройки» и «двойки»?

А) особое совещание по внесудебному рассмотрению дел раскулачивания

В) особое совещание по рассмотрению уголовных дел

С) политические направления и течения

Д) оценки

9. Когда проводилась коллективизация на территории Узбекистана?

А) 1930–1932 годы

В) 1934–1939 годы

С) 1932–1936 годы

Д) 1933–1938 годы

10. Против кого были направлены массовые репрессии в 30-е годы XX века?

А) Национальных кадров, управляющих республикой

В) Против знаменитых писателей и поэтов

- С) Против управляющих партии и хозяйства
- Д) Правильного ответа нет

Рекомендуемая литература.

1. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. В кн.: Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. — Ташкент, Узбекистан, 1999. Т. 7. — с. 128—152.

2. Мирзиёев Ш.М. Буюк келажегимизни мард ва олижаноб халкимиз билан бирга курашимиз. Т.: Ўзбекистон, 2017.

3. Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1996. С. 6.

4. История Узбекистана. Учебник для ВУЗов. Ташкент: «Fanvatexnologiya»-2011.

5. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925—1953 гг.). — Т. «Tafakkur», 2011.

6. Conquest Robert. The great terror. Oxford University Press, USA. 2007. Paje 608. 40-th Anniversary edition. ISBN-13: 978-0195316995, ISBN-10:0195316991.

7. Ўзбекистоннинг Янги тарихи. Т. 2. Ўзбекистон Совет мустамлакачилиги даврида. — Т., «Шарк», 2000.

ТЕМА 7. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ В 20–30-Е ГГ. XX ВЕКА. НАУКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

План лекции:

1. «Социалистическая модернизация» образовательной сферы.
2. Преследование учёных и преподавателей.
3. Влияние идеологических процессов на науку в 20–30-х гг. XX в.

1. «Социалистическая модернизация» образовательной сферы

История свидетельствует, что в рассматриваемый период в развитии среднего специального и высшего образования в Узбекистане имели место известные нам достижения. Как уже отмечалось, широко развернувшаяся в 20–30-х гг. реконструкция народного хозяйства, потребности становления и развития социалистической экономики и культуры, задачи масштабного переустройства общества объективно выдвинули на передний план проблему повышения общей грамотности населения, подготовки квалифицированных специалистов. В соответствии с этим предпринимались энергичные усилия по массовой ликвидации неграмотности, развертыванию сети школ, средних и высших учебных заведений.

Вместе с тем «социалистическая модернизация» образовательной сферы сопровождалась глубокими деформациями. Здесь, как и по другим направлениям советского культурного строительства, отчётливо проявлялись идеологические императивы, активно использовались открытые и завуалированные методы государственного насилия, политического террора. Причём, на характер их проявлений определяющее воздействие оказывали два фактора.

Первый был связан с самой философией ленинской «культурной революции», определяющей силовое переустройство духовной сферы на социалистических началах. Советская

образовательная система возвращалась в послеоктябрьских реалиях на почве идейно-теоретических позиций классовой борьбы, повсеместного насаждения коммунистического мировоззрения. Осуществляя образовательную политику в рамках социалистического наступления, партийно-политическая элита советского государства твёрдо руководствовалась указаниями Ленина, который подчёркивал, что «школа должна стать орудием диктатуры пролетариата, т.е. не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата (читай компартия — авт.) на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс, в интересах полного подавления сопротивления эксплуататоров и осуществления коммунистического строя».

Второй фактор обуславливался стратегией и логикой тоталитарной эволюции советского государства, политикой «великого перелома», со свойственными ей крайними формами радикализма и экстремизма, нагнетанием политической истерии и атмосферы «классовых боёв».

В этой связи уместно заметить, что с приходом большевиков к власти советский политический режим изначально получил тоталитарный вектор развития. Экономические предпосылки такого варианта создавались национализацией средств производства, политические — уничтожением оппозиции и инакомыслия. В условиях нэповского курса наблюдалось определенное ослабление тоталитарных начал. Политический режим того времени можно характеризовать как авторитарный, который, в отличие от тоталитарного, создает частичные возможности для выражения социальных интересов, а отношения государства и личности, хотя и построены больше на принуждении, чем убеждении, но без применения средств вооруженного насилия и массовых репрессий.

С развёртыванием же сталинской революции «сверху», утверждением плановой экономики в ходе индустриализации и коллективизации, а также единомыслия и единогласия

завершается становление тоталитарного режима (конец 20-х – начало 30-х гг. XX в.), уничтожение экономической свободы индивида, без которой нет ни политических прав и свобод, ни личных прав граждан.

Контроль ментальности, содержания индивидуального и массового сознания – самая важная отличительная черта советского строя, которая обернулась интеллектуальной и творческой несвободой, информационным вакуумом. Именно для утверждения тоталитарного контроля над ментальностью уничтожалась оппозиция и инакомыслие (20-е гг. XX в.), а затем в ходе массового произвольного террора утверждалось единомыслие и единогласие, которое сопровождалось формированием «нового типа общественного сознания», путём проведения активной пропагандистской работы в периодической печати.

Именно произвольность репрессий является пугающим фактором, так как никто не застрахован от произвола. Но в страхе долго жить нельзя, страх меняет биохимию организма. И человек, спасаясь от страха, начинает приспособливаться к требованиям режима в мыслях и делах, иными словами, сливаться, идентифицироваться с существующей системой. Таким образом, основное назначение репрессий – обеспечить идентификацию, слияние индивида с системой.

Идентификация обеспечивает успех веры в тоталитарный режим, в условиях СССР – веры в социализм. В данном случае вера выступала в качестве оборотной стороны страха, спасения от него, давала так называемые гарантии.

Лишённый гражданских прав человек мог получить их только через обращение к структурам партии и личности вождя, т.к. наиболее характерными чертами тоталитарных режимов является не только жёсткий контроль за всеми сферами жизнедеятельности человека со стороны партии и государства, но и опора в массах, достигаемая как с помощью идеологического манипулирования и массового террора, так и благодаря тому, что эти режимы на каком-то отрезке времени могут быстро решать и некоторые общенациональные задачи.

Крайне важной функцией развязанных в сталинское время репрессий стало дробление, атомизация общества, разрыв всех связей: а) семейных (сына принуждали отказываться от отца, жену от мужа, родственники боялись приютить детей репрессированных и т.д.); б) профессиональных (действовал принцип «больше трёх – не собираться»); в) национальных (этноты перемешивались в котле репрессий) и др.

Стремясь установить всеохватный контроль над индивидом и обществом, сталинская администрация уже в середине 20-х гг. объявила «пролетарский поход» в духовную сферу, ориентированный на нейтрализацию всех форм некоммунистического сознания, уничтожение «классовых врагов», в том числе и в системе образования. Применительно к Узбекистану одна из главных задач в этом отношении виделась в классовом пресечении «борьбы байства и духовенства» за школу, обеспечение полной коммунизации образовательного комплекса.

В соответствии с решением этой задачи, сразу же вслед за образованием Узбекской ССР, союзное руководство нацелило правительство республики, с одной стороны, на расширение и укрепление советской «единой трудовой школы», с другой – на ликвидацию традиционных мактабов.

Во второй половине 20-х гг. попала под удар получившая с переходом к НЭПу возможность возрождения мусульманской системы образования. Так, состоявшийся в марте 1927 г. II съезд Советов Узбекистана в русле идеологических установок ЦК ВКП (б) поставил конкретную цель: «В ближайшие сроки закрыть конфессиональные школы, не давать им возможности существовать, ибо они являются вредными, ...портят наших детей».

Данный идеологический императив, безусловно, носил репрессивный характер, и его практическая реализация предполагала активное использование методов политического насилия.

Партийно-советское руководство чрезвычайно тревожило, что к моменту провозглашения Узбекской ССР

конфессиональная школа количественно превосходила сеть советских школьных заведений. Так, подавляющее число мусульманских старометодных мактабов и медресе приходилось на западные области Узбекистана, ранее входившие в Бухарскую и Хорезмскую советские республики. В 1925–1926 учебном году таких школ насчитывалось 1329. В восточных областях, составлявших часть территории бывшей Туркестанской АССР, действовало 250 конфессиональных школ. Между тем число советских школьных учебных заведений в республике составляло только 908. При этом местное население, отдавая предпочтение традиционному мусульманскому образованию, материально поддерживало старометодные мактабы, содействовало их открытию, особенно на селе. Например, в 1925–1926 учебном году дехканами на свои средства было построено 26, а на следующий год – 39 конфессиональных школ.

Направляя политику атаки на традиционный жизненный уклад местного населения, сталинская администрация потребовала от Наркомпроса УзССР интенсивного проведения в жизнь ленинского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, обеспечения в системе образования монополии советской модели обучения и воспитания. В контексте реализации данной задачи вновь обрушились гонения на религиозные учреждения, активизировались акции огосударствления вакфов.

С конца 1925 г. для вакфов, мусульманских мактабов, медресе Узбекистана и всей Центральной Азии начался самый трудный период в их многовековой истории. ЦИК Советов УзССР 14 декабря 1925 г. принял специальное постановление о вакфах, которым изменялся порядок их эксплуатации и использования полученных от них доходов. При этом вакфная собственность религиозных культурно-просветительных учреждений объявлялась собственностью государства. Эти меры в сочетании с принудительно-конфискационными акциями властных органов серьезно подорвали материальную базу мусульманских мактабов и медресе.

Одновременно велась работа по уничтожению старометодного образования. В 1926 г. было принято правительственное решение о ликвидации в течение двух лет всех старометодных школ или переходе их на унифицированную советскую учебную программу. Учителя конфессиональных мактабов могли пройти курсы переподготовки. Причём средства на эти цели должны были выделять вакфы. Тем не менее, несмотря на ужесточение правительственного курса, старометодная школа сохраняла ещё довольно сильные позиции. В 1926–1927 учебном году насчитывалось 1305 старометодных мактабов с контингентом 9609 учащихся, 457 карыхона, где обучались 1484 ученика. Чтобы реально ослабить конфессиональную школу, в том же году директивными органами было предложено закрыть «старые мактабы» во всех сельских районах, где имелись единые «трудовые школы», и без санкций Окружного отдела народного образования не открывать новых. Однако часть мактабов всё же не была ликвидирована и действовала подпольно.

В начале 1927 г. ЦК Компартии Узбекистана, по указанию Центра, объявил решительное наступление на всех фронтах идеологической борьбы «нового со старым» и, прежде всего, против религиозного сознания. Основываясь на партийно-идеологических установках, правительство республики упразднило в августе 1927 г. Главное вакфное управление и его местные органы, а все вакфное имущество было передано в ведение Наркомпроса Узбекистана. А уже в сентябре 1927 г. все виды вакфов — культурно-просветительные, религиозные были объявлены собственностью местных Советов. Правда, ЦИК и Совнарком республики, лишив мактабы, медресе и мечети земли, торгово-ремесленных заведений и помещений, сделали исключение для мечетей, разрешив местным Советам в «установленном порядке», по ходатайству религиозных общин, передавать здания мечетей «для нужд религиозного культа», но параллельно усилилась антирелигиозная пропаганда. Было специально организовано общество «Курашган худосизлар» («Воинствующие безбожники»), призванное содействовать повсеместному утверждению атеистического сознания.

В ноябре 1928 г. III сессия ЦИК Советов Узбекистана в соответствии с «генеральной линией» партии приняла постановление об окончательной ликвидации конфессиональной школы.

Это постановление явилось завершающим актом последовательной ликвидации конфессиональной модели школьного образования в послеоктябрьский период: все сохранившиеся ещё мусульманские мактабы были закрыты, а количество медресе — резко сокращено. Тем самым методом административно-силового принуждения оказалось закреплено монопольное положение советской модели образования, занимающей приоритетное место в государственном механизме отформовки марксистского мировоззрения и коммунистического воспитания молодых поколений. Уже в 1929 г. количество советских школ достигло 2238, где обучались 157 тыс. человек.

Завуалированную направленность скрытого идейно-политического насилия носили акции по введению в Узбекистане, как и в других национальных республиках «советского Востока», латинского алфавита вместо арабского, а затем кириллицы. Эти акции ускорили развитие советской модели образования, всего духовного производства.

Надо сказать, что в принципе объективная потребность в «латинизации» узбекской письменности назрела, о чем свидетельствует современная реформа узбекского алфавита.

Дискуссии о целесообразности перевода арабской графики, применяемой в зоне проживания мусульманских народов, на латинскую развернулась ещё в начале XX века. Дело в том, что арабский алфавит был внедрён в ходе арабского завоевания. Арабский алфавит был заимствован в большинстве случаев механически. Он оказался сложным и не соответствовал фонетике национальных языков. Например, система арабских букв слабо передавала систему звуков узбекского языка.

Попытки приспособить арабский алфавит с помощью добавочных значков к передаче звуков узбекского языка чрезвычайно затрудняло книгопечатание. Средствами

арабского алфавита плохо выражались также оттенки узбекского языка, что затрудняло обучение в школе, тормозило процессы просвещения широких народных масс. Аналогичная ситуация наблюдалась и среди других народов мусульманского вероисповедания. Вследствие этого ряд стран, к примеру Турция, добровольно перешли на латинский алфавит. Однако, в условиях «советского Узбекистана» реформа алфавита приняла явно неадекватные общественным потребностям формы. Она осуществлялась поспешно, волюнтаристски — приказными методами, без должного учёта интересов местного населения, что нанесло серьёзный урон духовной жизни узбекского народа, усугубив разрыв с его историческим прошлым.

Документальные источники свидетельствуют, что политика ускоренной латинизации определялась рядом факторов. Впервые, она рассматривалась союзным руководством в качестве одной из предпосылок подготовки грядущей «мировой социалистической революции». Разрабатывались даже проекты перевода на латиницу русского языка, чтобы легче было установить диктатуру пролетариата в латинизированном Западе. Но в большей мере она была нацелена на отторжение мусульманских народов от исламской религии, утверждение коммунистического атеизма. Доказательством тому служат факты развернувшихся гонений за хранение книг на арабском языке или изданных на основе арабской графики.

Установка Центра на проведение реформы алфавита была принята ещё в начале 20-х гг. XX в. В целях её обеспечения в 1922 г. при Наркомате по делам национальностей была создана специальная комиссия по реформе письменности народов «советского Востока». В национальных республиках развернулась соответствующая идеологическая работа. Союзное руководство, пытаясь использовать назревшую потребность в реформе алфавита в своих политических целях, настойчиво внедряла мысль о своей неустанной заботе о национальном развитии бывших колониальных народов. И немало людей искренне верили в эти декларации.

Руководство СССР уделяло пристальное внимание внедрению латинизированной письменности в Узбекистане. В официальных документах тех лет подчеркивалось: «Как осуществление индустриализации страны невозможно без развития и усовершенствования техники, так и дело культурного строительства в Узбекистане требует для достижения максимального эффекта перевода письменности на новый усовершенствованный узбекский алфавит. Начиная с 1925 г. в Узбекистане по рекомендации центральных властных органов стали создаваться общества друзей нового алфавита. В 1926 г. на IV сессии ЦИК Советов УзССР был образован Центральный комитет по новому узбекскому алфавиту, председателем которого утвердили Юлдаша Ахунбабаева. Через некоторое время были созданы окружные отделы.

Разработанный Центральным комитетом план обязывал всех преподавателей городских и кишлачных опорных школ первой и второй ступени, а также профтехнических заведений и совпартшкол изучить новый узбекский алфавит «в течение первого триместра 1927—1928 учебного года в объёме, необходимом для преподавания». Затем предполагалось охватить учёбой основную массу учителей республики.

Согласно директивным установкам, намечалось ввести изучение нового алфавита в системе образования со второго триместра 1927—1928 учебного года. При этом рекомендовалось вести занятия по узбекскому языку и частично по другим предметам на новом алфавите. Однако учебников, основанных на новой письменной графике, не хватало, поэтому практические занятия шли параллельно на двух алфавитах.

С начала 1928—1929 учебного года в общеобразовательных школах и средних учебных заведениях были введены отдельные часы для овладения латинизированной письменной графикой. Учащиеся учились читать и писать на новом алфавите. Одновременно в том же году было введено обязательное изучение алфавита с первого класса в городских школах I ступени, в сельской местности эта акция стала предприниматься с 1929—1930 учебного года. К этому времени

было полностью прекращено печатание учебников и учебных пособий с арабским алфавитом.

Новый алфавит с 1928 г. организованно изучался служащими всех учреждений. Через два года на него было переведено делопроизводство сначала в городах, позже в сельской местности. На латинизированный шрифт переводились все издания общественной, научной и художественной литературы.

Предпринятые меры позволили быстро ввести в республике латинскую графику. В историческом плане данная акция, безусловно, была позитивной. Но в условиях социалистической действительности методы её ускоренного проведения, идеологическая сверхзадача, предполагавшая использование латиницы в качестве вытеснения религиозного сознания, совмещаясь с уничтожением традиционной системы образования, обусловили серьёзные негативные проявления. Главное из них заключалось в том, что тотальный отказ от арабской графики привёл к утрате связи народа с тем языком, на котором создавалась его богатая древняя культура. Это вызвало негативную реакцию у многих представителей национальной интеллигенции Узбекистана, выступавших за сохранение исконных национально-духовных ценностей, культурного наследия тысячелетнего прошлого.

Такая позиция оценивалась правящими верхами как попытка «феодално-буржуазной реставрации», «сопротивление классовых врагов». Так, в резолюции III пленума ЦК КП (б) Уз (16 октября 1929 г.) «О развитии просвещения в связи с общими задачами социалистического строительства» подчеркивалось: «Борьба за школу, за овладение новым подрастающим поколением со стороны байства и духовенства, агитация их против организации советской школы (классовой, безрелигиозной школы), сопротивление внедрению в массы нового узбекского алфавита — всё это является разнообразными видами и формами борьбы против пролетарской культуры со стороны наших классовых врагов». Подобная оценка служила идеологической основой

развязывания массовых репрессий, политических гонений как в системе образования, так и по другим направлениям культурной жизни.

Между тем руководство страны не ограничилось поспешным введением латинской графики. Уже с начала 30-х гг. в высших властных структурах советского государства стали смещаться акценты в языковой политике в сторону насаждения доминанты русского языка, который призван был стать языком межнационального общения.

Идеологию нового подхода в отношении межнационального языка и национальной политики в целом озвучил И. Сталин в своем выступлении 27 июня 1930 г. на XVI съезде ВКП (б). В частности, он заявил: «Надо дать национальным культурам развиваться..., выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране, когда пролетариат победит во всём мире и социализм войдёт в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре».

Прежде всего, было решено положить конец экспериментам с русской национальной письменностью. В январе 1930 г. политбюро ЦК ВКП (б) дало указание прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита, которая ранее рассматривалась как условие приобщения русского и иных языков к «передовой» европейской культуре. 12 лет советской истории превращали этот проект в явный анахронизм. По верному замечанию российского исследователя А.И. Вдовина, «...формально СССР уже являлся страной социалистической (значит, передовой) культуры, а латинизированный Запад — буржуазной (значит, отсталой). Вместе с тем победа мировой революции становилась всё более проблематичной и всё далее отодвигалась за горизонт обозримого будущего, а объективные интересы СССР требовали знания единого межнационального языка от всех его граждан».

Обстоятельствами исторического развития таким языком с давних пор становился русский, и власть выступила за признание этой роли вместе с кириллической основой его письменности. Латинизация стала представляться искусственной преградой, загораживающей нерусскому населению доступ к средствам межнационального общения. Преграду было решено устранить, а средство межнационального общения распространить, по возможности, как можно шире. В октябре 1933 г. комиссия под руководством М.И. Калинина признала по сути бесполезной дальнейшую работу по унификации письменности народов страны на основе латиницы и предложила заменить латинизированный алфавит у народов «национальных окраин» русским алфавитом. Практически перевод на кириллицу всех письменностей народов СССР начался после выхода постановления Президиума ЦИК СССР от 1 июня 1935 г.

Непосредственно в Узбекистане перевод с латинской письменности на кириллицу стал предприниматься в 1937–1939 гг. В какой-то мере такой переход давал определённые материальные и тактические преимущества — русская графика облегчала издание учебников для всех классов школ и иных учебных заведений, их типографское исполнение. При этом следует признать, что латинизированный алфавит, который был принят лишь несколько лет назад, не успел ещё стать органически присущим узбекскому языку. С ним так и не освоилось старшее поколение, всю жизнь пользовавшееся арабским алфавитом, и не так уж много молодёжи получило образование на узбекском языке с латинизированной графикой.

Переход с латиницы на кириллицу внешне был менее болезненным, чем отказ от арабского алфавита. Но, по сути, данная акция имела далеко идущие последствия. В-первых, очередная смена алфавита привела к тому, что немалая часть населения вновь оказалась неграмотной. Но главное заключалось в том, что закрепление русификации духовного производства в республике осуществлялось в насильственном отрыве самобытной культуры узбекского

народа от глубоких национальных корней, его отчуждении от коренных нравственных и духовных ценностей, разрушении национального самосознания. Так, уже в 1938 г. союзным правительством было принято специальное постановление об обязательном изучении русского языка в национальных школах за счет максимального сокращения часов, выделяемых на изучение родного языка. В 1940 г. директивно была введена кириллица. Наравне с воздвижением русского языка в ранг государственного данная мера способствовала резкому сужению пространства и возможностей развития узбекского языка. Фактически он низводился до уровня второстепенного, была угроза утраты его оригинальности и самобытности.

Материалы архивов убеждают, что с утверждением сталинского режима углубились деструктивные тенденции в постановке учебно-воспитательного процесса в образовательной сфере, усилились его скрытые классовые и репрессивные аспекты. Так, уже на рубеже 20–30-х гг. XX в. были предприняты решительные меры по предельной идеологизации всей школьной деятельности, строгой подчиненности дела обучения и воспитания интересам правящей коммунистической партии.

Особое внимание было уделено перестройке учебных программ, повышению роли общественных дисциплин, рассматриваемых партией в качестве действенного средства идейного воспитания и овладения молодежью марксизмом-ленинизмом. Сталинская администрация стремилась унифицировать не только учебные программы, но и методику обучения. Она не столько нуждалась в воспитателях, сколько в послушных предметниках-функционерах, неуклонно проводящих «генеральную линию» партии.

Одним из ключевых директивных документов, нацеленных на принудительную тотализацию учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях, стало принятие в августе 1933 г. постановления ЦК ВКП (б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе». В нем говорилось о необходимости усиления классовой направленности учебного

материала, указывалось на недостаточность марксистского подхода к изучению общественных предметов, подчеркивалась важность изучения истории ВКП (б). Причём, каждый из пунктов этого постановления был ориентирован на усиление идейной зашоренности учащихся, на воспитание школьников в духе ортодоксального марксизма. Этой же цели были подчинены и другие постановления ЦК партии «Об учебниках для начальной и средней школы» (16 мая 1934 г.), «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (16 мая 1934 г.) и др.

Как и в системе школьного образования, глубокой деформации подвергся в 30-х гг. XX в. учебно-воспитательный процесс в средних специальных и высших учебных заведениях. По мере укрепления сталинского репрессивного режима он всё зримее приобретал тоталитарную направленность. Так, немалую роль в укреплении тенденций предельной идеологизации всей постановки учебно-воспитательной работы в образовательной сфере, в том числе вузов и техникумов, сыграл выход в свет в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП (б)», ставший единственным и обязательным источником по истории партии, а фактически и послереволюционного периода страны. В специальном постановлении ПИ пленума ЦК КП (б) Узбекистана (сентябрь 1938 г.) утверждалось, что «Краткий курс» является образцом научной исторической мысли и теории, «...имеет всемирно-историческое значение, поднимает дело изучения истории ... на огромную теоретическую высоту».

Оценки и выводы, изложенные в «Кратком курсе», несмотря на фальсификацию, стали концептуальной основой всей постановки учебно-воспитательной работы. По существу вся история страны и республики была сведена к изучению истории большевистской партии, которая рассматривалась как подтверждение «силы и жизненности марксистско-ленинской теории», «решающей роли и значения партии в борьбе пролетариата за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм».

Глубоко политизированными и классово-ограниченными оказались и другие общественные дисциплины, которые подавались исключительно сквозь «практику социалистического строительства», служили целям закрепления догматизированного коммунистического мировоззрения у студенческой молодёжи. Так, в 1936 г. ЦК ВКП (б) принял специальное постановление «О перестройке преподавания политической экономии» и «О программе и учебнике политэкономии». В нем под маской борьбы «против проявлений схематизма и схоластики» в изучении экономической науки указывалось на «неправомерность положения, когда основное внимание уделялось периоду капитализма и недостаточно раскрывались закономерности социализма». Было решено ввести в практику преподавания вместо экономической политики, как это было ранее, курса политической экономии социализма, где приоритетное значение придавалось усвоению студенческой молодёжью закономерностей социалистической экономики, якобы имеющих объективный мировой характер.

В подобном ракурсе строилось изучение философии и иных направлений советского обществознания. Причём, в обстановке усиливающейся идеологизации учебной работы, протекаемой на фоне повсеместного нагнетания атмосферы поиска «скрытых классовых врагов», изгонялась живая мысль, в корне пресекались любые попытки обновления методик обучения, которые не укладывались в русло воинствующих классовых представлений. К примеру, разгромной критике подверглось в 1937 г. учебное пособие «Предмет и метод педагогики». Коллектив его авторов был обвинён в том, что они недостаточно резко критиковали «педологические извращения», приводили положительные примеры из педагогического опыта Германии, где к тому времени к власти пришли фашисты. В целях решительного пресечения подобных фактов предлагалось снять с работы весь авторский коллектив и повсеместно проверить в педвузах и училищах содержание лекций по педагогике.

Такой подход обусловил строгую регламентацию всей учебной работы, смысл которой заключался не в образовании в широком понимании этого слова, а в коммунистическом воспитании учащихся школ и студенческой молодежи. Отныне советская средняя и высшая школа получала сверху жёсткую установку не только по составлению расписания учебных занятий, но и налаживанию всей жизни учебных заведений. Все это выхолащивало учебно-воспитательный процесс, лишало квалифицированных педагогов возможности творчески работать со школьниками и студентами. Политизированные учебные планы и программы придали учебно-воспитательной работе строгость казарменного порядка.

Особенно большое внимание уделялось идейно-политической подготовке учителей. Перед учителями ставилась задача «активно и доходчиво разъяснять учащимся сущность и цели национальной политики компартии», разоблачать «происки классовых врагов». А для этого, по мысли политического руководства, учитель должен быть сам идейно подкован, твердо стоять на классово-марксистских позициях. Иными словами, учителя, особенно обществоведы, призваны были стать своеобразными идейными надзирателями, активными участниками «классовых боёв», приспешниками государственного политического экстремизма.

С учётом этого фактора принципиальное значение придавалось социальному составу педагогов и будущих учителей, подготавливаемых в системе педагогического образования. Так, уже в 1929 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об укомплектовании педагогических вузов», в котором указывалось на необходимость улучшить социальный состав этих учебных заведений. Рекомендовалось, в частности, зачислять в педвузы не менее 65%, а в педтехникумы — не менее 80% рабочих и крестьян. В постановлении предлагалось также в первую очередь вовлекать в педагогические учебные заведения батраков и крестьянскую бедноту. То есть на передний план выдвигались не знания и квалификация, а классовая принадлежность, что обуславливало очевидную

классовую дискриминацию юношей и девушек — выходцев из непролетарских слоев.

Аналогичная жестко классовая линия проводилась и в системе подготовки иных категорий специалистов в вузах и техникумах. В 30-х гг. сложилась многоступенчатая иерархия, открывавшая доступ к интеллигентским профессиям представителям одних социальных групп и преграждавшая другим. Право на образование имели в первую очередь рабочие и их дети, в последнюю — дети служащих, в число которых входили и работники умственного труда. Так называемые лишенцы вообще не могли учиться в специальных учебных заведениях. Вследствие чего уже в начале 30-х гг. XX в. рабочие и их дети составляли более трети выпускников вузов и техникумов (36%).

Классовая направленность среднего специального и высшего образования выразилась также в организации рабочих университетов и рабфаков, куда принимались в первую очередь рабочие. Так в 1929—1930 гг. на рабфаках обучалось 2155 студентов, в том числе 60,3 % рабочих, 23,5 % дехкан. Ещё выше была доля рабочих в рабочих университетах — 81,5 %.

Рабфаки, способствующие притоку рабочих в ряды интеллигенции, тем самым негативно влияли на её качественный состав. Низкий уровень общеобразовательной подготовки студентов рабфаков не компенсировался приобретением профессиональных знаний. Невысокий уровень общего образования мешал усвоению рабочими профессиональных знаний и навыков.

Открывая с позиций классовой дифференциации дорогу к высшему образованию лицам, не имевшим соответствующего общего образования, рабфаки нарушали принцип социальной справедливости, так как ущемляли права молодёжи с законченным школьным образованием, не принадлежавшей к рабочему классу, но более способной учиться в высших и средних специальных учебных заведениях. Однако «пролетаризация» интеллигенции облегчала властям решение задачи по использованию её в своих политических интересах.

Будущие специалисты призваны были быть «воинствующими материалистами, вооружёнными марксистско-ленинской теорией, активными борцами со всякими проявлениями враждебной идеологии и классовыми врагами».

2. Преследования учёных и преподавателей

Борьба с инакомыслием продолжалась. В первую очередь политическим преследованиям подверглись наиболее образованные и активные в общественном плане люди, представители интеллигенции, отстаивающие национальные интересы. Образованная, самостоятельно мыслящая интеллигенция представляла особую опасность для сверхцентрализованной, командной системой. Расправлялись с лучшими, уничтожая цвет нации, в корне пресекая свободомыслие.

Прежде всего, уже на рубеже 20–30-х гг. политические гонения стали предприниматься против видных руководящих работников Наркомпроса. В период с июня по октябрь 1930 г. были арестованы карательными органами Нарком просвещения республики Манон Рамзи, его заместитель Махмуд Ходиев, известный под литературным псевдонимом Бату, зам. председателя ГУСа и член Коллегии Наркомпроса Баис (Алтай) Кариев, завсектором наук НКП Лютфулла Аляви, член Коллегии Наркомпроса и заведующий Андижанским ОКРОНО Насыр Саидов, заведующий Главпрофобра НКП Сабир Кадыров и др. Все они обвинялись в контрреволюционной националистической деятельности в системе народного просвещения, а также в убийстве Абида Саидова — главного свидетеля обвинения по процессу бывшего Председателя Верховного Суда УзССР Сагдуллы Касымова. Всего по этому делу проходило 19 человек.

В частности, 8 августа 1930 г. состоялось заседание коллегии Наркомпроса Узбекской ССР и бюро ячейки КП (б) Узбекистана, на котором был заслушан вопрос «О проявлении касымовщины на фронте просвещения». Основной акцент на заседании был сделан на том, что с «переходом к развернутому

социалистическому строительству резко обострилась классовая борьба». В этих условиях «классовые враги сознательно устраивались на руководящую работу, чтобы осуществлять контрреволюционную идеологию». Ведущим выразителем данной идеологии в сфере образования назывался Бату. В результате было принято решение «немедленно снять его с работы заместителя Народного комиссара просвещения и исключить из партии». Аналогичные решения были приняты и по другим «фигурантам» сфабрикованного дела.

Вывод коллегии об определяющей роли Бату был не случаен. Он основывался на информации, полученной из Следственного отдела силовых структур УзССР, где Махмуду Ходиеву инкриминировалось обвинение в том, что он являлся инициатором создания «националистической контрреволюционной организации, ставившей целью подготовку националистических кадров в системе Наркомпроса». Среди других наиболее активных участников указанной организации назывались Маннон Рамзи, Насыр Саидов, Сабир Кадыров и Баис Кариев.

Система принудительных мер была применена в ходе допросов обвиняемых, проходящих по данному делу. Любыми способами следователи заставляли подсудимых дать нужные им «признательные показания», которые зачастую навязывались самими же следователями.

На основании подобного рода сфабрикованных «признательных свидетельств» 31 марта 1933 г. постановлением коллегии ОГПУ М. Ходиев, М. Рамзи, С. Кадыров, Б. Кариев и Насыр Саидов были приговорены к расстрелу. Остальные получили от 5 до 10 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях. Правда, первоначально приговор к расстрелу активистов указанных «контрреволюционных организаций» был заменён десятью годами ИТЛ. Но в последующем Бату и Рамзи будут расстреляны.

Исходя из материалов силовых органов об «антисоветской деятельности в Наркомпросе», Средазбюро ЦК ВКП (б) приняло 27 марта 1933 г. специальное постановление, в

котором резко критиковались руководящие работники системы народного просвещения за «политическую близорукость», а также указывалось, что органы НКП «не борются против чуждых элементов, проникающих в высшие учебные заведения и школы».

Это постановление дало толчок разворачиванию масштабной кампании чистки преподавательских кадров Узбекистана. К примеру, только в 1933–1934 учебном году по классовым и идейным соображениям лишились работы около 9% школьных учителей.

Следует отметить сотрудников Института повышения квалификации кадров народного образования при Наркомпросе во главе с директором Назрулой Иноятовым. Сотрудники института Гасанов, зав.учебной частью Ашрафи Хайдар, составившие новую программу и учебный план, затем сменившие их Сорокин, директор Вахабов, зав.учебной частью Хасанходжаев, преподаватель Нигматов Хикмат, Бахшулла Ходжаев – руководитель управления средними школами Рафиков, главный инспектор Хамидов и др. были репрессированы.

Так, наряду с названными деятелями народного просвещения, видной фигурой в составе руководящих работников Наркомпроса, подвергнувшейся репрессиям, стал Усманхан Ишанходжаев. После ареста осенью 1937 г. ему было предъявлено обвинение в том, что «будучи членом коллегии Народного Комиссариата просвещения, а в последствии Секретарем Ташкентского обкома партии и Народным Комиссаром просвещения Туркеспублики, он, как член националистической организации «Миллий Иттиход» последовательно проводил в жизнь её установки, получаемые через Рахимбаева и Тюракулова», которые якобы сводились «к насаждению в соаппарате кадров националистического элемента; захвату руководящих постов в партийном и советском аппарате членами организации «Миллий Иттиход»; сохранению в органах просвещения «буржуазных националистов», а также «противодействие советской системе образования».

По делу У. Ишанходжаева также были привлечены Захретдин Аглям, Ахунди, Эльбек, Саид Ахмед Назиров и другие представители национальной интеллигенции.

В декабре 1937 г. – 9 января 1938 г. Совнарком и ЦК КП (б) Узбекистана приняли руководящее постановление «О мероприятиях по ликвидации последствий вредительства в системе Наркомпроса УзССР», где говорилось: «...Враги народа, разведчики иностранных государств – А. Икрамов, Ф. Ходжаев, Рамзи, Бату, Карамов, Цехер, Манжара через своих ставленников в Наркомпросе УзССР Усманова, Рузиева, Сорокина, Кожухова нанесли трудящимся Узбекистана огромный вред в области народного просвещения. Они всеми мерами пытались оторвать узбекский народ от передового носителя социалистической культуры – великого русского народа, отравить молодёжь ядом национализма... Они, с одной стороны, сдерживали изучение русского языка в узбекских школах, лишая возможности изучать произведения Ленина и Сталина по первоисточникам, с другой стороны, сорвали перевод произведений классиков марксизма-ленинизма на узбекский язык».

Данное постановление обернулось гонениями против рядового учительства. Например, в 1938–1939 учебном году были отстранены от работы в школе более 10% учителей, что болезненно сказалось на качестве учебно-воспитательной работы.

Репрессии, охватившие высшее звено управления системой образования, изначально захватили все её подразделения.

Так, ещё в 1929 г. видный просветитель Муннавар Кори, наряду с обвинением в участии в «националистической организации», был осуждён за то, что выступал за необходимость действенной коренизации школьного дела, перевода обучения в национальных школах на местные языки.

В 1930 г. органами ОГПУ оказалось искусственно раздуто дело против подпольной антисоветской группы «Асосий конун Дуслари» («Друзья основ конституции»), основанной в сентябре 1930 г., целью которой являлось достижение Узбекистаном

государственной независимости. По делу одновременно проходили студенты экономического факультета САГУ Агзам Афзалов, Сабир Турсунов, студент САХИПИ Дильшод Сулейманов и выпускник рабфака, брат Бату — Ситдык Ходиев. Им ставились в вину резкая критика национальной политики советской власти, которая, по их утверждению, «ничем не отличалась от колониальной политики империи», требования о реальном воплощении конституционного права на свободное национально-государственное самоопределение узбекского народа, осуждение вздувшей волны арестов представителей национальной интеллигенции, сопровождаемой истреблением национальных кадров.

Ширились карательные меры и в системе средних специальных и высших учебных заведений. Например, в декабре 1932 г. была арестована группа педагогов и учащихся сельскохозяйственных техникумов г. Самарканда.

Интеллигенцией обоснованно критиковалась политика внедрения классового принципа в литературу и искусство, а так же экономическая политика компартии, особенно в сфере аграрного производства, в частности коллективизация с её последствиями, насаждаемая монокультура хлопчатника и др.

Ещё больший размах приобрела практика политических репрессий во второй половине 30-х гг., когда поиск «классовых врагов» принял тотальный характер. Соответственно ужесточились и меры наказания, всё чаще выносился приговор — расстрел.

Одним из таких широко разрекламированных явилось «дело» учителя литературы Отдела узбекизации при Кокандском ГорОНО Ашурали Захири, арестованного в сентябре 1937 года. Это дело — яркий образец идеологической схемы карательных действий властных структур по нагнетанию атмосферы обострения «классовых боёв».

Документальные источники свидетельствуют, что Захири отклонил многие выдвинутые против него обвинения, особенно по последним инкриминированным эпизодам. Тем

не менее, в срочном порядке он был осуждён и 28 декабря 1937 г. расстрелян.

По аналогичному сценарию были скроены дела арестованных в сентябре 1937 г. учителя средней школы г. Самарканда и учителя женской средней школы г. Халкабада и др.

Документальные источники свидетельствуют, что подобная практика грубой фальсификации и надуманных наговоров носила повсеместный характер. Ведь правящие верхи Союза настойчиво требовали «материального» подтверждения сталинской формулы «обострения классовой борьбы». Действовал даже план-развёрстка по привлечению к «пролетарскому суду» «замаскировавшихся врагов». Причём, он регулярно пересматривался в сторону динамичного роста количественных показателей. Например, ЦК ВКП (б) принял 31 января 1938 г. специальное секретное постановление, в котором определялось дополнительное число подлежащего репрессиям «активного антисоветского элемента» по краям и республикам страны. Касаясь Узбекистана, он включал 1500 человек.

Подобным способом конструировались практически все раздуваемые тогда судебнополитические процессы, основанные на моральном и физическом подавлении людей, нацеленные на нагнетание атмосферы раблепия, укрепления государственного абсолютизма и имперских опор советского строя. При этом формулировка «классовая угроза» намеренно ужесточалась. Так, широко распространенные в Узбекистане обвинения в «буржуазном национализме» всё теснее увязывались с «террористической деятельностью» и «шпионажем». Поводом к навешиванию ярлыка «агент международного капитала» могло послужить знание любого иностранного языка, пребывание за границей даже в досоветское время, обучение в зарубежных странах, которое ещё в начале 20-х гг. XX в. допускалось и др.

Например, в октябре 1937 г. был арестован преподаватель Мумин Туляганов, обучавшийся в свое время в Берлине. Он обвинялся в том, что в период учёбы «вступил в контрреволюционную организацию «Озод Туркестон».

Основываясь на надуманных обвинениях во вредительстве и буржуазном национализме, по-существу подвергся разгрому весь преподавательский коллектив ТашГПИ. В частности, репрессиям подверглись ректор Заргаров, проректор Романов, преподаватели Аббасалиев, Бабаев, Нурматов, Расулов, Шамсиев и другие. Студентка Самигулина была исключена из института за «антисоветские высказывания». Были изъяты программы и учебники по истории узбекского языка. Во время «очищения от контрреволюционной скверны» Ташкентскому педагогическому институту было присвоено имя главного чекиста страны тех лет — Ежова.

Под категорию «вредительства» в вузах подводили организацию новых кафедр и факультетов, где потом оказывалось недостаточно преподавателей или была бедной учебно-материальная база. Руководством Наркомпроса проводились проверки в учебных заведениях по различным аспектам учебно-воспитательного процесса. При этом «летели с плеч головы» добросовестных работников, виноватых лишь в том, что научная и учебно-материальная база высшей и средней специальной школы была ещё чрезвычайно бедной. Под лозунг борьбы с «вредителями» и «врагами народа» подводились документы, полные трескучих псевдопатриотических фраз, фактически дезорганизирующих нормальную работу учебных заведений. В результате и без того чрезвычайно бедная квалифицированными кадрами система подготовки учителей, преподавательский состав вузов и техникумов понесли серьёзный урон. Так, в Хивинском педтехникуме были сняты с работы «по социальным мотивам» Д. Бакиров — как сын ахуна, Ю. Ахмедов — за «идеологическую невыдержанность» — совершение намаза; С. Артыков — из семьи «крупного духовника» и т.д. Они обвинялись в «искривлении классовой линии в преподавании», применении «буржуазно-реформистских методов».

Политическая подкладка была подведена и под «разоблачение псевдонауки» — педологии. Ещё недавно превозносившиеся до небес рекомендации педологов были

объявлены «буржуазным извращением» и авторов работ по педологии заставляли каяться во всех смертных грехах, а студентов – «разоблачать» их с позиций пролетарской принципиальности. Подобному разгрому подвергся, к примеру, профессор Бендриков, автор известных работ по истории народного образования в Узбекистане. На него обрушилась волна критики со стороны ортодоксально настроенных преподавателей и студентов, которые обвиняли заслуженного учёного в том, что он «допускал возможным учиться у наших врагов».

Волна сталинских репрессий захлестнула также Узбекский научно-исследовательский институт педагогики, в задачу которого входила разработка актуальных проблем педагогики, новых учебных программ, учебников и методических пособий, оказание помощи в подготовке и совершенствовании педагогического мастерства преподавательского корпуса республики. Во второй половине 30-х гг. были «разоблачены» и объявлены «врагами народа» многие талантливые национальные педагоги. В их числе Башула Ходжаев, Гиязов, Ашрафи, Шамсутдинов и др.

В период 40-х гг. XX в., особенно после вступления СССР в советско-германскую войну, волна репрессий в системе народного образования спала, но механизм политических гонений продолжал действовать.

Как и описанные выше дела, обвинения против бухарских педагогов были огульными. По сути, главными пунктами обвинения явилось то, что во время гапов их участники «высказывали сожаление по поводу ареста писателей Абдуллы Кадыри, Фитрата, Чулпана, восхваляли их произведения». А также пытались разобраться в причинах неожиданного отступления советских войск в первых оборонительных боях.

Итак, следует подчеркнуть, что в рассматриваемый период политический террор явился неотъемлемой составной тоталитарной трансформации системы народного образования. Он облакался в разные формы: меры по ликвидации традиционного конфессионального образования

и силовому закреплению монополии советской школы; принудительные методы по осуществлению реформы национальной письменности, в ходе которой дважды за короткий срок сменился алфавит; тотализация учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях, внедрение классового принципа в систему подготовки будущих учителей и иных категорий специалистов в вузах и техникумах; разгул массовых репрессий.

Все эти акции, идейно вытекающие из ленинской доктрины «культурной революции», были нацелены на подавление национального самосознания, уничтожение независимого мышления, на отформовку преданных коммунистическому режиму молодых поколений, отчуждённых от духовно-нравственных корней своего народа и призванных твёрдо воплощать чуждые своим духовным ценностям идеи.

3. Влияние идеологических процессов на науку в 20–30-х гг. советского строя

Серьёзный урон в годы был нанесён отечественной науке, особенно общественным дисциплинам.

Складывалось представление, что в науке с самого начала исследования правильным может быть только один путь, одно истинное направление, одна научная школа и, разумеется, только один главный учёный, — «вождь» советской науки Иосиф Сталин. Иными словами, как точно отметил известный российский учёный Д. Лихачёв, «наука развивалась (если это можно назвать развитием) под влиянием мысли об изначальной правильности одного направления и неправильности всех остальных. И это «правильное» направление, выбранное по чисто внешним признакам, объявлялось подлинно марксистским. Тогда не было и не могло быть предположения, что научная истина рождается где-то на перекрестке путей... Предопределённость истины считалась неоспоримой...».

Наука, прежде всего общественные дисциплины, политизировалась и схематизировалась до предела, тем самым

фактически отвергалась сама возможность открытий в науке. Частные исследования, хотя прямо и не запрещались, но и не одобрялись. В науке роль выводов «не предсказанных», вытекающих из экспериментов, рукописных и документальных источников, из незаинтересованных соображений, игнорировалась. Предполагалось, что в науке следует «доказывать» (точнее, говоря, подбирать доказательства) для уже заранее определённой по политическим соображениям точки зрения. Считалось непреложным, что в науке действуют две противостоящие воли: одна классово приемлемая, другая классово враждебная этой первой, соответствующей «пролетарской» идеологии. Отсюда стремление увидеть в несогласии вылазки «врагов», стремление не доказать свою точку зрения, а «разоблачить» любую другую. Отсюда появление в науке огромного числа «врагов» существующего строя, государственной власти, вредителей, преступников, подлежащих аресту и наказанию — вплоть до расстрела.

Движение науки вперёд мыслилось как расправа с теми, кто был не согласен с единственным, якобы изначально правильным направлением. Вместо научной полемики — обличения, разоблачения, запрещение заниматься наукой, а в подавляющем числе случаев — аресты, ссылки, тюремные сроки, уничтожение, которому подвергались не только институты, лаборатории, учёные, научные школы, но и книги, рукописи, результаты опытов и многолетних творческих изысканий. «Вражеские вылазки», «классовые враги в науке», «вредители», «буржуазная контрабанда в науке», «феодално-националистические вылазки» и пр. — такими выражениями пестрели «научные труды» 30 — начала 50-х гг. XX в. Всё это разрослось до масштабов тотальной социальной политики.

В эти годы в «стране Советов», в том числе в Узбекистане, погибли тысячи учёных. Это была невосполнимая утрата. А сколько было «побочных» жертв. Многие умирали от нужды и неустроенности, от душевного гнёта и невозможности заниматься любимым делом. Сколько в зародыше погибло плодотворных идей, сколько талантливых людей не смогли

пробиться к научной работе, получить образование по причине «неудовлетворительности» своих анкетных данных, сколько талантливых людей, отказавшись заниматься наукой, ушли в более «безопасные» области деятельности!

Как и по другим направлениям духовной жизни, истоки политических акций сталинского режима по отношению к науке и учёным крылись в самой природе так называемой «советской культурной политики», основанной на принципах классового подхода и монополии коммунистической идеологии.

Многочисленный список жертв советской репрессивной практики стал пополняться из числа учёных уже в первые послеоктябрьские годы. В частности, в Туркестане она коснулась на начальном этапе, прежде всего, известных ученых — историков, востоковедов, археологов, внесших заметный вклад в изучение истории, этнографии, быта и уклада жизни местных народов.

Так, в январе 1918 г., утратив веру в возможность воплощения идеалов социальной справедливости, покончил с собой этнограф, лингвист и педагог В.П. Наливкин, создавший уникальный для своего времени труд «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь», получивший золотую медаль Русского географического общества. В 1919 г. по обвинению в участии в «Осиповском мятеже» был расстрелян автор капитального четырехтомного сочинения «Исламизм» П.П. Цветков. 10 мая 1920 г. за «антисоветскую деятельность» этой же участи подвергся видный археолог и историк Средней Азии Л.А. Зимин. В том же году был выслан из Туркестана по политическим мотивам Н.С. Лыкошин, являющийся автором более 700 научно-краеведческих работ о Центральной Азии. Одновременно вынуждены были искать спасение в эмиграции от политических преследований такие известные исследователи Туркестана, как Жозев Кастанье, Шерали Лапин, Ахмад Заки Валиди.

В последующем политические репрессии, направленные против науки и творческой интеллигенции, стали усиливаться.

Все процессы, протекавшие в этом русле в центре однозначно отражались и в Узбекистане, преследования научной интеллигенции проводились по одному и тому же сценарию

В общесоюзном масштабе такой первой и крупной акцией стала административная высылка за границу в 1922 г., по распоряжению В. Ленина, более 200 учёных, представлявших интеллектуальную элиту российского общества. Среди них выдающиеся философы Н. Бердяев и С. Франк, крупный социолог П. Сорокин, известный историк А. Кизеветтер, блестящий экономист Б. Бруцкус и др. Это мотивировалось необходимостью очистить идеологическую атмосферу от немарксистских «оттенков», оградить молодую поросль советских научных работников от влияния «чуждых взглядов». Но избавившись от оппонента, сама марксистская наука объективно лишилась одного из источников своего развития. Для молодёжи «изгнание мэтров» означало сильное обеднение общего культурного фонда. Лишившись возможности участвовать в соревновании общественно-политических, философских, экономических идей, молодёжь теряла смелость и в своих научных работах.

Предпринятая в 1922 г. акция, по сути, положила начало масштабной политизации науки со всеми вытекающими отсюда последствиями, обусловила внедрение государственного запрета на научное и философское инакомыслие в рамках общемировых процессов социального познания. Этот запрет губительно сказался на общем развитии научной мысли как СССР в целом, так и Узбекистана в частности, вызвал растущую оторванность советской науки, особенно общественных дисциплин, от мировой.

20-е годы XX в. стали временем становления в бывшем советском государстве новой, «социалистической» науки, базирующейся на марксистской основе. Ещё прочно не утвердилась монополия коммунистической идеологии, круг учёных-марксистов был ограничен, и потому в границах этой формирующейся науки наблюдался определённый плюрализм мнений, допускались альтернативные суждения.

Вместе с тем всё более явственно проявлялась другая тенденция: авторитарная, государственно-охранительная, сопровождавшаяся возрастающим вмешательством партии и государства не только в идеологическую, но во все сферы жизни советского общества. Свобода мысли, инакомыслие и критика политики правящей партии все более ограничивались пределами советской легитимности и самой партии.

В русле этих процессов закладывалась соответствующая инфраструктура научных учреждений, призванных целенаправленно проводить в научной сфере «генеральную линию партии», формировать механизм социального познания, исходящего из идеологической парадигмы классового подхода.

Особое значение в этом отношении придавалось общественно-гуманитарным дисциплинам. В частности, ещё в 1918 г. по инициативе В. Ленина в Центре была создана специализированная организационная структура, названная Социалистической академией. На неё возлагалась «разработка общественных наук с социалистической точки зрения». В 1924 г. её переименовали в Коммунистическую академию. Причём, с целью усиления идеологического контроля над всеми научными отраслями в составе новой академии, наряду с секцией общественных наук, была образована секция естественных и точных наук. Последней вменялась в первую очередь «борьба с противоматериалистическими учениями в области этих наук», а также «проверка вновь возникающих теорий и учений с точки зрения материализма и отбор материалистического зерна истины, заключающегося в новых открытиях, от идеологической шелухи».

К тому времени «идеалисты-гуманитарии» были, как говорилось выше, высланы за границу. Из СССР их устранили. Но задача «организационного противодействия влиянию, в первую очередь, на учащуюся молодёжь со стороны буржуазной и ревизионистки настроенной профессуры» по-прежнему стояла в повестке дня, как отмечалось в резолюции XII съезда РКП (б) (апрель 1923 г.).

В соответствии с такой идеологической установкой на всём пространстве советского государства стала складываться ситуация, когда между «буржуазным» (классово враждебным) влиянием профессуры на молодые кадры, призванные построить новый мир, и её (этой профессуры) приверженностью отличным от ортодоксальной версии марксизма воззрениям твёрдо ставился знак равенства. Говоря иначе, сама принадлежность к «старой профессуре» могла стать в любой момент поводом для гонений и на рубеже 20–30-х гг. XX в.

Тогда же, на службу репрессивной научной политике была поставлена и философия. Начало этой «службы» следует датировать 1922 г., когда стал выходить общесоюзный журнал «Под знаменем марксизма», страницы которого были испещрены изощрённой бранью в адрес естествоиспытателей, обвиняемых в идеализме. К идеалистам относили как западных (Эйнштейн), так и советских исследователей (Берг, Ферсман, Вернадский). Идеализм означал классово чуждое мировоззрение, и потому обвинение в нём приобретало зловещий политический оттенок, сопровождалось, как правило, преследованиями учёных.

В зоне особого контроля правящих большевистских верхов оказалась также и историческая наука. Известно, что самосознание человека и нации начинается со знания истории. Историческая память народа представляет базовую основу его этническо-культурной самоидентификации, неотъемлемую составную исконных духовных ценностей. Утрата этой памяти превращает людей в безвольных манкуртов, которыми можно легко манипулировать. Союзное политическое руководство это чётко осознавало, потому в процессе становления советской исторической науки изначально ставило своей целью превратить её, как и все обществоведение в целом, в безропотную прислужницу большевистского режима. А для этого важно было, с одной стороны, силовыми средствами «нейтрализовать» историков-немарксистов, а с другой — сформировать новые марксистские научные кадры, способные представить исторический процесс в русле схоластических схем коммунистического учения, обосновать историческую

закономерность «торжества коммунизма» не только в «стране Советов», но и во всём мире. В числе организаторов советской исторической науки как на союзном уровне, так и в Узбекистане преобладали лица, не обладающие соответствующей профессиональной подготовкой. Они вносили в науку стиль и методы авторитарного руководства. Особенно пагубными являлись исповедование идеи «вождизма», апеллирование к вышестоящим (не научным) авторитетам. Участие во внутривластной борьбе приводило к формированию группировок, порождало соперничество, ревностное отстаивание групповых интересов, нередко в ущерб истине.

Активно насаждался также в изучении общественных явлений классовый подход.

Концепции, которые одобрялись «верхами», должны были соответствовать не объективной истине, а прагматическим целям сталинской политики. Политизацию и идеологизацию науки Сталин использовал, чтобы настраивать молодёжь против старой интеллигенции, которую, как и Ленин, люто ненавидел, считая, что она пропитана буржуазной «плесенью», безнадежно заражена вирусами идеализма и метафизики, являет собой классово чуждую породу. Культивировалась глобальная подозрительность, а хорошим показателем верности социализму считались доносы. В результате для посредственностей открывались надёжные пути к научной карьере, сверхкомпенсации ими своего интеллектуального бесплодия.

Заметной вехой на пути развёртывания губительных актов против науки и учёных на общесоюзном уровне стало проведённое отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) осенью 1928 г. специальное совещание с участием ведущих научных учреждений, посвящённое проблемам истории и экономики. Принятая на нем резолюция, центральным пунктом которой был вопрос о «дальнейшем решительном разоблачении» буржуазной науки (говорилось о «живучести» старой идеологии, о сознательной фальсификации, осуществляемой «тонко и талантливо»), на длительный период

определила основные направления научной деятельности и атмосферу. Критика персоналий (у историков, к примеру, «под обстрелом» оказались учёные с мировым именем — Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и многие другие) дополнилась организационными мерами. В частности, были закрыты уникальные объединения научных учреждений — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Всесоюзная научная ассоциация востоковедения (ВНАВ), объединившие специалистов старой школы с растущими кадрами советских обществоведов. Деформации подверглось Общество историков-марксистов и Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев: там были созданы коммунистические фракции, что способствовало процветанию сектантских настроений. Тем самым разрушался союз с беспартийными специалистами, ограничивались источники пополнения обществ, рождались разобщённость и недоверие. Массовой «чистке» подверглась союзная Академия наук.

Дальнейший толчок усилению репрессивной научной политики в СССР придало выступление Сталина на I Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, состоявшейся в конце декабря 1929 г. В нём основное внимание было уделено разоблачению ряда теорий — «равновесия», «самотека», «устойчивости мелкокрестьянского хозяйства», которые обосновывали, в противовес взятого к тому времени курса на форсированную коллективизацию, перспективность развития сельского хозяйства на базе «нэповских», товарно-рыночных отношений.

Принятая конференцией резолюция содержала только негативные оценки научных взглядов таких крупных экономистов, как Кондратьев, Макаров, Вайнштейн, Чаянов и др. В отношении ко всем этим учёным и их концепциям предписывалась политика «выкорчёвывания». Отныне только непримиримая борьба: против «буржуазных» учёных, с «правыми», с рецидивами троцкизма, а ещё борьба с «нашими же товарищами коммунистами», которые, «прикрываясь

марксистской фразой», поддерживают или недостаточно активно разоблачают «враждебные теории».

Линия на нагнетание напряжения в системе советского обществознания подкреплялась партийными официальными постановлениями. Так, в январе 1931 г. принимается постановление ЦК ВКП (б) о журнале «Под знаменем марксизма», в котором говорилось: «Работа журнала была оторвана как от задач строительства социализма в СССР, так и задач международного движения». Два месяца спустя в постановлении ЦК ВКП (б) от 15 марта 1931 г. «О работе Комакадемии» подчеркивалось: «Обострение классовой борьбы нашло в последние годы своё яркое отражение и на теоретическом фронте. Буржуазное влияние сказалось в форме ряда антимарксистских и ревизионистских теорий...».

Итак, были сделаны первые шаги в тотальном подчинении общественных наук, но нужны были ещё более действенные акции, которые могли бы практически воздействовать на все звенья обществознания. Необходим был «программный» документ, теоретические положения которого были бы подкреплены определением путей их практической реализации.

Подобным документом стало опубликованное в конце октября 1931 г. в № 6 журнала «Пролетарская революция» письмо И. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». Его анализ показывает противоречивость и декларативность обширного ряда сделанных в нём выводов. В то же время, само выступление Сталина – обвинения и шельмование упомянутых им авторов, навешивание на них ярлыков («гнилые либералы», «троцкистские контрабандисты», «жульнические крючкотворы» и т.п.) – сделало невозможным дальнейшее принципиальное творческое обсуждение, привело к самобичеванию и к покаянным письмам, а затем и к репрессиям по отношению к лицам, подвергшимся критике.

Особым звеном в цепочке действий сталинского руководства по пути догматизации советского обществознания и использования его в качестве идеологического инструмента «разжигания классовой борьбы», преследования

инакомыслящих явился «Краткий курс истории ВКП (б)», опубликованный под идейным руководством И. Сталина в 1938 г. Заложенные в нём ортодоксальные схоластические схемы, методологические стандарты и концептуальные оценки, искажающие историческое прошлое, определили направления обществоведческих, особенно исторических, исследований на несколько последующих десятилетий.

Сегодня, с дистанции времени наглядно видно, что под воздействием сложившейся атмосферы нетерпимости, вражды, подозрительности и произвола история — как наука сама оказалась репрессированной. История «обезлюдела». Из неё были вычеркнуты имена подавляющего большинства участников исторических событий, оказавшихся жертвами политического геноцида.

Происходящие в общесоюзном масштабе процессы динамичного нарастания в 20–30-х гг. XX в. бескомпромиссной борьбы на идеологическом фронте, совмещаемой с преследованиями учёных, находили адекватное отражение и в Узбекистане.

Нельзя отрицать, что за указанный период в развитии отечественной науки в республике наблюдались определённые достижения. После национально-территориального размежевания и образования Узбекской ССР, руководство направило усилия на расширение корпуса научных работников, создание необходимых предпосылок по налаживанию обширной научно-исследовательской работы в интересах экономического и культурного подъёма, роста благосостояния народа. Так, состоявшийся в ноябре 1925 г. II съезд КП (б) Узбекистана принял специальную резолюцию, в которой определялась необходимость «...взять твёрдый курс на объединение научной и культурно-показательной работы в области сельского хозяйства; разработку вопроса о применении в Узбекистане минерального удобрения, осуществление широкой электрификации республики, постановку научно-промышленной разведки и изысканий для выявления полезных ископаемых, нахождение путей интенсификации

промышленности, сельского хозяйства, ирригации, поднятие и развитие общей культурности республики».

В контексте решения этой задачи предпринимались меры по подготовке квалифицированных научных кадров, расширению сети научно-исследовательских учреждений. В результате уже в 1933 г. в Узбекистане функционировало 37 научно-исследовательских институтов, 45 научных пунктов, в которых трудились 12 тыс. научных работников.

Для повышения научно-педагогической квалификации кадров и поощрения их научной работы постановлением СНК УзССР в то время были введены учёные степени и звания — кандидат и доктор наук, ассистент, доцент, профессор.

Талантливыми учёными и организаторами науки зарекомендовали себя в рассматриваемый период Т.Н. Кары-Ниязов, Т.А. Сарымсаков (математика), Т.З. Захидов (биология), А.С. Садыков, Ю. Юнусов, Х.У. Усманов, К.С. Ахмедов (химики), Х.Ф. Фазылов, П. Салиев (историки), Я.Г. Гулямов (археолог). Видную роль в развитии науки в Узбекистане играли также В.Р. Романовский, А.С. Уклонский, Н.Я. Корженевский, И.А. Райкова, В.М. Титов и другие.

Проведённые в 30-х годах XX в. в республике форумы учёных, в которых принимали участие и представители союзной Академии наук, показали, что Узбекистан имеет уже достаточные силы, способные решать сложные теоретические и практические проблемы, успешно развивать все отрасли современной науки.

В 1936 г., учитывая наличие в Ташкенте высококвалифицированных научных кадров — 17 докторов и 23 кандидата наук, а также оборудованные научно-исследовательские институты, принимается решение о создании республиканского Комитета наук.

Комитет наук являлся высшим научным центром Узбекистана, находился в непосредственном ведении СНК и представлял одну из основных частей научно-исследовательских организаций. В числе его основных задач было развитие научно-исследовательской работы во всех областях теоретических и

практических знаний, повышение квалификации научных работников, разработка методов и путей применения научных теорий и результатов научных опытов и т.д. Структурно он подразделялся на 3 отделения: 1) Отдел общественных наук; 2) Отдел математических и естественных наук; 3) Отдел технических наук.

Наряду с отраслевыми научно-исследовательскими учреждениями постепенно формировалась республиканская Академия наук, призванная вести фундаментальные теоретические исследования по основным научным направлениям.

Ключевые термины.

Перестройка учебных программ. Идентификация. Старометодные мактабы. Наркомпрос УзССР. «Буржуазный национализм». Доктрина. Национальное самосознание. Независимое мышление. Отчуждение. Духовные ценности. Политизация науки. Идеологизация науки. «Классовые враги в науке». Этническо-культурная самоидентификация.

Вопросы и задания.

1. Какими путями происходила «социалистическая модернизация» образовательной сферы в Туркестане, и её сущность?
2. Кто и почему ликвидировал традиционные мактабы?
3. Причины перехода на латинскую графику, а затем на кириллицу.
4. Как происходила классово-пролетарская перестройка учебных программ?
5. Охарактеризуйте, как проходила подготовка учителей.
6. «Антисоветская деятельность в Наркомпросе».
7. Преследование учёных и преподавателей.

Тесты.

1. Сколько действовало конфессиональных школ в 1925–1926 учебном году?
А) 1432

- В) 1500
- С) 1329
- Д) 1300

2. ЦИК Советов УзССР 14 декабря 1925 г. принял специальное постановление о вакфах, согласно которому.....?

- А) Вакфы объявлялись собственностью государства
- В) Частной собственностью, её можно было продать
- С) Начали взимать налоги
- Д) Раздали малообеспеченным

3. В каком году было принято правительственное решение о ликвидации в течение двух лет всех старометодных школ?

- А) 1926
- В) 1927
- С) 1928
- Д) 1930

4. На какой сессии было принято постановление об окончательной ликвидации конфессиональной школы?

- А) В ноябре 1928 г. на III сессии ЦИК Советов Узбекистана
- В) В ноябре 1928 г. на IV сессии ЦИК Советов Узбекистана
- С) В ноябре 1928 г. на V сессии ЦИК Советов Узбекистана
- Д) В ноябре 1928 г. на I сессии ЦИК Советов Узбекистана

5. Кто был назначен председателем Центрального комитета по новому узбекскому алфавиту?

- А) А. Икрамов
- В) Ф.Ходжаев
- С) У. Юсупов
- Д) Ю. Ахунбабаев

6. С какого года в учебных заведениях были введены отдельные часы для овладения латинизированной письменной графикой?

- А) 1926–1929 гг.
- В) 1927 г.
- С) 1928–1929 гг.
- Д) 1930 г.

7. Какое мероприятие сыграло роль в учебно-воспитательной работе в образовательной сфере 1938 г.?

А) Введение «Краткого курса истории ВКП (б)»

В) Выход в свет учебника «Истории ВКП (б)»

С) новая учебная программа

Д) «Курс по истории партии»

8. Кого критиковал Акмаль Икрамов в заключительном выступлении по лекции отчётов (1930 год 12 июнь)?

А) У. Ишанходжаева

В) Ф. Ходжаева

С) Ф. Киличева

Д) У. Юсупова

9. Что было основной причиной в отборе педагогических кадров в СССР в конце 20-года и в начале 30-х годов XX века?

А) Классовая принадлежность

В) По уровню знания

С) Классификации

Д) По уровню знания и опыта

10. Кто был первым президентом Академии Наук УзССР?

А) Кари Ниязов

В) В. Романовский

С) У. Юсупов

Д) Т. Саримсаков

Рекомендуемая литература.

1. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. В кн.: Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. – Ташкент, Узбекистан, 1999. 7. – с. 128–152.

2. Мирзиёев Ш.М. Буюк келажакимизни мард ва олийжаноб халкимиз билан бирга курашимиз. Т.: Ўзбекистон, 2017.

3. Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1996. С. 6.

4. История Узбекистана. Учебник для ВУЗов. Ташкент: «Fanvatexnologiya»-2011.

5. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.). – Т. «Tafakkur», 2011.

6. Conquest Robert. The great terror. Oxford University Press, USA. 2007. Page 608. 40-th Anniversary edition. ISBN-13: 978-0195316995, ISBN-10:0195316991.

7. Кузнецhevский В.Д. Сталинская коллективизация. Ошибка ценою в миллионы жизней. Российский институт стратегических исследований. – М.: РИСИ, 2015.

8. Ўзбекистоннинг Янги тарихи. Т. 2. Ўзбекистон Совет мустамлакачилиги даврида. – Т., «Шарк», 2000.

9. Трагедия среднеазиатского кшшлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. Т. 1; Составители: Р.Т. Шамсутдинов, Б.М. Расулов., – Т. «Шарк», 2006.

ТЕМА 8. ОБСТАНОВКА В УЗБЕКИСТАНЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

План лекции:

1. Концепция управления идеологией. Вторая мировая война и Узбекистан.
2. Экономическая и историческая науки.
3. Борьба с космополитизмом и различными «уклонами» в области литературы, поэзии и музыки в 50–70-е годы.

1. Концепция управления идеологией. Вторая мировая война и Узбекистан

За время своего существования человечество пережило множество войн. Самыми разрушительными из них стали две мировые войны. В I мировой войне (1914–1918 гг.) приняло участие 38 государств (62% населения земли). Было убито более 10 млн., ранено более 20 млн. человек.

II мировая война (1939–1945 гг.), явившаяся величайшей трагедией XX столетия, началась 1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу. Она вовлекла в свою орбиту 72 государства (80% населения земного шара), продолжалась 6 лет и унесла более 50 млн. жизней. Война создала смертельную угрозу человечеству, спастись от которой можно было лишь объединёнными усилиями, вместе со всеми антифашистскими силами мира. Вторая мировая война имела свои специфические причины и черты, отличавшие её от Первой. Тем не менее, по своим глубинным истокам и определённой преемственности геополитической парадигмы обе мировые войны можно рассматривать как всплески глобального кризиса системы международных отношений конца XIX- первой половины XX в. Сказались и оборотные стороны прогресса, которые человечество не научилось ещё нейтрализовывать. В результате возросшая интернационализация, технические достижения и постепенное вовлечение в политику широких масс придали конфликту небывалый ранее мировой масштаб. Таким образом,

можно сказать, что достижения цивилизации позволили в течение длительного времени «переключать энергию целых народов на дело разрушения».

Узбекистан, наряду с бывшими республиками Советского Союза, внёс свой весомый вклад в эту поистине мировую и великую победу. 22 июня 1941 г. фашистская Германия напала на СССР, это вызвало необходимую эвакуацию вглубь страны на Восток крупных, важных, необходимых фронту промышленных предприятий, в частности в Узбекистан (Узбекскую ССР). Было эвакуировано более 100 предприятий (Ленинградский завод текстильных машин, Ростсельмаш, Сумский компрессорный завод, ТАПОиЧ и многие другие). Так, в Ташкенте и Ташкентской области было размещено 55 предприятий, в Самарканде – 14, Ферганской долине – 22, в Бухаре – 2, также были эвакуированы тысячи рабочих.¹ Обстановка была очень тяжёлой, фронт остро нуждался в оружии (стрелковом), боеприпасах, самолетах, танках и т.д. Необходимо было срочно запускать предприятия, очень часто заводы начинали работать, не имея крыши, т.е. они размещались под открытым небом. Это позже появились полноценные здания и помещения – война не терпела промедления, необходимо было в кратчайшие сроки задействовать промышленность. Из-за того, что мужчин не хватало, многих из них забрали на фронт, на заводах и фабриках трудились женщины, дети, старики, такая картина наблюдалась по всей стране, а 26 июня 1941 г. был введён 13-часовой рабочий день и 6-дневная рабочая неделя, а за опоздание или самовольный уход с работы давали от 5 до 8 лет² лишения свободы.

В Узбекистан за годы войны было эвакуировано 115 госпиталей. Правительство, трудящиеся республики предоставили им самое лучшее жильё и помещения. Предприятия и учреждения, колхозы взяли шефство над госпиталями и помогали им

¹ Книга Памяти. Республика Узбекистан. Главная редакция энциклопедии; Т. 1995, с. 534.

² Там же, с. 535.

всем — продовольствием, пошивочным и перевязочным материалом, фруктами, овощами, благоустраивали территории госпиталей, помогали в уходе за ранеными. Из этих госпиталей было возвращено в боевой строй 54252 человека и 70 тыс. — к мирному труду.

Широкое развитие в республике получило донорство. 4500 доноров Узбекистана сдали для фронта более 10,5 тыс. л. крови. Общество Красного Креста и Полумесяца только в Ташкентской области с начала войны по 1944 год подготовило 1112 медсестер, 3120 сандружинниц, 58 тысяч человек в Наманганской области прошли подготовку по оказанию первой медицинской помощи.

Плодотворно работали эвакуированные в Ташкент такие видные учёные, как академики В.В. Струве, В.Р. Греков, члены-корреспонденты АН СССР Е.Э. Бертельс, Б.Ф. Шишмарев, А.Ю. Якубовский, А.А. Михайлов и другие.¹

Эвакуированные в Ташкент осенью 1941 года ленинградские институты АН СССР продолжали здесь свои научные работы в области истории, этнографии, языковедения и литературоведения. Учёными этих институтов собран ценный научный материал, ими проведены важнейшие исследования об истории Ленинграда, Византии и др. Целый ряд крупных монографий подготовили и издали за годы войны учёные института литературы. Они приняли самое активное и непосредственное участие в создании и работе филологического и восточного факультетов ТашГУ (ныне Национальный Университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкентский Государственный институт Востоковедения), в организации Академии наук Узбекской ССР, подготовили немало кадров учёных из числа местных национальностей.

Узбекистан принял в годы войны более миллиона эвакуированных из прифронтовых районов, среди которых было более 200 тысяч детей. Дети нашли приют не только в

¹ Книга Памяти. Республика Узбекистан. Главная редакция энциклопедии; Т. 1995, с. 535.

детских домах, но и в семьях трудящихся республики. Многие семьи воспитали по несколько сирот различных разных национальностей.

В республике широко развернулось движение за усыновление детей, оставшихся без родителей. За день через вокзальный эвакуопункт проходило до 200 детей, в какие-то дни и до 500. К концу 1942 г. в регистрационной книге эвакуопункта появился порядковый номер 47 000. Всего за годы войны Узбекистан принял тысячу детских домов из Польши, Прибалтики, Украины, России. Был организован сбор денег для устройства эвакуированных детей, продуктов, вещей общественностью Узбекистана. Уже к марту 1942 г. собрали более 2 миллионов рублей, десятки тысяч комплектов различной одежды, сотни центнеров продовольствия.

Народ республики сделал всё для того, чтобы эвакуированные дети как можно меньше чувствовали лишения, связанные с войной. Всей стране стала известна семья Шамахмудова – ташкентского кузнеца, усыновившего 12 детей, эвакуированных из Украины, Донбасса и Белоруссии. В письме Шамахмудову и его жене Бахри фронтовик старший лейтенант Левицкий писал: «... Я не имею детей. Не знаю, где находится моя жена Нина. Но от всей души хочу участвовать в воспитании детей, вырванных из фашистского ужаса. Поэтому прошу Вас принять от меня маленькую экономическую поддержку в воспитании Володи, Раи и Маликахон. С этим письмом я послал Вам 400 рублей. Впредь хочу ежемесячно посылать деньги...». Благородному примеру семьи Шамахмудовых последовали и другие.

50-летняя Бахрихон Аширходжаева взяла на воспитание 8 детей разных национальностей. О трогательном факте в семье А. Ходжаева сообщила 30 января 1942 г. газета «Правда Востока»¹. Решив усыновить мальчика, А. Ходжаев сказал об этом своей матери. Немного подумав, она ответила: «Тебе ведь известно, что я не знаю русского языка. Что же выходит,

¹ «Правда Востока» 30 января 1942 г.

что ребёнок будет целый день томиться... Этак он замучается. Если уж брать, то двоих». Так по-матерински решила вопрос женщина-узбечка.

Из Бухарской области телеграфировали: «Если в других областях есть эвакуированные дети дошкольного возраста, направляйте их в Бухару. Не можем удовлетворить заявлений граждан, желающих взять на воспитание детей».

Движение за усыновление или патронирование сирот войны ширилось с каждым днем. Оно охватило коллективы многих предприятий, учреждений, колхозов. Ташкентский «Заготхлоптрест» организовал интернат на 25 ребят, обеспечив его всем необходимым. Колхозы Янгиюльского района, Ташкентской области построили детские дома; девять колхозов этого района взяли на воспитание 100 эвакуированных детей.

В колхозах и совхозах, в учреждениях, школах и т.д. развернулось всенародное движение по оказанию помощи эвакуированным детям. 2 января 1942 г. женщины Ташкента обратились с призывом ко всем женщинам Узбекистана проявить материнскую заботу об эвакуированных детях.

«Выполним наш братский долг перед великим русским народом, перед народами Украины, Белоруссии, — писали женщины. — Ещё выше поднимем знамя интернационализма и братской дружбы наших народов. Пусть растут и крепнут наши дети — наша радость, наше будущее... Развернём в Узбекистане всенародное движение по оказанию общественной помощи эвакуированным и беспризорным детям. Пусть каждая семья рабочего, колхозника, служащего, интеллигента, пусть каждое предприятие, колхоз и совхоз примут деятельное участие в их устройстве и воспитании». В Узбекистане была создана сеть эвакогоспиталей для лечения раненых. Госпитали были размещены в лучших зданиях Ташкента, Самарканда, Ферганы, Бухары и других городов и хорошо снабжены медикаментами, перевязочными материалами и т. п. Коллективы фабрик, заводов и учреждений шефствовали над эвакогоспиталями. Свыше двух тысяч сандружинниц в свободное от работы время помогали в уходе

за ранеными. Через действующие на территории Узбекистана эвакуогоспитали только за 1941–1942 гг. прошло более 100 тыс. человек.

Были созданы комиссии по приёму и устройству эвакуированных, которым оказывалась братская помощь. Они были обеспечены жильём и медицинским обслуживанием. Десятки тысяч людей получили работу на предприятиях, в учреждениях, в колхозах. Эвакуированные рабочие и служащие, деятели науки и культуры вместе с узбекским народом самоотверженно помогали фронту.

В то время в Узбекистан было эвакуировано множество институтов, училищ, научных и культурных учреждений, в том числе головных. Ещё в 1945 г. тут продолжали свою работу академические институты истории, востоковедения, мировой литературы, Московская консерватория, Одесская киностудия, Пулковская обсерватория. Во время войны в Узбекистане работали эвакуированные театры из России и Украины, около 200 известных писателей. Были срочно эвакуированы в Узбекистан такие деятели искусства и культуры, как Алексей Толстой, Анна Ахматова, Владимир Луговской, Фаина Раневская, Якуб Колас, академик Виктор Жирмундский, Эмиль Мадарас, Корней Чуковский, Иосиф Уткин, Вячеслав Иванов, Николай Ушаков и Николай Погодин и другие. Оставался в то время в Узбекистане и знаменитый еврейский театр Соломона Михоэлса. Знаменитое стихотворение Константина Симонова «Жди меня», написанное известной актрисе Валентине Серовой, прозвучало по радио для неё, когда она находилась в эвакуации в Ташкенте. Вместе со своими родителями Марией Мироновой и Александром Менакером провёл здесь часть своего детства известный актер Андрей Миронов, с матерью жил в Ташкенте и известный актёр Михаил Светин. В те же годы в Ташкенте киноработниками Москвы, Ленинграда, ряда других городов были созданы известные картины «Александр Пархоменко», «Два бойца» и др.

Можно перечислять и перечислять такого рода исторические факты, связанные с вкладом Узбекистана в победу во Второй

мировой войне. Но самое важное, что из этого следует — узбекский народ всегда был толерантен и не безразличен к чужому горю, здесь мы явно видим, как воплотилась в жизнь, одна из главных составляющих менталитета узбекского народа — человеколюбие и гостеприимство, любовь к детям.

В великой победе, изменившей облик мира, виделись зарницы новой эры, исстрадавшийся народ возлагал огромные надежды на обновление духовной жизни. Но у руководства страны была своя концепция управления идеологией и в послевоенные годы. Её смысл определяли две установки: а) противопоставление «советской» культуры западной (которая продолжала считаться буржуазной), с тем, чтобы в условиях, возникших после общей с союзными странами военной победы, поставить заслон на пути духовного и культурного сближения с народами этих стран, как крайне опасного для тоталитарного мышления; б) дальнейшее самовозвеличивание и самоутверждение с помощью вненаучных средств собственной личности как высшего судьи в вопросах не только политики и экономики, но и в вопросах культуры, науки, чтобы воцарилось единообразное, обязательное для всех объяснение любых явлений общества и природы, находящееся под контролем партийно-бюрократического аппарата. Очередная волна политических акций против науки и учёных поднялась во второй половине 40-х годов XX в. по окончании войны.

Методично реализуя эту концепцию, руководство страны предпринимало одну идеологическую акцию за другой. Вслед за известным постановлением ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946) последовала так называемая философская дискуссия (1947). Поводом для неё послужила критика «вождём» книги академика Г.Ф. Александрова «История западно-европейской философии». Ознакомившись с книгой, Сталин вызвал нескольких философов (академиков М. Митина, П. Юдина, П. Поспелова, самого Александрова) и высказал ряд упреков, среди которых, наряду с замечаниями, касавшимися отдельных периодов и персонажей истории философии, фигурировало ставшее вскоре грозным обвинение

в объективизме, в отступлении от принципа партийности. Уже тогда в науке утвердилась догма о несовместимости классового подхода с общечеловеческим.

Новое идеологическое наступление началось именно с философии, поскольку она касается наиболее общих законов бытия и познания, стало быть, всех наук. Затем пошли конкретные научные дисциплины. В 1948 г. состоялась печально знаменитая сессия Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), на которой был «разоблачён» «вейсманизм — морганизм», а генетика объявлена «буржуазной научной плесенью».

В 1949 г. была объявлена война «космополитизму» в научной сфере, охватившей все её ведущие направления. Нападкам подверглась теория относительности Эйнштейна, теория резонанса в химии, обширный ряд биологических и психологических теорий. Под особое подозрение попали труды советских авторов еврейской национальности. В начавшейся (сперва применительно к театральнo-литературной критике) кампании по борьбе с космополитизмом сразу же проявилась её антисемитская направленность.

В 1950 г. прошли одна за другой две дискуссии — по вопросам языкознания и философии. В первой Сталин сам принял участие. Во всех дискуссиях культивировался стиль биполярного мышления. Одна сторона оценивалась как «чёрная», другая — как «белая». Тех, кого относили к первой, следовало чернить и изобличать как идейных противников. Выступавшие же в роли разоблачителей были априорно правы. Тем самым, участники дискуссий изначально находились в неравном положении. Кого куда «занести» определял Сталин или его идеологические опричники. Отношения между ними напоминали судилище, в котором одни играли роль обвиняемых, другие — обвинителей. В сложившейся ситуации положение попавших в «чёрный список» становилось трагическим. Им приходилось либо каяться, даже если это не соответствовало ни истине, ни их убеждениям, либо, сохраняя свои убеждения, становиться жертвой дискриминации, административных репрессий,

лишавших не только возможности вести в дальнейшем исследования, но и просто куска хлеба. Ведь несогласие с очернительной критикой означало конфликт не с мнением тех, кто её высказывал, а с заранее составленным сценарием, освещённым волей и авторитетом «гения всех времен». Сценарии «дискуссий» напоминали «протоколы» следствий, которыми предопределялся обвинительный приговор. «Обвиняемым» ничего не оставалось, кроме как расписаться в своем согласии с ним.

Всё это разыгрывалось в научном сообществе и широко освещалось в печати. Невольно напрашивалась аналогия с «техникой» организации процессов, на которых подозреваемым в политической нелояльности инкриминировались вредительство, шпионаж, террористические акты и т.п. Но на сей раз эта «техника» переносилась из подвалов НКВД, «особых совещаний» и закрытых заседаний Военной коллегии Верховного Суда в сферу отношений между учёными.

О сходстве с той «методологией», которая применялась при организации политических процессов, говорило и следующее обстоятельство. Из учёных, признанных врагами, сколачивались «группировки», хотя между этими учёными никакой близости — ни идейной, ни личной не могло быть. Создавались своего рода «блоки», включавшие тех, кто подлежал разоблачению. Подобная практика, как известно, применялась и в случае «комплектования» различных блоков-групп в виде вредителей, троцкистов, «буржуазных националистов», террористов и шпионов в период политического террора конца 20-х — 30-х годов XX в.

Одна за другой различные области знания подпадали под удары. Сталину приходилось считаться с необходимостью оставить «пространство» для самостоятельного творчества учёных, хотя бы с тем, чтобы обеспечить развитие тяжёлой промышленности и обороны. Однако и это «пространство» находилось под неустанным идеологическим контролем, функции которого возлагались на «идейно выдержанных» философов. Идеи марксизма, и без того канонизированные,

приобретали предельно догматизированные формы, в принципе не способные продуктивно воздействовать на творческую активность учёных, но парализующие её угрозой отступления от предписаний партии, решающей, говоря словами Б. Пастернака, «кому быть живым и хвалёным, кто должен быть мёртв и хулым».

Традиция формирования корпуса академических философов из числа партийных функционеров, заложенная Александровым и Федосеевым, была продолжена в последующие годы. По всей стране, в том числе и в Узбекистане, возникает когорта деятелей, которые, заполнив множество кафедр и учреждений, образовали призванную исполнять предписания партии службу идеологической полиции. Она, действуя от имени философии, компрометировала тем самым высшую, благородную и бескорыстную форму работы человеческого духа.

Усилиями подобного рода псевдофилософов волнами шли одна за другой кампании проработки «неверных». В 20-е годы дело ограничивалось созданием всё более сгущавшейся атмосферы подозрительности по отношению к учёным, взгляды которых казались сомнительными с точки зрения официально одобренных. В 40-х годах призыванием партийных обладателей дипломов по философии стало обеспечение сталинской программы утверждения единовластия и единомыслия во всех науках. На сей раз решения принимались от имени самих учёных, как результат борьбы мнений и свободы критики, якобы развернувшейся в их сообществе. Одна из концепций возводилась в ранг непогрешимой, всем остальным инкриминировалась ненаучность и идейная ущербность. Любое малейшее отступление от указанной теории означало измену диалектическому материализму, а тем самым и своего рода идеологическую диверсию в интересах «наших» политических противников, в ситуации же разгоревшейся в послевоенные годы холодной войны — «приспешников англо-американских империалистов».

В научной психологии существует понятие о «мышлении комплексами», как об одной из примитивных форм умственной

деятельности. Обращение к этой форме отличали рассуждения подавляющего числа участников псевдонаучных дискуссий той эпохи. Как справедливо отмечает М.Г. Ярошевский, «в комплексе сливаются в диффузное эмоционально-окрашенное целое признаки, связь которых лишена рационально продуманного основания. Такими комплексами были пронизаны и письменные тексты, и устные выступления. Комплекс складывался из цепочки: научная концепция — философская подоплёка — идеологический смысл — прямая политическая направленность. Одни комплексы оценивались как вредные, другие несли знак непогрешимости и благонадёжности».

К примеру, на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. подобный знак «непогрешимости» был придан «мичуринской биологии», апостолом которой стал «народный академик» Т.Д. Лысенко. Этот энергичный, напористый, непрерывно клявшийся в верности диалектико-материалистическому учению и лично Сталину псевдоученый, дававший обещания в голодные годы за короткий срок вывести высокоурожайные сорта культурных растений и решить продовольственную проблему, с тревогой наблюдал за успехами научной генетики, которая разрушала все его фантастические выкладки. Положение Лысенко и его последователей становилось шатким. В июле 1948 г. в беседе со Сталиным он стал жаловаться на якобы имевшуюся в отношении него травлю и одновременно пообещал за 2–3 года исправить положение в сельском хозяйстве. Поддержка Сталина, использованная как наивысший аргумент в научном споре, перетянула чашу весов на сторону Лысенко. Для пропаганды своих идей Лысенко использовал имя известного садовода-любителя, естествоиспытателя В.И. Мичурина, противопоставляя конкретную «мичуринскую» биологию будто бы бессмысленной, антинаучной, антидиалектической генетике, ставящей опыты на мухах — дрозофилах. К кампании подключились и средства массовой информации. Журнал «Огонёк» опубликовал большую статью, подписанную одним из учеников Лысенко — профессором Студитским под заглавием «Мухолобы — человеконенавистники». Сознание

рядовых людей, не разбиравшихся в тонкостях биологических дискуссий, было подготовлено к негативному восприятию генетики и генетиков. Большинство генетиков были уволены с работы, им запрещалось заниматься исследованиями, к значительной части были применены репрессивные меры. Развитие этой отрасли науки было остановлено на многие годы.

2. Экономическая и историческая науки

Дальнейшей репрессии подверглись экономическая и историческая науки. Так, в экономических дисциплинах всё было подчинено пропаганде труда Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованного в то время, когда он обрушился на экономистов, имевших своё, особое мнение по проблемам товарного обращения, товарно-денежных отношений: Санина, Ванжера, Ярошенко, обвинив их в научном невежестве. Они, по его мнению, не понимали, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода к коммунизму. В результате на долгие годы торжество «антитоварников» заморозило научные экономические исследования.

Под полным и безраздельным влиянием сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)» оказалась история как наука. Всем своим содержанием она была призвана оправдывать существующий тоталитарный порядок, имперский характер советского государства. В частности, официально утверждалось мнение, что «золотой век» народов наступил лишь после «присоединения» к России. Посмертному осуждению предавались исторические деятели за то, что воевали за идеалы свободы и независимости. Реакционными были объявлены древние эпические произведения народов Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана, Азербайджана, Дагестана, Якутии. Безоговорочно воспевался классовый террор. Из истории выпадали имена, события, периоды, которые не вписывались в нужную трактовку.

Системной политизации подверглась даже такая, казалось бы, далёкая от идеологии научная дисциплина, как этнография.

Так, 23 января – 3 февраля 1951 г. в Москве было проведено Всесоюзное совещание этнографов, которое было организовано Институтом этнографии АН СССР совместно с профильными научными учреждениями Академий наук союзных республик, в том числе Узбекистана. Центральной темой этого совещания стали вопросы борьбы с «буржуазным космополитизмом». Суть дискуссии сводилась к обоснованию унификации национальных особенностей народов Советского Союза, к выработке общей методологической позиции этнографов – рассматривать этнографические аспекты своих народов с единых, так называемых «интернационалистических позиций», обосновывать тенденциозную концепцию о формировании «новой исторической общности» – «советского народа».

Сталинский способ управления научной политикой обусловил глубокую деформацию научной мысли, истощение кадрового потенциала науки, пагубное отторжение от исследовательской деятельности многих талантливых учёных, преследуемых режимом. И эта политика нашла отчётливое выражение в Узбекистане, особенно в цикле социально-гуманитарных наук.

Как в целом по СССР, начало целенаправленному натиску на творческую интеллигенцию Узбекистана, в том числе учёных, было положено в республике постановлениями ЦК ВКП (б) от 16 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Психологический террор в научной сфере заметно усилился в конце 40-х – начале 50-х гг. вслед за развернувшимися тенденциозными «дискуссиями», инициированными сталинским руководством. Тогда в ходе борьбы с «космополитизмом», пропаганды абсолютного превосходства советской науки над «буржуазной», организации идеологической проверки научных трудов на соответствие канонам «диалектического материализма» идеологические разносы всё зримее трансформировались в репрессивные акции. Причем в Узбекистане традиционно борьба с инакомыслием проходила, в первую очередь, под знаменем «искоренения национализма».

Конкретное идеологическое выражение официальный курс на «преодоление националистических рецидивов» в республике нашел в решениях X съезда ЦК КП Уз, состоявшегося в марте 1949 г. В частности, в его постановлении было записано:

«Съезд требует от коммунистов, работающих в Академии наук Узбекской ССР, научно-исследовательских институтах и вузах Узбекистана, подъёма всей научной работы на уровень требований партии и стоящих перед республикой задач, неуклонного отстаивания большевистских принципов партийности в науке, непримиримой борьбы против реакционных теорий и воззрений».

В контексте таких подходов началась травля наиболее видных учёных, стремящихся отстаивать свои концептуальные представления, высказывающих беспокойство по поводу идеологических гонений, обрушившихся на творческую интеллигенцию. Так, основатель первого в Узбекистане политехнического института, крупный учёный в области механики М. Уразбаев был обвинён в национализме. Другой известный учёный в области геологии, вице-президент АН Узбекистана Х. Абдуллаев, работы которого получили мировую известность, был обвинён в забвении общегосударственных интересов, преклонении перед западной наукой, подозрительных связях с западными учёными в ходе пребывания на научных форумах во Франции, Англии и других странах.

В зоне повышенного контроля находились научные дисциплины, занимающие ведущее место в становлении духовно-мировоззренческих представлений и самосознания человека. В их числе первоочередное внимание уделялось философской, филологической, экономической и исторической наукам. Относительно состояния исторической науки в решениях X съезда КП Уз подчёркивалось, что оно «не отвечает требованиям правильного марксистского освещения основных проблем исторического развития узбекского народа. Съезд, руководствуясь идеологическими инструкциями Центра, потребовал от Института истории Компартии Узбекистана и Института истории АН РУз «... вести самую решительную

борьбу с попытками протаскивания в историческую науку национализма, безродного космополитизма и других враждебных нам взглядов».

Идеологический наказ партийного форума вылился в широкую кампанию по осуждению в научных учреждениях, на страницах печати учёных, позитивно оценивающих историческое прошлое своего народа.

Например, в опубликованной в газете «Правда Востока» от 21 августа 1951 г. статье М. Иванова, В. Лаврова, Ф. Искандарова «В стороне от задач узбекской литературы» суровой критике был подвергнут Институт языка и литературы АН республики за недостаточное следование «гениальному учению товарища Сталина о языке», за отрыв от боевых проблем советского литературоведения, за «протаскивание космополитических, пантюркистских, панисламистских, паниранистских взглядов». Невежественные авторы статьи обвинили обширную группу узбекских литературоведов в том, что в их трудах «замалчивается роль прогрессивных узбекских поэтов — Фурката, Мукими, Турди, Аваза Отара, Гульхани, но превозносятся поэты-ханы». Айбека жестоко раскритиковали за включение в «Антологию узбекской поэзии» «бездарных виршей реакционно настроенного поэта Мискина и махрового буржуазного националиста Авлони».

Апофеозом политической травли научной интеллигенции республики явился X пленум ЦК КП (б) Уз (21–22 февраля 1952 г.). В докладе «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в республике» указывалось, что серьёзные недостатки имеют место в исследовании вопросов истории народов Узбекистана.

Другой «крупный недостаток» виделся в том, что учёные-историки республики мало уделяют внимание исследованию вопросов истории советской эпохи. Как констатировалось в докладе, «...наши научные работники увлекаются изучением преимущественно истории и культуры отдалённых эпох». При этом «допускают идеализацию феодального прошлого». В качестве примера таких «принципиальных ошибок» назывались

материалы «Истории народов Узбекистана». Особенно острой критике подвергся второй том, редакторами которого являлись В.Я. Непомнин и В.В. Шишкин.

Опасность «идеализации феодального прошлого» сводилась к тому, что она «неминуемо ведёт к усилению буржуазного национализма, который в условиях Востока нередко принимает, форму панисламизма и пантюркизма». В связи с этим в качестве одной из важнейших задач парторганизации республики определялась необходимость развёртывания беспощадной борьбы как на «историческом фронте», так и на других участках идеологической работы «со всякими проявлениями и пережитками буржуазного национализма, пантюркизма и панисламизма». Внимание историков обращалось также на то, что принципиально важно «всесторонне показывать руководящую и направляющую роль ВКП (б), огромную помощь великого русского народа, ЦК ВКП (б), Ленина и Сталина в социалистическом преобразовании Узбекистана».

Резкой критике подверглась на X пленуме работа Института востоковедения АН УзССР. Его работникам ставилось в вину то, что они не занимаются проблемами «разоблачения происков американо-английского империализма на Востоке и контрреволюционных теорий пантюркизма и панисламизма».

В отсутствие «научного марксистского подхода к изучению культурного наследия прошлого» был обвинён Институт языка и литературы Академии. Особому критическому разбору было подвергнуто на пленуме состояние языкознания в республике. Наряду с резким идеологическим осуждением исследовательской работы научных подразделений, в материалах пленума содержались и опасные политические оценки деятельности многих известных учёных. К примеру, в серьёзных «буржуазно-националистических ошибках» был обвинён философ В. Захидов. В. Захидову ставилось в вину то, что в своём докладе «Борьба за марксистско-ленинское освещение истории и истории культуры народов Узбекистана», опубликованном в 1951 г. в специальном сборнике, он «затушеввал реакционную роль местных буржуазно-националистических элементов,

выступавших агентами иностранного империализма в их борьбе против советской власти и социалистического строительства Средней Азии».

В свою очередь, историкам Р. Абдушукурову, Г. Ризаеву и С. Раджапову было брошено обвинение в «недооценке величайшего значения Октябрьской социалистической революции в судьбах народов Средней Азии», что «их больше интересует вопрос о процессе формирования буржуазной нации, нежели вопрос о возникновении и развитии социалистической нации».

Историк А. Бабаходжаев подвергся идеологической экзекуции за то, что в своём труде «Афгано-бухарские отношения и происки британского империализма в Средней Азии в 1918–1924 гг.» он оказался обвинён в пропаганде пантюркизма.

Резкой критике подвергся на пленуме филолог А. Усманов. Ему инкриминировалось то, что, «исходя из антинаучной теории Марра», он «пропагандировал чуждую узбекскому языку арабскую терминологию, выступал против внедрения в узбекский язык общепризнанных русских интернациональных терминов», объявляя их интервенцию «ультра-интернационализмом».

Остро критиковались также на пленуме за «преклонение перед феодальным прошлым» и «националистический уклон» в своих научных трудах Айбек, А. Аминов, Х. Зарифов, Г. Каримов.

Кроме того, джадидское движение на официальном уровне было объявлено «антинародным, реакционным», а джадиды названы «злобными врагами узбекского народа».

Постановление X пленума ЦК КП (б) Уз дало толчок новому витку гонений на представителей научной интеллигенции. Часть из них была арестована, а большой знаток восточной и западной литературы проф. Хамид Сулейман был приговорен судом к 25 годам заключения в ИТЛ. Другие подверглись политическому и административному остракизму. В частности, В. Захидов был исключён из партии и лишился возможности полноправно заниматься научной деятельностью. Такая же участь постигла А. Аминова и многих других. Лишь после

смерти Сталина процесс шельмования, дискредитации и гонений на творческую интеллигенцию в Узбекистане был заторможен, всех арестованных освободили. Но рана, нанесённая узбекскому народу, долго не заживала в течение всех последующих советских десятилетий.

Итак, следует подчеркнуть, что советский способ управления образовательной и научной политикой, усугублённый методами тотализации духовной жизни, обусловил глобальную деформацию образовательной системы и нравственных устоев научного сообщества, всех основных принципов их нормальной деятельности. Были утрачены незыблемые ценности, образующие корневую систему интеллектуального творчества. В их числе, — свобода исследовательской мысли, независимый от идеологических стереотипов поиск истины, «диалогизм» как «собеседование» умов, не отравленных страхом перед властью придержащими (в противовес «монологизму» — диктату одного «голоса» и тех, кто ему вторит).

В такой атмосфере рушились такие формы организации совместного исследовательского труда и воспитания талантов, как научные школы. Взамен дискуссий, как неотъемлемой от производства знаний формы творческого общения, научное сообщество заполнили псевдодискуссии — судилища для расправы с инакомыслящими. Всё это тормозило научный прогресс, развитие молодых умов. Серьёзный ущерб был нанесён не только теории, но и практике — инженерной, сельскохозяйственной, медицинской, педагогической. В этих противоестественных условиях неистреблённый — при всех огромных утратах — интеллектуальный потенциал народа смог, вопреки тоталитаризму, породить самоотверженных тружеников, энергия которых позволила Узбекистану продвинуться по пути научного прогресса.

Репрессии 30-х годов в духовной сфере относительно стихли лишь в начале 40-х годов, со вступлением СССР во Вторую мировую войну. Это было связано, во-первых, с тем, что сталинская репрессивная машина в условиях военного времени в большей степени была нацелена, с одной

стороны на установление жёсткого режима работы во всех звеньях народного хозяйства, на преследование работников и руководителей, не обеспечивающих выполнение плановых заданий; на поиск «диверсантов» и «пособников врагу» в тыловых районах, когда не только отдельные лица, но и целые народы обвинялись в предательстве и были депортированы из мест исконного проживания. А с другой, развернулся политический террор в действующей армии, где были введены жесточайшие наказания военачальников и рядовых бойцов за неудачи на поле боя или отступление без распоряжения свыше, создавались «заградительные отряды» из состава сотрудников ОГПУ, призванных расстреливать отступающих солдат.

Во-вторых, с началом советско-германской войны, когда реально встала угроза поражения, вызванная грубейшими просчетами союзного руководства в военном строительстве, сталинская администрация вынуждена была сместить акценты в официальной советской пропаганде и в концептуальном подходе к содержанию научной и художественной деятельности творческой интеллигенции. Если раньше в духе классового подхода политическим преследованиям подвергались представители национальной интеллигенции, стремившиеся заострить внимание на национальном факторе, рассказать о богатом духовном наследии своего народа, то в тяжёлых реалиях начального этапа войны политическое руководство страны смягчило свое отношение к национальным аспектам духовной жизни. В советской официальной пропаганде стали доминировать идеи лозунги национального мужества и векового патриотизма, национального единства. Стали возвращаться имена национальных героев прошлого, пропагандироваться народный эпос. Иными словами, национальный фактор, за обращение к которому в недавнем прошлом деятели культуры обвинялись в «буржуазном национализме», теперь рассматривался в качестве одной из ведущих предпосылок разгрома ненавистного врага.

Новая волна репрессий обрушилась на деятелей литературы и искусства, как и на учёных республики, в конце 40-х —

начале 50-х годов. Выше уже рассматривались теоретические истоки этой очередной сталинской кампании политических преследований творческой элиты страны и Узбекистана. Но хотелось бы обратить внимание ещё на один аспект.

Дело в том, что в обстановке некоторой идеологической либерализации, обозначившейся на начальном этапе войны с фашистскими захватчиками, резко возрос интерес к национальному классическому наследию. Патриотические начала проявились повсеместно, в деятельности научной и творческой интеллигенции. К примеру, учёные Института истории и археологии АН РУз ССР подготовили в годы войны к печати ценные работы об этногенезе народов Средней Азии, их быте и вековой культуре. Сотрудники Института языка и литературы завершили очерки по истории узбекского языка, опубликовали работы, посвящённые славным страницам узбекского героического эпоса.

Большая научно-поисковая работа была проведена в связи с 500-летием великого узбекского мыслителя и поэта Алишера Навои. Были изданы научные труды, в которых на базе осмысления богатого документального материала описывалась жизнь и творчество А. Навои, раскрывалась история и особенности культурной жизни его эпохи. Причём, содержание исследований было проникнуто пафосом гуманизма, свободы и независимости.

Усилилось внимание к сбору, систематизации и изданию узбекского фольклора. В течение военных лет вышли в свет народные поэмы «Ширин и Шакар», «Кундуз и Юлдуз», «Далли», «Мураджан», «Малика Айяр» и др.

Плодотворно трудились на узбекской земле мастера литературного жанра. Силой художественного слова они поддерживали боевой дух народа, звали к священной борьбе, укрепляли веру в победу. Взволнованно и проникновенно писали поэты и писатели о родном крае, его истории, вековом духовном наследи.

В горестные дни войны особое место в духовной жизни заняла публицистика. Статьи, памфлеты Х. Алимжана, Г.

Гуляма, А. Каххара, Айбека, Айдына, А. Умари, М. Исмаили, М. Шайхзаде, Зульфий, Туйгуна, Миртемира, С. Ахмада, Б. Рахмана и других обличали фашизм, говорили о самом важном – о судьбе Родины, о долге каждого человека. Причём, авторы во многом освободились от культовых стереотипов предвоенных лет, их произведения стали ближе, понятнее людям.

Настоящий подъём переживало театральное искусство. В условиях военного времени в Узбекистане работал 51 театр (35 местных и 16 эвакуированных), на их сценах шли спектакли, находящие живой отклик у зрителей. Особенно популярны были пьесы К. Яшена «Смерть оккупантам» и «Овтобхон», И. Султанова «Бургутнинг парвози», «Муканна» А. Алимжана, «Навои» Уйгуна и И.Султанова, «Курбан Умаров» С. Абдуллы и Чусты, «Узбекистон киличи» Н. Погодина, Х. Алимжана, Уйгуна и С. Абдуллы, «Касос» Туйгуна и Умари, «Фарзанд» Исмаилзаде и др.

Своими драматическими постановками деятели искусства призывали к мужеству, патриотизму, к борьбе за свободу и независимость.

Патриотический подъём деятелей культуры ярко проявился и в музыкальном творчестве. Музыкальные образы эпической мощи, героики в сочетании с возвышенным идеалом – таковы стали характерные черты произведений Т. Садыкова, М. Ашрафи, Д. Закирова, Т. Джалилова, Н. Хасанова, М. Бурханова, Ю. Раджаби и др.

Патриотическая тема стала ведущей в документальном и художественном киноискусстве. Работники узбекской кинематографии создали за годы войны цикл короткометражных фильмов – киноновеллы, кинорассказы, очерки, сатиристические сценки, а также несколько специальных фильмов-концертов для бойцов фронта. Кроме того, было выпущено 10 звуковых фильмов, вошедших в золотую сокровищницу отечественного кинематографа.

Узбекские кинематографисты раскрывали человеко-ненавистническую идеологию фашизма, ярко и вдохновенно

показывали высокий гуманизм, мужество и героизм воинов и тружеников тыла, их несгибаемую волю и веру в победу над врагом.

В целом же, оценивая отличительные особенности духовной жизни республики сурового военного времени, следует подчеркнуть, что созданные в годы войны художественные произведения несли главную ценность — они возвышали гуманистические начала в жизни населения края. Процесс этот шёл через противопоставление практике гитлеризма, уничтожившего миллионы людей по расовому, национальному признаку, коренных начал народной жизни с её готовностью самопожертвования во имя Отечества и более глубокое раскрытие основ народного характера.

3. Борьба с космополитизмом и различными «уклонами» в области литературы, поэзии и музыки в 50-70-е годы XX века

Важным фактором, способствующим усилению гуманистических начал в художественном и научном творчестве, как уже говорилось выше, явилось некоторое ослабление идеологических тисков сталинского тоталитарного режима.

Однако со временем в произведениях гуманистической направленности как в Узбекистане, так и в целом по стране, все меньше стало отводиться место славословию в адрес вождей, пустозвонству, казенщине. Это насторожило идеологических цензоров. Во властных верхах с наступлением перелома в ходе войны всё больше стало проявляться настроение, что на идеологическом фронте наблюдается «недооценка и ослабление» идейно-политической работы в массах. В результате вновь стал устанавливаться жёсткий идеологический пресс, в основе которого лежали догматические представления о роли культуры, прежде всего художественной, который с победоносным завершением войны и переходом к мирной жизни с нарастающей тенденцией начал оказывать давление на все стороны духовной сферы общества.

Официальные установки требовали от литературы и искусства прежде всего воспевать «пафос социалистического созидания», подчеркивать исключительно позитивные явления общественного развития, руководящую роль партии и прославлять мудрость её вождей. Руководитель Союза писателей СССР А. Фадеев, отличавшийся преданностью Сталину, был подвергнут резкой критике за начальный вариант романа «Молодая гвардия», в котором, якобы, недостаточно было отражено партийное руководство комсомольцами-подпольщиками. М.В. Исаковский, автор популярных стихов, ставших поистине народными песнями, подвергся нападкам критики за стихотворение «Враги сожгли родную хату». Великий русский писатель А.П. Платонов, автор таких шедевров прозы, как роман «Челенгур» и повесть «Котлован», был лишён возможности жить литературным трудом.

Печальную известность получило постановление ЦК ВКП(б) 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», инициатором которого был Сталин, а главным проводником Жданов. Основными целями кампании «проработки» было избрано творчество А.А. Ахматовой и М.М. Зощенко. Каждое обсуждение этого постановления на местах заканчивалось «оргвыводами». К постановлению по литературе добавились постановления о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь», а в 1948 г. об опере М. Мурадели «Великая дружба». С обличающими речами и статьями выступили руководители творческих союзов. В практику вошло закрытие журналов, запрещение литературных, музыкальных, кинематографических произведений.

Резким нападкам подверглись так называемые «формалисты» в музыке, среди которых главными были названы выдающиеся композиторы С.С. Прокофьев и Д.Д. Шостакович. Широким народным массам предназначалась не подлинно народная, а псевдонародная музыка в исполнении хоров и солистов, воспевавших вождей, счастливую колхозную жизнь и т.п. В это же время популярная исполнительница русских народных песен Л. Русланова оказалась репрессирована. На

местах стремились не отставать от центра, выискивая своих «формалистов».

Целый спектр взглядов Сталина на историю, идеологию, искусство выразился во время его встречи с кинорежиссером С.М. Эйзенштейном и актёром Н.К. Черкасовым. Речь шла о фильме «Иван Грозный». Сталин заявил, что опричнина в фильме показана неправильно. Царь получается нерешительный, как Гамлет. Мудрость же Грозного состояла в том, что он стоял на «национальной» точке зрения и иностранцев в страну не пускал. Он первый, Ленин – второй. Сталин, безусловно, проводил параллели со своей деятельностью. Вторая серия «Ивана Грозного» была запрещена.

В то же время развернулась борьба с «космополитизмом». В этом витке «борьбы» погибли известные деятели культуры: актёр и режиссер С. Михоэльс, поэт П. Маршина и др. Космополитом мог быть объявлен любой человек, интересующийся западной литературой, музыкой, живописью. Были запрещены международные культурные контакты. Такая политика привела к изоляции народов СССР от многих достижений культуры народов мира.

Вслед за центром масштабная кампания «идеологического наступления» в духовной жизни развернулась и в Узбекистане. Уже в августе 1946 г. XIV пленум ЦК КП (б) Узбекистана принял постановление, в котором отмечалось, что в республике «в запущенном состоянии оказалось дело идейно-политического воспитания...», «недопустимо ослаблена борьба с пережитками прошлого в сознании людей, с попытками распространить влияние чуждой нам идеологии в массах...», «не получают должного отпора элементы безыдейности и аполитичности в творчестве некоторой части писателей и в репертуарной политике театров республики», имеются «факты отхода многих из них от актуальных тем современности».

В 1948–1949 гг. в целях проверки идеологической ситуации в сфере духовного производства Узбекистана из Москвы прибыла большая группа работников науки и культуры, возглавляемая официальным представителем ЦК ВКП (б). Как

вспоминает бывший секретарь ЦК КП (б) Уз Н. Мухитдинов, «...они скрупулезно разбирали творчество буквально каждого крупного учёного и деятеля культуры Узбекистана. Провели собрание актива, где руководители группы подвергли суровой критике тех, кто «извращает национальную политику» партии, «популяризирует архаизмы», «дворцовую поэзию и музыку», пытается «замкнуть узбекскую культуру и оторвать её от Союза».

В частности, отмечалось, что в «разрез с линией партии» немалая часть представителей творческой интеллигенции республики «допускает идеализацию дореволюционного прошлого». В качестве примера приводились существенные «идеологические ошибки», «вскрытые» в докторской диссертации проф. А. Саиди «Творчество Навои, как высший этап в развитии узбекской классической литературы». Так, в материалах проверочной комиссии констатировалось, что в его диссертации неверно характеризовалось государство Тимуридов, ибо «автор считал, что период царствования султанов Шахруха, Улугбека и Хусейна Байкары является периодом цветущего культурного и общественного развития Средней Азии, так сказать «золотым веком» узбекской истории, определившим дальнейший культурный и политический подъём узбекского народа».

Наряду с регулярным направлением в Узбекистан проверочных комиссий, в целях всестороннего контроля со стороны центральной власти в конце 40-х годов в республике был учреждён специальный институт Уполномоченного ЦК ВКП (б) по Узбекистану. Первым Уполномоченным был назначен С.Д. Игнатъев. Опираясь на собственный аппарат и местные руководящие партийно-советские органы, он, прежде всего, сосредоточил внимание на вопросах идеологической экспертизы состояния республиканской науки, культуры, искусства и литературы, направления деятельности творческой интеллигенции Узбекистана в соответствующее русло.

Инициированная союзным центром кампания разоблачения «пороков» в узбекской литературе и искусстве способствовала

тому, что в 1949—1950 гг. подверглись необоснованной критике и осуждению деятельность Союзов писателей, художников, композиторов. Были найдены и «своеобразные» причины «безыдейности», а именно то, что «некоторым творческим работникам серьёзно мешают плодотворно работать неизжитые ещё националистические заблуждения и беззаботное отношение к овладению марксистско-ленинской теорией».

Так, в постановлении Бюро ЦК КП (б) Узбекистана от 25 июня 1949 г. «О работе Союза писателей Узбекистана», принятого на основе его фронтальной проверки, отмечалось, что в произведениях последнего времени рядом писателей «... допущены элементы национализма, идеализации феодального прошлого и раболепного преклонения перед старой феодальной культурой. В их числе назывались Айбек, Гулям Алимов, М. Бабаев, Абдулла Каххар, Миртемир, Туйгун, У. Рашидов, Хамид Гулям, А. Каюмов, Шайхзаде».

Критике подверглись журналы «Шарк юлдузи» и «Звезда Востока» за публикацию на своих страницах статей, якобы «проникнутых духом космополитизма и дезорганизующих читателей». Особенно досталось журналу «Шарк юлдузи», «находящемуся, — как гласил документ, — на неверном, ошибочном пути. За последнее время в этом журнале имело место ярко выраженное проявление национальной ограниченности».

Необоснованной критике были подвергнуты произведения композиторов республики в постановлении Бюро ЦК КП (б) Уз от 8 апреля 1951 г. «О состоянии музыкального искусства Узбекской ССР и мерах по его дальнейшему развитию». Бюро осудило «вредную практику» создания оперных, балетных и музыкальных спектаклей по мотивам и на основе классических произведений: «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Тахир и Зухра», «Алпамыш», «Гуландом» и др. В обличающем тоне указывалось, что многие работники концертных организаций и музыкальных театров популяризуют старую архаическую музыку

и наиболее мрачные и заунывные образцы макамов, не совмещающиеся с пафосом советской действительности и новыми коммунистическими чертами общества.

Сделав вывод, что «музыкальное искусство Узбекистана отстаёт от жизни, не служит в полной мере целям и задачам коммунистического воспитания узбекского народа», директивные органы подчёркнули необходимость широкой пропаганды «достижений социализма», а также «музыкального искусства братских народов и укрепления с ними связи узбекского музыкального искусства».

Подобный подход, настроенный на предании анафеме многих шедевров устного народного творчества и произведений выдающихся поэтов прошлого, на подстегивании искусственной интернационализации национального музыкального искусства, тяжело отразился на его состоянии. Так, сразу же после публикации указанного постановления во всех творческих союзах и театрах республики в соответствии с его указаниями были внесены серьёзные изменения в планы работы и репертуары. К примеру, в Республиканском театре музыкальной драмы и комедии им. Муками вместо спектаклей «Фархад и Ширин», «Тахир и Зухра», «Навои», «Лейли и Меджнун», «Алпамыш» были осуществлены постановки «Наталка-Полтавка», «Баядера», «Седая девушка», «Голубой Дунай» и др. Аналогичные акции были предприняты и в других театрах. В результате резко понизился их национальный колорит, заметно сократилось число зрителей из представителей коренных национальностей.

Действительно, в тот период грозные обвинения, явно надуманные, были выдвинуты против таких крупных деятелей литературы, как Айбек, А. Каххар, Шайхзаде, Шукрулло, Шухрат, Чустии и др. Нередко критике подвергались те произведения, которые в предшествующие военные годы приветствовались. К примеру, в 1946 г. роман Айбека «Навои» был удостоен высшей в то время Сталинской премии. Но затем именно за этот роман Айбек был обвинен в «раболопном преклонении перед старой феодальной культурой».

В августе 1951 г. в республиканской печати были опубликованы две разгромные статьи, нацеленные на осуждение «националистов», «космополитов», «пантюркистов». В первой статье «Об идеологических извращениях в творчестве некоторых поэтов» с догматической опорой на принципы социалистического реализма огульному обвинению подверглись Тураб Тула, Камтар Атабаев, Миртемир, А. Бабаджанов, Собир Абдулла, Хабиби. Во второй статье осуждалась деятельность узбекской киностудии. В результате творческий потенциал работников студии оказался фактически парализованным, а узбекское киноискусство — полностью репрессированным. Достаточно сказать, что за 1949–1952 гг. киностудия «Узбекфильм» на подготовку литературных сценариев художественных фильмов израсходовала 541,4 тыс. руб., однако ни один из них не был запущен в производство. Подавляющая их часть, особенно посвящённых национальной тематике, в силу «идейной неполноценности» не утверждалась. В частности, оказались запрещены сценарии фильмов «Алпамыш», «У скал Фархада», «Наши силы» и др. Между тем, как показал опыт военных лет и «оттепели» 50-х годов, узбекский кинематограф обладал огромным творческим потенциалом. Мастерами узбекского кино (Н. Ганиев, К. Ярматов, Ю. Агзамов и др.) в условиях относительной творческой свободы было создано немало высокохудожественных фильмов, получивших широкое признание зрителей. К сожалению, в описываемый период они были лишены возможности полноценного служения народу, находились практически в простое.

Критика в печати и на собраниях творческих работников переплеталась с прямыми репрессивными акциями. В частности, в течение 1950–1951 гг. оказались арестованы, а вначале 1952 г. осуждены на 25 лет за «антисоветскую деятельность» Шукрулло, М. Шайхаде, М. Осим, С. Ахмад, М. Исмаили, Шухрат, Х. Сулейманов и ряд других представителей узбекской творческой интеллигенции. В заключении они провели 5 лет. Реабилитированы были лишь после развенчания сталинского культа единоличной власти.

Тяжёлым преследованиям подвергся выдающийся певец Мухитдин Кары-Якубов. Будучи верным сыном узбекского народа, он ещё в 20-х годах оказал сильное влияние на развитие национального музыкального искусства. М. Кары-Якубов мечтал создать национальный балет и оперу. Мало тогда кто поддерживал его в этом стремлении. Среди большинства деятелей музыкального искусства в те годы господствовало убеждение, что узбекская музыка ни в коем случае не должна выходить из своих традиционных форм, что путь к симфонизации — это безумие, что невозможно создать оперное искусство, не сломав национальной самобытности. Однако Кары-Якубов был настойчив в достижении своей мечты. В 1926 г. он организует музыкальную труппу, призванную по его мысли стать «фундаментом, базой, на которой вырастут узбекская опера и узбекский балет».

С мая 1926 по апрель 1927 г. М. Кары-Якубов со своей труппой гастролирует по городам и селам Узбекистана. С сентября поездки продолжаются в Москве, организует и руководит театром в Коканде, в январе 1928 г. — театром в Андижане. Осенью того же года его переводят в Самарканд, где он организует музыкальный ансамбль.

Уже в следующем году Кары-Якубов получает звание первого народного певца Узбекистана, тогда же он вводит в оркестр узбекских народных инструментов азербайджанский тар и пианино, поднимает вопрос о реконструкции узбекских народных инструментов. К этому времени в ансамбле под его руководством работают знаменитые артисты — Тохтасин Джалилов, Халима Насырова, Аброр Хидоят, Мукаррам Тургунбаева, Лютфи Сарымсакова, Юнус Раджаби, Тамара ханум и многие другие.

В апреле 1931 г. вместе с В. Успенским Кары-Якубов приступает к организации симфонического оркестра из национальных кадров, разрабатывает проект конкурса на оркестровку и гармонизацию узбекской музыки. Через три года ему поручают реорганизовать оперные классы Русского театра оперы и балета им. Свердлова. Однако в ноябре того

же года талантливого новатора освободили от занимаемой должности. Он вынужден был уехать в Москву, где возглавил созданную им узбекскую оперную студию при Московской консерватории.

И всё же Кары-Якубов продолжает вести отбор талантливой молодежи, собирая коллектив для создания узбекской Госфилармонии. И она была создана в 1936 г., но Кары-Якубов вскоре освободили от должности руководителя. Теперь он лишь артист-солист Узгосфилармонии и Узгосмузтеатра.

В июле 1940 г. Кары-Якубов участвует в премьере оперы «Лейли и Меджнун» Т. Садыкова и Р. Глиэра, затем в премьере оперы «Великий канал» М. Ашрафи и С. Василенко. Год спустя он поёт главную партию Улугбека на премьере одноимённой оперы А. Козловского, позже исполняет и главную партию в опере «Махмуд Тараби» О. Чешко.

К сожалению, кипучая энергия М. Кары-Якубова по реформации музыкального искусства, его попытки возродить в памяти народа образы великих национальных деятелей прошлого стали вызывать у партийных идеологов к концу 40-х годов всё большее раздражение. В 1952 г. Кары-Якубов был репрессирован органами НКВД и приговорен к длительному лишению свободы. И только после смерти Сталина он был реабилитирован.

В русле такого идеологического подхода, по воспоминаниям Н. Мухитдинова, в начале 50-х годов ему был передан соответствующими органами список 60 видных деятелей культуры, которые, якобы, «ведут активную националистическую деятельность, идущую вразрез с политикой партии, периодически встречаются, негласно обсуждают проблемы, согласовывают свои оценки и ведут вербовку сторонников среди интеллигенции». Между тем, к тому времени уже более 20 человек были осуждены, многие освобождены от занимаемых должностей как не внушающие доверия.

В свою очередь, академик М. Мухамеджанов вспоминает, что в начале 1952 г. предпринимались попытки передать «на

предмет разоблачения» тогдашнему секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову список «группы националистов, панисламистов и пантюркистов, в котором значились фамилии почти 150 видных учёных, писателей, деятелей культуры».

Говоря другими словами, готовились новые массовые репрессии 30-х годов. И они уже разворачивались. Лишь смерть И. Сталина и последующая затем «хрущёвская оттепель», совмещаемая с политикой десталинизации, остановила очередной разгул крупномасштабных репрессий.

Таким образом, следует отметить, что сложившаяся в условиях тоталитарного режима преступная практика политических гонений, массовых репрессий, физического уничтожения наиболее талантливых представителей национальной интеллигенции, совмещаемых с неухаживаемыми кампаниями борьбы против «идеализации феодального прошлого», «националистических извращений» за обеспечение «идейной чистоты» и ускоренную интернационализацию духовной жизни обусловили порочные процессы обескровления национальной литературы и искусства, деформационный характер их развития. Всё это определило серьёзную угрозу утраты узбекским народом своей национальной самобытности.

Ключевые термины.

Космополитизм. Тоталитарное мышление. Партийно-бюрократический аппарат. Догма о несовместимости классового подхода с общечеловеческим. Биполярное мышление. Псевдофилософы. «Антитоварники». «Буржуазный космополитизм». Унификация национальных особенностей народов. «Новая историческая общность – советский народ». Десталинизация. Ускоренная интернационализация духовной жизни. Деформационный характер развития культуры. Утрата национальной самобытности

Вопросы и задания.

1. Объясните сущность концепции управления идеологией И. Сталина в послевоенные годы.

2. Как проходили репрессии в области экономической и исторической наук?

3. Объясните такие понятия, как космополитизм и тоталитарное мышление.

4. Какую цель преследовали органы советской власти, начав борьбу с космополитизмом и различными «уклонами» в области литературы, поэзии и музыки в 50-70-е годы?

5. С какой целью органы советской власти проводили унификацию национальных особенностей народов Узбекистана?

6. Какой должна быть по замыслу руководства СССР «новая историческая общность – советский народ»?

7. Как проходила десталинизация в СССР?

8. К каким последствиям может привести утрата национальной самобытности?

Тесты

1. Укажите годы Второй мировой войны:

А) 1939–1945 гг.

В) 1938–1945 гг.

С) 1937–1945 гг.

Д) 1939–1946 гг.

2. Сколько государств стало участниками во Второй мировой войне?

А) 49

В) 46

С) 50

Д) 72

3. Сколько было эвакуировано госпиталей в Узбекистан за годы войны?

А) 215

В) 115

С) 200

Д) 300

4. В какой организации подготовили 1112 медсестёр, 3120 сандружинниц?

- А) Общество Красного Креста и Красного Полумесяца
- В) подготавливали в госпиталях
- С) Областные подготовительные курсы по оказанию первой медицинской помощи

Д) не готовили

5. Кто автор стихотворения «Жди меня»?

А) К. Симонов

В) Б. Лунин

С) Кары Ниязов

Д) Анна Ахматова

6. Кто был комиссаром внутренних дел СССР в 1939 году?

А) Николай Ежов

В) Алексей Курай

С) Сергей Кутузов

Д) Юрий Саманков

7. Сколько женщин отбывало наказание в лагере «Алжир» в Караганде в 1938–1946 годы?

А) 6511

В) 6500

С) 7321

Д) 7343

8. С какого возраста накладывался арест на детей в 1937–1939 годы?

А) 16

В) 15

С) 19

Д) 18

9. Какое постановление приняло Бюро ЦК КП (б) Уз от 25 июня 1949 г.?

А) «О работе Союза писателей Узбекистана»

В) «О работе союза учёных Узбекистана»

С) «Об идеологическом воспитании»

Д) «О печати»

10. По постановлению 11 апреля 1942 года...

А) Раскулаченные мобилизованы в армию

В) Отменить армию

- С) Отделить земли раскулаченным
- Д) Продлить срок армии

Рекомендуемая литература.

1. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. В кн.: Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. – Ташкент, Узбекистан, 1999. 7. – с. 128–152.

2. Мирзиёев Ш.М. Буюк келажегимизни мард ва олийжаноб халкимиз билан бирга курашимиз. Т.: Ўзбекистон, 2017.

3. История Узбекистана. Учебник для ВУЗов. Ташкент: «Fanvatexnologiya»-2011.

4. История культуры Узбекистана: этапы, проблемы, достижения. Ответ.редактор З.Р. Ишанходжаева. -Т., «Adabiyot uchqunlari», 2016.

5. История России. С древнейших времен. - М., «Дрофа», 2005.

6. Ишанходжаева З.Р. Репрессивная политика советской власти и культура Узбекистана: трагедия выживания (1925–1953 гг.). – Т. «Tafakkur», 2011.

7. Conquest Robert. The great terror. Oxford University Press, USA. 2007. Paje 608. 40-th Anniversary edition. ISBN-13: 978-0195316995, ISBN-10:0195316991.

8. Conquest Robert. «The Harvest of Sorrow. Soviet collectivization and the Terror – fa mine». – New York, 1986.

9. Кузнечевский В.Д. Сталинская коллективизация. Ошибка ценою в миллионы жизней. Российский институт стратегических исследований. – М.: РИСИ, 2015.

10. Ўзбекистоннинг Янги тарихи. Т. 2. Ўзбекистон Совет мустамлакачилиги даврида. – Т., «Шарк», 2000.

11. Хотира китоби. Ўзбекистон Республикаси. Қомуслар бош тахририяти. Т.: 1995.

ТЕМА 9. ПОПЫТКА МОДЕРНИЗАЦИИ ТОТАЛИТАРНОГО СТРОЯ В 70—80-Е ГОДЫ XX ВЕКА. НАРАСТАНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ

План:

1. Истоки кризисных явлений 70-80-х годов XX века. Нерациональная хозяйственная деятельность человека и нарастание экологических проблем.
2. Попытка «перестройки» общества.
3. Формирование условий для обретения независимости.

1. Истоки кризисных явлений 70-80-х годов XX века. Нерациональная хозяйственная деятельность человека и нарастание экологических проблем

Вторая мировая война сформировала новое поколение людей, способное альтернативно, критически мыслить.

После смерти Сталина (1953 г.) разгул репрессий был приостановлен, а после XX съезда КПСС (1956 г.) наступил период хрущёвской «оттепели», когда начали реабилитировать невинно осуждённых. В политической жизни было провозглашено восстановление попорченной законности. Союзным республикам делегировали некоторые функции, ранее принадлежавшие центру. Части депортированных народов (чеченцы, ингуши и др.) разрешили вернуться на Родину. Наблюдалось оживление в общественной жизни, культуре, искусстве. Однако процессы некоторой либерализации в общественной жизни продержались недолго. В середине 60-х годов вновь усилился идеологический прессинг. В 1964 г. к власти пришёл Л.И. Брежнев, стала происходить идейная реабилитация сталинизма и усилилась идеологическая борьба, направленная на укрепление пошатнувшейся системы.

Однако, несмотря на это, в рассматриваемый период произошли сдвиги в области экономики, политики, культуры. В республике расширялась сеть образовательных школ, открывались музыкальные, спортивные школы, школы изобразительного и прикладного искусства.

После окончания войны Узбекистан начал переводить свою экономику на мирные рельсы. Внутри страны необходимо было перестроить деформированное войной народное хозяйство, восстановить его довоенный уровень и осуществить дальнейшее развитие. Восстановительные работы сопровождались поиском путей совершенствования экономической системы. В откликах на проект Конституции СССР, подготовленный в 1946 году, звучали идеи о необходимости децентрализации экономической жизни, предоставления больших хозяйственных прав на местах и непосредственно наркоматам. Поступали предложения о допущении существования мелкого частного хозяйства крестьян, кустарей, основанного на частном труде, исключающего эксплуатацию чужого труда.

Переход народного хозяйства Узбекистана на производство мирной продукции начался ещё в период войны. В отличие от разрушенных войной районов здесь задача заключалась в перестройке экономики, в обеспечении дальнейшего её роста с учетом её места и роли в союзном разделении труда. Уже к концу 1945 года машиностроительные заводы переключились на производство машин для сельского хозяйства. Предприятия химической промышленности вновь стали давать минеральные удобрения. Развернулась работа на новостройках, заложенных еще в годы войны Фархадской ГЭС, Узбекском металлургическом комбинате и др. Началось строительство мощного угольного разреза в Ангренском бассейне. Одновременно Узбекистан оказывал помощь в восстановлении освобожденных районов. Окончание войны означало, что теперь можно направить все усилия на ликвидацию её последствий, а они были достаточно тяжёлыми: острый дефицит в топливе, электроэнергии, сырье для мирной промышленности, продовольствии, товарах народного потребления, в квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадрах.

В послевоенные годы наблюдается усиление тоталитарного режима, власти партии, ставшей над государственным органом. Она контролировала все вопросы жизни страны, включая народное хозяйство. Бывшие союзные республики

вынужденно выполняли указания Центра, Узбекистан тоже не был исключением. Республика была вынуждена выполнять социальные и экономические программы и планы, разработанные за её пределами и часто не учитывающие её интересы.

При составлении важнейших задач восстановления довоенного уровня народного хозяйства Узбекистана и его дальнейшего развития были проигнорированы и не задействованы, как и прежде, рыночные механизмы и экономические рычаги управления промышленностью, принципы хозяйственного расчета и самофинансирования, аренды. Не получил развития принцип материального стимулирования трудящихся, обеспечивающий проявление инициативы и заинтересованность в конечном результате труда.

Развитие практически всех отраслей народного хозяйства, включая промышленность, ставилось в зависимость от интересов хлопководства. В этих целях предполагалось развернуть крупные работы по реконструкции и созданию новых машиностроительных заводов по производству машин для хлопководства и ирригационного строительства. Например, заводам «Таштекстильмаш» и «Ташсельмаш» предлагалось наладить производство чесальных, хлопкоуборочных машин, машин по первичной обработке хлопка и др. В этих же целях были перепрофилированы ряд машиностроительных заводов (Узбексельмаш, «Красный двигатель», «Подъёмник» и др.). Были реконструированы Янгиюльский, Ташкентский, Бухарский и другие хлопкоочистительные заводы. В сжатые сроки был переведён с выполнения военных заказов на выпуск минеральных удобрений Чирчикский электрохимический комбинат. На решение задач хлопководства было направлено расширение энергетической и топливной баз республики. Богатая сырьевая база республики, самоотверженный труд её народа, способствовали успешному восстановлению народного хозяйства за 1946–1950 гг. Валовая продукция промышленности выросла на 71%, превысив довоенный уровень в 1,8 раза.

Удельный вес промышленности в общем объеме народного хозяйства составил 47,2%, до войны этот уровень составлял только 25,6%.

Слабым звеном народного хозяйства продолжало оставаться сельское хозяйство, была подорвана его материально-техническая база, сократились трудовые ресурсы, снизилось производство хлопка-сырца и других сельскохозяйственных продуктов. Всё это сказывалось на темпах его развития. Однако не был восстановлен довоенный уровень производства зерна, овощей, бахчевых; сдерживалось развитие животноводства. Основной задачей перестройки сельского хозяйства Республики стало расширение посевных площадей под хлопчатник. Это вело к сокращению площадей, предназначенных для продовольственных культур, в первую очередь пшеницы, а также уменьшению приусадебных участков колхозников. В 1946 году под посевы хлопчатника было освобождено 218 тыс. гектаров орошаемых земель. В целом по Республике под посевы хлопчатника определялась площадь в 779 тыс. га. Центром принимались специальные постановления, намечавшие планы и мероприятия по подъёму хлопководства в Узбекистане в 1946—1953 гг. Эти нереальные для республики планы не учитывали интересов коренного населения и были направлены на развитие монокультуры хлопчатника. Государственные планы хлопкозаготовок 1947 и 1948 гг. не были выполнены. Положение начало исправляться с 1948 года. Производство хлопчатника возрастало год от года: если в 1945 г. было выращено 850, то в 1950 г. — 2222 тыс. тонн. Дали свои плоды повышение закупочных цен на хлопок, предоставление льгот дехканам. Увеличилась урожайность, вырос сбор хлопка.

Расширение хлопководства требовало огромных затрат на механизацию основных сельскохозяйственных работ, производство минеральных удобрений для повышения урожайности хлопчатника, расширения ирригационного строительства. В итоге, комплексность в освоении новых земель была грубо нарушена, игнорирование многоотраслевого развития общественного хозяйства способствовало

форсированному проникновению в хозяйство монокультуры хлопчатника.

В конце 50-х годов начался новый этап в развитии ирригации и орошения в республике, когда в интересах увеличения производства хлопка было решено создать крупнейший в стране район хлопководства. Это послужило началом освоения и орошения плодородных земель в Голодной степи. В этой связи началось строительство крупнейшего Южно-Голодностепского магистрального канала, протяжённостью 127 км, Центрального Голодностепского коллектора и расширение Северного Голодностепского канала. Началось освоение целины в Мирзачульской и Каршинской степях, в Сурхан-Шерабадской долине. Большие водохозяйственные работы осуществлялись и в других регионах республики. Для обеспечения Бухарской области водой были построены Аму-Каракульский и Аму-Бухарский каналы. Были построены восемь крупнейших водохранилищ — Куюмазарское — в Бухарской, Южносурханское — в Сурхандарьинской, Чимкурганское — в Кашкадарьинской областях. До середины 50-х годов были построены Баяутский канал в Сырдарьинской, им. Ахунбабаева в Ферганской и Наманганской, Эски Ангор в Кашкадарьинской и Самаркандской областях. В 1954 году в Наманганской области было сдано в эксплуатацию Касансайское водохранилище.

Для обводнения и освоения новых земель в Мирзачуле в 1961 г. был построен 127-километровый Южный Мирзачульский канал, а в 1968 году — центральный Мирзачульский коллектор. В 1965 году были построены 200-километровый Аму-Бухарский канал, с его вводом удалось обводнить 90 тыс. га земли, в том числе целинной. В пустыне Кызылкум водой были обеспечены пастбища площадью более 300 тыс. га. Южное Сурханское водохранилище, каналы Занг, Шерабад и Аму-Занг дали возможность обводнить Сурхан-Шерабадскую долину.

На целинных землях возникали новые районы, города, колхозы и совхозы. Так, в Мирзачульской степи появилось 10 новых районов, города Бахт, Гулистан, Дустлик, Пахтакор,

Янгиер, около 100 колхозов и совхозов, строилось жильё для целинников. Всего к 1985 году уже функционировало 20 водохранилищ. Развернувшиеся крупные водохозяйственные работы по орошению и освоению Голодной, Каршинской степей, Сурхан-Шерабадской долины имели для республики неоднозначное значение.

С одной стороны, комплексное освоение земель предусматривало орошение с одновременным созданием новых хозяйств, строительством жилых поселков, с культурно-бытовыми объектами. Были построены промышленные комплексы, новые города. С другой стороны, посевы хлопчатника росли быстрее прироста поливных земель. Так, если площади поливных земель увеличились с 1913 года до 1970 года в 2 раза, то посевы хлопчатника — в 4 раза. Удельный вес хлопчатника по республике достиг 70%. Хозяйство хлопкового направления приобрело специализированный, монокультурный характер. Для сравнения напомним, что удельный вес хлопка составлял в 1913 году — 33,2%, а в 1950 году — 56,6%. С 1960—1970-х гг. посевные площади под хлопчатник увеличились с 1386 по 1709 тыс. га. К 1980 году доля хлопковых полей составляла в среднем по Республике 75 %. В производстве хлопка уклон делался не на повышение урожайности, а на увеличение посевных площадей. В период с 1971 по 1975 гг. средняя урожайность по Республике составила 28,5, а с 1981 по 1985 — 26,7 центнеров с гектара. Это повлияло на снижение заготовок по Республике. Если с 1976 по 1980 ежегодно собирали в среднем по 5,3 млн. тонн, то с 1981 по 1985 — по 5,1 млн. тонн хлопка.

Орошение и освоение целинных земель, создание новых районов хлопководства, увеличение посевных площадей под хлопчатник, в ущерб продовольственным и кормовым культурам, усиливало нерешённость продовольственной, экологической проблем.

Развитие промышленности в Узбекистане также не было лишено командно-административного диктата. Узбекистан претворял в жизнь экономическую политику, которая

разрабатывалась и определялась союзным руководством. Основным звеном плана на 1946–1950 годы было вложение крупных капитальных вложений в экономику, их объём превзошёл объём инвестиций довоенных лет. Значительная часть капиталовложений направлялась в отрасли тяжёлой индустрии. Это было оправдано только с одной стороны: концентрации новой техники, рабочей силы, квалифицированных специалистов в этой отрасли. Вместе с тем в развитии промышленности не использовались новые технологии, достижения науки и техники. Но, несмотря на негативные стороны развития промышленности, увеличивался её потенциал. В каждой послевоенной пятилетке вводилось в строй около 100 промышленных объектов. В 1970 г. по сравнению с довоенным 1940-м годом производство товаров возросло в 8,5 раз. К 1985 году в республике уже имелось более 1500 производственных, научно-производственных объединений, комбинатов и предприятий. Выпуск промышленной продукции, по сравнению с 1941 годом, увеличился в 21 раз.

За период с 1970 по 1985 объём ВВП в Узбекистане возрос в 2,4 раза, но этот показатель был ограничен лишь ведущими отраслями – машиностроительной и химической промышленностью, в основном производством машин для хлопководства и химических удобрений.

В этот период в Узбекистане развивались многоотраслевая машиностроительная индустрия, химическая, нефтяная, угольная, газовая, горнорудная и энергетическая промышленность. В начале 70-х годов XX в. в республике насчитывалось более 100 машиностроительных и металлообрабатывающих предприятий, таких, как Ташкентский тракторный завод, «Узбексельмаш», «Чирчиксельмаш», Ташкентский экскаваторный завод, а также десятки других предприятий, выпускавших продукцию для внутреннего рынка и на экспорт.

Следует отметить тот факт, что значительное число машиностроительных заводов выпускали трактора хлопковой

модификации и хлопкоуборочные машины. Свыше 2/3 всего объёма промышленного производства республики приходилось на отрасли, связанные с сельским хозяйством, особенно с хлопководством. Это, в свою очередь, давало все основания для однобокого развития экономики.

Узбекистан всегда был богат минерально-сырьевыми ресурсами. На базе этих месторождений были построены рудники, заводы, нефте- и газопромыслы, новые города и поселки. Благодаря этому в республике в 60–70-х годах XX века была создана и получила значительное развитие золотодобывающая промышленность, введены в эксплуатацию золотоизвлекательные комплексы, фабрики, золоторудные комбинаты, а также комбинаты по переработке руды. Разведанное в 50-е годы XX в. крупнейшее газово-нефтяное месторождение в г. Газли Бухарской области явилось базой для развития в Узбекистане газовой промышленности. Общий объём запасов газа месторождения составлял 446 млрд. кубометров. Объём и добыча газа увеличивались год от года: если в 1960 г. было выработано 0,4 млрд. кубометров природного газа, то к 1970 г. 32 млрд. В 1965 г. вступил в строй газопровод Бухара-Урал, в 1967 г. был сдан в эксплуатацию самый протяжённый газопровод Средняя Азия – Центр.

Разведанные в Узбекистане месторождения редких металлов послужили развитию цветной металлургии. В 50–60-е годы республика превратилась в крупный центр цветной металлургии, когда на полную мощность начал работать Алмалыкский горно-металлургический комбинат. Он объединил в себе 2 комплекса – свинцово-цинковый и медный (рудник Калмоккир, меднообогатительную фабрику, медный завод).

В экономике республики одно из ведущих мест занимала химическая индустрия. Первенцем узбекской химии стал Чирчикский электрохимический комбинат, вступивший в строй в ноябре 1940 года. Позже были построены Кокандский (1947 г.), Самаркандский (1955 г.), Навоийский химический комбинат и Алмалыкский химический завод. В 50–60-е годы

в химической промышленности появилась новая отрасль — гидролизное производство. В эти годы были построены Андижанский гидролизный завод, Ферганский завод фурановых соединений и Янгиюльский биохимический завод. К 1985 году в республике функционировало 20 промышленных предприятий, производящих основную массу химической продукции.

В развитии химической промышленности также наблюдались перекосы, которые имели для республики негативные последствия. Это, в первую очередь, касалось того, что практически все химические комбинаты строились в густонаселённых городах и зелёных оазисах. Обеспечивая сельское хозяйство и другие отрасли продукцией своего производства, они загрязняли окружающую среду, неимоверно усложняли экологическую обстановку, нанося непоправимый ущерб природе и здоровью людей. Кроме того, почти все химические комбинаты были ориентированы на производство минеральных удобрений для повышения урожайности хлопчатника, то есть работали в интересах монокультуры. А чрезмерное употребление минеральных удобрений впоследствии привело к разрушению почв, снижению их плодородности. Только в 1964 году на хлопковых полях было использовано более 150 тыс. тонн ядохимикатов 30-ти разновидностей.

В Узбекистан ввозились металлообрабатывающие станки и механизмы, нефтепродукты, лес, зерно и другое, необходимые для нормальной работы промышленные материалы. Развивалась единая система транспорта, позволившая объединить все промышленные центры в единый комплекс. В 1947 году была построена железная дорога Чарджоу — Кунград, протяжённостью более 600 км. В начале 70-х годов вступила в строй железнодорожная магистраль Кунград—Бейнау, которая связала Каракалпакию с Казахстаном и сократила расстояние до центра страны на 2 тыс. км. В послевоенные годы развивался и автомобильный транспорт. Ремонтировались старые, строились новые дороги с асфальтовым и бетонным

покрытием. Расширялся автомобильный парк за счёт поступления новых усовершенствованных машин. Из Узбекистана вывозилось более 100 видов продукции, в том числе ткацкие станки, химическое оборудование, экскаваторы, мостовые электрические краны, сельскохозяйственные машины, насосы, кабель и многое другое. Если в 1958 г. республика поставляла свою продукцию в 32 страны, то к 1970 г. почти в 100 стран мира.

Жёсткая централизация руководства экономикой, система, когда планы составлялись центром без учёта интересов республики, политика диктата, игнорирование человеческого фактора приводили к тому, что показатели (национальный доход, производительность труда и др.) по-прежнему оставались на невысоком уровне. Способствовало этому отчуждение средств производства от непосредственных производителей, отсутствие заинтересованности в результате своего труда, минимальное использование выделенных средств, что приводило к срыву планов капитального строительства. Промышленность работала на «вал», количественные показатели преобладали над качественными, производство второстепенных видов продукции — над основными. Создавались условия для «приписок», нарушений законности и других отрицательных явлений в республике. К 80-м годам XX в. стало заметно снижение темпов роста всех основных экономических показателей.

Нерациональная хозяйственная деятельность человека (которая проводилась, как правило, по приказу центра) и нарастание экологических проблем сегодня принято рассматривать как две взаимосвязанные проблемы. С нарастанием и усложнением последствий человеческой деятельности усугубилась экологическая проблема, приобрела невиданную прежде остроту. В республике сложилась тревожная экологическая обстановка. Ситуация в районе Аральского моря почти вышла из-под контроля человека. До 1960 года усыхания моря практически не было, но когда воду стали брать для полива все больших и больших территорий,

наполнения водохранилищ, оно стало мелеть и умирать. Исчезли мелководные заливы, появились новые острова. Концентрация солей в воде сильно увеличилась. Площадь моря сократилась почти вдвое. Уровень воды понизился на 13 метров, усилились солевые бури. В эти годы воды Сырдарьи и Амударьи накапливались в водохранилищах, построенных как на территории Узбекистана, так и на территории соседних среднеазиатских республик.

Основная причина возрастающего экологического неблагополучия – это нерациональная хозяйственная деятельность человека. Прежде всего, связано это было с ошибками в размещении многих отраслей и предприятий, гигантоманией в строительстве, диктатом центра. Срачивание аппарата государственной власти и хозяйственного управления привело к деформации целей производства, усилению чисто потребительского отношения к природным ресурсам, снижению внимания к человеку и среде его обитания.

Промышленные предприятия, загрязняющие атмосферный воздух над территорией Средней Азии, были расположены, как правило, в густонаселённых местах. Например, завод «Капролактан» в г. Чирчике, химический завод в г. Коканде, цементный завод в Ахангаране, целый ряд промышленных предприятий в Фергане, завод «Навоiazот» в г. Навои, металлургический комбинат в г. Бекабаде и т.д.

Причём, нередко вредные выбросы промышленных предприятий одной республики влияют на качество атмосферы в другой. Например, построенный в г. Гурсунзода (Таджикистан) алюминиевый завод загрязнял атмосферу Сурхандарьинской области выбросами фтора, концентрация которого превышала норму в 5 раз.

Узбекистан занимал первое место по применению химических удобрений (по бывшему СССР), одно из первых мест в мире по применению пестицидов. В середине 80-х годов было использовано 90 тыс. тонн пестицидов. Огромные площади земли умирали, потеряв свое плодородие. Эти поля нуждались в отдыхе, в восстановлении. Но республика должна

была давать хлопок бесперебойно, всё больше и больше. Весь прирост земель шёл на компенсацию погубленных засоленных, эрозированных площадей, выведенных из оборота хищническим использованием.

В бедственном положении оказался и человек. Выросло число аллергических, онкологических, инфекционных заболеваний.

Несколько иная картина наблюдалась в сфере образования, науки, культуры. В послевоенные годы число специалистов с высшим образованием возросло в 2,5 раза. Если в 1960 г. в вузах Узбекистана обучалось 100 тыс. студентов, то в 1970 г. их численность достигла 230 тыс.

Количество вузов возросло с 30 в 1940 г. до 38 в 1970 г. В послевоенные годы были открыты институты: в Ташкенте — электротехнической связи, автодорожный, в Андижане — хлопководства, медицинский и педагогический, в Бухаре — пищевой и лёгкой промышленности, в Фергане — политехнический. Они были призваны удовлетворить спрос в специалистах в сфере образования, промышленности, строительства, транспорта, экономики, сельского хозяйства, здравоохранения, искусства и других отраслях народного хозяйства. Возросло число профессоров и преподавателей вузов: в 1958 г. — 5 тыс., в 1965 г. — 8 тыс. Расширилась сеть НИИ в системе Академии наук и вне её, увеличилось число работников. Если в 1960 г. докторов наук было 222 человека, то в 1975 г. их стало 745 человек. Численность академиков и членов-корреспондентов АН Узбекистана достигла 96 человек.

Были опубликованы произведения узбекских писателей: А. Мухтара «Как будто в бурях есть покой»; Г. Гуляма «Степные фиалки», «Бессмертие»; А. Якубова «Сокровища Улугбека», «Совесь»; Мирмухсина «Сын литейщика», «Зодчий», «Чаткальский тигр»; С. Ахмада «Горизонт»; П. Кадырова «Звёздные ночи»; Д. Абдуллаханова «Барса кельмес» и другие. Плодотворно трудились узбекские поэты: Зульфия, Р. Бабаджан, А. Мухтар, Шукурулло, А. Арипов, Г. Нуруллаева, Э. Ахунова; драматурги: Ибрагим, Иззат Султан, У. Умарбеков,

К. Яшен; публицисты: Ш. Рашидов, Уйгун, Н. Сафаров, Назир, Т. Тула, У. Хашимов, Дж. Джаббаров. Пользовались известностью узбекские художники Ч. Ахмаров, Р. Ахмедов, Р. Чарыев, Д. Умарбеков, Б. Джалалов и др.

Ряд узбекских специалистов работали в 50 странах мира. Посланцы Узбекистана трудились на народно-хозяйственных объектах Сибири, Урала и Нечерноземной зоны России. Машины, оборудование с марками заводов Узбекистана отправлялись в Афганистан, Индию, Алжир и другие страны.

Из Узбекистана вывозилось более 100 видов продукции, в том числе ткацкие станки, химическое оборудование, экскаваторы, мостовые электрические краны, сельскохозяйственные машины, насосы, кабель и многое другое. Если в 1958 г. республика поставляла свою продукцию в 32 страны, то к 1970 г. почти в 100 стран мира.

Общественность Узбекистана поддерживала культурные контакты со 117 государствами. В Узбекистане проводились конференции, симпозиумы. В 1979 г. в Шри-Ланка экспонировалась выставка, посвящённая Узбекистану. Проходили дни дружбы между Узбекистаном и Сирией (1971 г.), Ираком (1975 г.), Ливией (1979 г.) и т.д. С 1968 г. в Ташкенте каждые 2 года проводился Международный кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Сотрудничество с зарубежными странами осуществлялось и путём подготовки специалистов в высших учебных заведениях. Узбекистан готовил национальные кадры для народного хозяйства развивающихся стран. Начиная с 1961 г. Ташкентский медицинский институт приступил к подготовке врачей для зарубежных стран. С 1946 по 1970 гг. в вузах республики прошли подготовку более 1500 студентов, стажёров и аспирантов из 45 стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Особую роль в развитии международных научных связей играла Академия наук Узбекистана. В 1969 г. в научно-исследовательских институтах Академии в целях знакомства с научными разработками побывали 174, в 1970 — 135 иностранных учёных. В 60-е годы более 200 узбекских учёных

побывали в 40 странах мира. Они принимали участие в более чем 50 международных конференциях.

2. Попытка «перестройки» общества

Предкризисное состояние общества заставило искать пути его обновления. Была начата модернизация системы без смены модели общественного развития. Комплекс реформ и процессы, с ними связанные, получили название «перестройка», связанная непосредственно с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачёвым и апрельским (1985 г.) пленумом ЦК партии. Её первый этап начался весной 1985 года попыткой «ускорения» темпов социально-экономического развития. Главными задачами этого этапа было внедрение в производство достижений научно-технического прогресса и активизация человеческого фактора. Центральное место занимали вопросы демократизации общества и отказа от административно-командных методов управления.

Отсутствие значительных результатов подтолкнуло к экономическим реформам. С лета 1987 года начался её второй этап, связанный с переходом от преимущественно административных методов руководства к экономическим, и с демократизацией общественной жизни. Однако, эти преобразования отличались половинчатостью, компромиссами между представлениями о социалистической системе хозяйствования и новыми подходами. Третий этап начался в 1988 году, когда впервые был поставлен вопрос и об изменении политической системы общества. Основной причиной неудачи реформ был назван «механизм торможения», сопротивление административно-командного аппарата. Была сделана попытка соединить идеи социализма и буржуазной демократии.

Тем не менее, перестройка создала предпосылки для гласности, демократизации общества, перехода к многопартийности. В декабре 1988 г. был принят закон об изменении избирательной системы в СССР.

Однако экономические преобразования желаемого результата не дали. Среднегодовой валовой продукт снизился

в Узбекистане с 3,4% в 1981–1985 гг. до 2,75% в 1986–1990 гг. Снизилась темпы роста производительности труда, ухудшились показатели использования основных производственных фондов. Узбекистан, вместе со всем бывшим СССР, входил в экономический кризис. В обществе усилились позиции «рыночников».

В Узбекистане понимали, что сверхцентрализм требует скорейшего демонтажа. Были приняты законы в СССР, направленные на снижение влияния центра, что свидетельствовало о нарастании тенденций независимости.

Руководство Узбекистана разработало свою программу выхода из кризиса. Главным в ней было создание эффективной, социально-ориентированной рыночной экономики, базирующейся на многообразии форм собственности и достижении высокого уровня благосостояния, всесторонней защищенности граждан Узбекистана.

Сдвиги начались и в общественно-политической сфере: зарождается гласность, возрождается гражданское достоинство людей, идёт борьба против монополизма КПСС, за переход власти от партийного аппарата к Советам, появляются общественные движения и неформальные организации (Бирлик, Эрк, Тумарис, Свободное объединение молодежи Узбекистана и т.д.), действовавшие наряду с Компартией Узбекистана. В их программах поднимались вопросы национального возрождения республики.

К этому времени наиболее чётко обнаружилась несостоятельность легенд о замечательных завоеваниях социализма и его неоспоримых социально-экономических, политических, идейных и моральных преимуществах. Как только ослаб идеологический прессинг, появилась возможность называть вещи и явления своими именами.

Стремясь заблокировать «сепаратистские» устремления, союзное руководство попыталось в рамках назревшей борьбы с коррумпированной номенклатурой утвердить себя в глазах народа как борцов за социальную справедливость. В этих целях в ряде регионов Союза развернулась кампания громких

«разоблачающих» дел, призванных продемонстрировать стремление новой союзной политической элиты за «социалистическое очищение» и пресечение коррупции, свалив при этом провалы в экономике на местные руководящие кадры. Так, в 1984 г было сфабриковано так называемое «хлопковое дело». В республику был направлен мощный десант партийных, советских, правоохранительных и хозяйственных работников. По их инициативе развернулась настоящая травля ещё сохранившихся народных обычаев, культуры, усилилось искусственное ограничение родного языка. Дело дошло до того, что люди боялись проводить свадьбы, хоронить родственников в соответствии с национально-религиозными традициями.

Следственная комиссия во главе с союзными следователями Гдяном и Ивановым с 1984 по 1989 г. раскручивали так называемое «хлопковое» или «узбекское» дело. В результате был опорочен бывший руководитель республики Ш.Р. Рашидов, сотни тысяч честных людей и республика в целом. В ходе дела из 57,5 тыс. номенклатурных работников 74% были сняты и перемещены, 250 депутатов отозваны, 70 тыс. человек арестованы, ряд лиц расстрелян, некоторые покончили с собой.

Невозможность каких-либо реформ, непродуктивность модели существующей власти в сочетании с резко ухудшившимся социальным положением людей определили в 90-х годах поворот в жизни всего бывшего СССР, подтолкнули тоталитаризм к распаду и показали необратимость прогресса в будущем.

Таким образом, накануне достижения независимости Узбекистан находился в кризисной социально-экономической ситуации, но в нём шли благотворные процессы национального возрождения, дающие перспективу прогрессивного развития.

В конце 80-х-начале 90-х гг. в Узбекистане усилились тенденции суверенизации, проявившиеся в различных сферах жизни общества.

3. Формирование условий для обретения независимости

Важным шагом на пути к независимости стало принятие в октябре 1989 г. «Закона о государственном языке», придавшем этот статус узбекскому языку, ранее отодвигаемому на второй план. В целях его реализации была создана сеть бесплатных кружков по изучению узбекского языка, усилено внимание к его преподаванию в учебных заведениях, к изданию учебников, литературы на нём.

В республике взяли курс на защиту граждан Узбекистана, необоснованно обвинённых по так называемому «хлопковому делу», показав этим очевидность клеветы на наш народ.

Была начата политическая реабилитация Ш.Р. Рашидова, долгие годы возглавлявшего республику и много сделавшего для неё.

Руководство Узбекистана, примерно с первой половины 1990 года, ликвидировало практику собеседования в Москве лиц, рекомендуемых на отдельные высокие должности, что было по тем временам мужественным и решительным шагом.

Правительство Узбекистана приступило к воссозданию областей, районов, городов, бездумно объединённых по указке Москвы.

Вопреки сопротивлению Центра, в Узбекистане, первом среди республик бывшего Союза, весной 1990 г. был учреждён Пост Президента Республики. Совет Министров был преобразован в Кабинет Министров, возглавляемый непосредственно Президентом. Это означало переход на принципиально новую ступень суверенизации и государственности. Первым Президентом Узбекистана был избран в марте 1990 г. И.А. Каримов.

На первой сессии (март 1990 г.) двенадцатого созыва Верховный Совет республики одобрил программу деятельности правительства Узбекистана и основные концепции его экономической, социально-духовной самостоятельности.

Суть их в следующем: Узбекистан выступает как суверенное государство в составе организованного на федеративных началах Союза ССР;

все богатства республики являются национальным достоянием её народов, в том числе земля, полезные ископаемые, основные фонды, культурные и исторические ценности; Узбекистан реализует свои суверенные права и проведение самостоятельной социальной и экономической политики, обеспечивает сохранение национальной самостоятельности при восстановлении национальных и исторических традиций и ценностей; республика должна на деле иметь свои средства и источники самофинансирования;

Узбекистан будет строить свои отношения с центром и другими регионами страны на полностью полноправной, эквивалентной и взаимовыгодной основе. На этих же принципах в составе обновлённой федерации республика устанавливает и развивает экономические и культурные связи с зарубежными странами, внося свой вклад в общесоюзное разделение труда; децентрализация и демократизация экономики и всей системы руководства народным хозяйством должна носить всеобщий характер, пронизывать все сферы производства и общества, охватывая не только отрасли и территории, но и каждый трудовой коллектив. Они должны быть осознаны каждым тружеником, обеспечить всемерную социальную защиту населения, в особенности, его малообеспеченные слои.

20 июня 1990 г. вторая сессия Верховного Совета Узбекистана двенадцатого созыва приняла «Декларацию о суверенитете». В ней были закреплены основополагающие принципы государственного суверенитета республики: верховенство демократического государства и законов республики на всей территории; неприкосновенность и неделимость государственной территории и границ; самостоятельное решение вопросов внутренней и внешней политики, признание и уважение основных принципов международного права; определение пути развития, своего названия, государственных символов и т.д. Этот документ не только заявил о решимости народа наполнить государственный суверенитет реальным юридическим, экономическим и политическим содержанием,

но и стал основой борьбы Президента за независимость. Активную поддержку идеи независимости получили в среде общественных движений Узбекистана.

Таким образом, Узбекистан был одной из первых республик бывшего СССР, поставивших вопрос о суверенитете в практическую плоскость. Дальнейшие события подтвердили правильность линии руководства республики, которое, не дожидаясь, когда суверенитет Узбекистана будет закреплён новым союзным договором, предпринимало реальные шаги.

В бывшем СССР в это время усиливается экономический и политический кризис. Центральная власть дискредитировала себя. В республиках наблюдался рост национального самосознания. Правительства республик стремились ликвидировать все формы подчинения Центру, который не мог остановить тенденций распада. Руководство республик взяло курс на выход из СССР.

11 марта 1990 г. Литва первой объявила о восстановлении полного государственного суверенитета. Начался период «парада суверенитетов» и «войны законов». Республиканские компартии стали выходить из КПСС. До начала осени 1990 г. М.С. Горбачев, бывший Президентом СССР, маневрировал между консерваторами и реформаторами в высших эшелонах власти. С осени шло сплочение консерваторов. Они начали требовать чрезвычайных мер, авторитет М.С. Горбачева стал падать.

Весной 1991 г. ситуация обострилась, но Горбачеву удаётся, после острых дебатов, добиться согласия 9 (из 15) республик подписать 20 августа новый союзный договор. Его подписание было сорвано попыткой 19–20 августа захвата власти ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению), подавленной демократически настроенными слоями населения.

Эти события настоятельно потребовали от руководства Узбекистана скорейшего законодательного определения своего независимого пути.

Ключевые термины.

«Перестройка» общества в СССР. Хрущёвская «оттепель». Потребительское отношение к природным ресурсам. Демократизация общественной жизни. Социалистическая система хозяйствования. Административно-командный аппарат. Многопартийность. Сверхцентрализм. Социально-ориентированная рыночная экономика. Многообразие форм собственности. Монополизм КПСС. Тенденции суверенизации. «Хлопковое дело». Децентрализация и демократизация экономики. «Парад суверенитетов». «Войны законов». ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению).

Вопросы и задания.

1. Перечислите причины и истоки кризисных явлений 70–80-х годов.
2. В чём проявлялась нерациональная хозяйственная деятельность человека и, как следствие, нарастание экологических проблем?
3. Почему провалилась попытка «перестройки» общества?
4. Какие необходимы были предпосылки формирования условий для обретения независимости?
5. В чём сущность социально-ориентированной рыночной экономики?
6. Как в СССР проводилась децентрализация и демократизация экономики, и каковы итоги?
7. Какую цель преследовали руководители ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению)?

Тесты

1. На каком съезде Компартии СССР подвергся критике культ личности Сталина?
А) XX
В) XXI
С) XXII
Д) XXIII

2. В каком году был учреждён Пост Президента Республики?

А) 1991 г.

В) 1991 г.

С) 1990 г.

Д) 1989 г.

3. Какое решение приняла вторая сессия Верховного Совета Узбекистана двенадцатого созыва 20 июня 1990 г.?

А) приняла «Декларацию о суверенитете»

В) приняла закон «О независимости»

С) был учреждён Пост Президента

Д) Приняла конституцию

4. Когда был издан указ о создании Новой истории Узбекистана?

А) 1996 год 16 декабря

В) 2010 год 31 сентября

С) 2009 год 31 октября

Д) 2003 год 1 ноября

5. Какое событие знаменует 1984 г.?

А) Хлопковое дело

В) Дело Восемнадцати

С) Дело Иногамова

Д) Началось ускорение темпов социально-экономического развития

6. С какого года в Ташкенте каждые 2 года проводился Международный кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки.

А) 1969 г.

В) 1968 г.

С) 1970 г.

Д) 1978 г.

7. Кто автор произведений «Степные фиалки», «Бессмертие»?

А) Г. Гулям

В) А. Якубов

С) Д. Абдуллаханов

Д) Мирмухсин

8. Как называется опера В. Мурадели 1948 г.?

- А) Великая дружба
- В) Большая жизнь
- С) Бессмертие
- Д) Степные фиалки

9. Где в 1979 г. экспонировалась выставка, посвящённая Узбекистану?

- А) Шри Ланка
- В) Грузия
- С) Ирак
- Д) Ливия

Рекомендуемая литература.

1. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего. В кн.: Каримов И.А. Своё будущее мы строим своими руками. – Ташкент, Узбекистан, 1999. Т. 7. – с. 128–152.

2. Каримов И.А. Узбекистон мустақиллика эришиш остонасида. – Ташкент: Узбекистан, 2011. – 440 б.

3. Мирзиёев Ш.М. Буюк келажегимизни мард ва олийжаноб халкимиз билан бирга курашимиз. - Т.: Ўзбекистон, 2017.

4. Мирзиёев Ш.М. Выступление на 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. WWW// UZA.UZ. Дата обращения 23.09.2018.

5. История Узбекистана. Учебник для ВУЗов. Ташкент: «Fan va texnologiya»-2011.

7. История России. С древнейших времен. - М., «Дрофа», 2005.

8. Conquest Robert. The great terror. Oxford University Press, USA. 2007. Page 608. 40-th Anniversary edition. ISBN-13: 978-0195316995, ISBN-10:0195316991.

9. Ўзбекистоннинг Янги тарихи. Т. 2. Ўзбекистон Совет мустамлакачилиги даврида. – Т., «Шарқ», 2000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Тема 1. Колониальная система Российской империи.	
Переселенческая политика и её особенности.	4
1. Политика Российской Империи в области администрации и управления.	4
2. Экономическая политика Российской империи в Средней Азии	9
3. Бухарский эмират и Хивинское ханство в условиях колониальной зависимости.	15
4. Переселенческая политика и её особенности	28
Тема 2. Эксплуатация населения и экономики Туркестана в интересах Российской империи.	48
1. Экономика Туркестана и её эксплуатация в интересах метрополии.	48
2. Географические и естественнонаучные исследования.	69
Тема 3. Влияние политических процессов в Российской империи на Туркестан	76
1. Народно-освободительное движение в Средней Азии. Андижанское восстание 1898 г.	76
2. Методы русификации коренного населения Туркестана	90
3. Усиление национально-освободительного движения в Узбекистане в период Первой мировой войны. Восстание в 1916 г. Политические события 1917 г.	97
Тема 4. Истоки советского тоталитаризма.	
Формирование советской тоталитарной системы.	111
1. Теоретико-методологические основы социалистического государства. «Культурная программа большевиков». . . .	111
2. Формирование советской тоталитарной системы. . . .	118
3. Деформация роли народного образования, литературы и искусства.	122
Тема 5. Борьба за национальную государственность в условиях советской системы власти.	129

1. Обстановка в Туркестане в 1917–1918 гг.	129
2. Туркестанская Автономия (Туркистон Мухторияти).	134
Тема 6. Упрочение тоталитарного режима. Усиление репрессивных функций власти.	143
1. Попытки стабилизации общества. Национально-территориальное размежевание и образование Узбекской ССР.	143
2. Политические преследования, как официальная государственная политика.	148
3. Методы репрессивной политики советской власти.	151
4. Политика коллективизации.	158
Тема 7. Система образования в Узбекистане в 20–30-е гг. XX века. Наука и национальная интеллигенция.	166
1. «Социалистическая модернизация» образовательной сферы.	166
2. Преследования учёных и преподавателей.	183
3. Влияние идеологических процессов на науку в 20–30-х гг. советского строя.	191
Тема 8. Обстановка в Узбекистане в годы Второй мировой войны и послевоенные годы.	206
1. Концепция управления идеологией. Вторая мировая война и Узбекистан.	206
2. Экономическая и историческая науки.	217
3. Борьба с космополитизмом и различными «уклонами» в области литературы, поэзии и музыки в 50-70-е годы XX века.	227
Тема 9. Попытка модернизации тоталитарного строя в 70–80-е годы XX века. Нарастание кризисных явлений.	240
1. Истоки кризисных явлений 70-80-х годов XX века. Нерациональная хозяйственная деятельность человека и нарастание экологических проблем	240
2. Попытка «перестройки» общества.	253
3. Формирование условий для обретения независимости.	256

УЗБЕКИСТАН В ПЕРИОД КОЛОНИАЛИЗМА И СОВЕТСКОГО ТОТАЛИТАРИЗМА

Учебное пособие

Издательство национального общества
философов Узбекистана
100083, г. Ташкент, ул. Матбуотчилар, 32

Редактор В.Д. Джураев
Корректор В.Д. Джураев
Технический редактор А. Аубакиров
Компьютерная верстка А. Аубакиров

Лицензия издательства АИ № 216, 03.08.2012.

Подписано в печать 10.10.2018. Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать
офсетная. Гарнитура Uz-Times. Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л.
16,5. Тираж 300 экз. Заказ № 20

Отпечатано в типографии ЧП «AVTO NASHR»
Адрес: г. Ташкент, ул. 8 Марта, 57.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ФИЛОСОФОВ УЗБЕКИСТАНА

ISBN 978-9943-5489-3-0

9 789943 548930